КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. О. АЛИПІЙ. (Разсказъ). **Ѳ. А. Кудринскаго.** (*Окончаніе*). 239—271

II. ПѢСНИ МОЛОДЕЖИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНѢ. **А. Г. Хатемкина.** . . . . . 272—318

III. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича.** (*Окончаніе слѣдуетъ*). . . . . 319—335

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** (*Продолженіе слѣдуетъ*). . 336—393

V. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). Сообщ. **А. Титовъ.** (*Продолженіе слѣдуетъ*). 394—408

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Этнографическій элементъ въ повѣсти Гоголя «Заколдованное мѣсто». **В. Милорадовича.** б) Риторическій учитель Черниговскаго коллегіума монахъ Гавріилъ Искра и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской академіи Георгіемъ Конисскимъ. **Д. К. Вишневскаго.** в) Къ исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи. г) Къ біографіи митрополита кіевскаго Самуила. Сообщилъ **А. А. Танковъ.** д) Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеній XVIII вѣка. Сообщ. **Д. Вишневскій.** е) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. ж) Поправка. . . . . 55—73

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Monumenta linguae necnon literarum ukraino-russicarum (ruthenicarum) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae edita. Vol. I.—Памятки українсько-руської мови і літератури. Видае комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том I. Апокріфи старозавітні зібрани з рукописів українсько-руських. **В. Щербины.** б) Józef Włast. Opowiadania historyczne z dziejów okolicy Słuczy i jej dopływów. **Б.** в) Записки императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. VIII, вып. 1 и 2. (Новая серія). Труды отдѣленія русской и славянской археологіи. Книга первая. г) Опытъ военно-историческаго изслѣдованія о козачествѣ. Выпускъ 1-й. Полковника М. Нуджевскаго. **Z.** д). Обзоръ журналовъ. . . . . 74—84

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи. (81—88).

2) Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (89—96).

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» (*въ концѣ книги*) 1

Дозволено цензурою Кіевъ, 27 сентября 1897 года.

О. АЛИПІЙ[1].

РАЗСКАЗЪ.

(*Окончаніе*).

VIII.

„Нова церква".

Въ одинъ лѣтній вечеръ о. Алипій поинтересовался выровскими окрестностями. Онъ пошелъ сначала садомъ, потомъ огородами и обратилъ, между прочимъ, вниманіе на совершенно расхищенную огорожу своего забора. Объ этомъ не разъ говорила ему Анисья Элпидифоровна. Это было самое больное мѣсто въ хозяйственныхъ неурядицахъ о. Алипія. Говорила также жена и о томъ, что „вподовжъ" огородовъ сдѣлана была своевольными крестьянами по грядамъ битая, колесная дорога по направленію къ лугамъ. Безспорно, что нужно-бы что нибудь предпринять противъ этого своеволія, но какъ тутъ приступить, кого винить, съ чего начать?...

Вдали въ лугахъ виднѣлось озеро, поросшее ситникомъ. О. Алипій зналъ, что озеро было церковное, завѣщанное выровской церкви какими-то давними польскими эрекціями, и ему очень

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 № 7 и 8.

хотѣлось его поближе посмотрѣть. Кстати, онъ замѣтилъ суетившихся около озера крестьянъ... Подойдя ближе къ озеру, онъ дѣйствительно увидѣлъ, что два крестьянина стояли по поясъ въ мутной, грязной водѣ и вытаскивали веревками дубовыя толстыя балки, издавна плававшія по озеру и неизвѣстно кѣмъ и когда туда положенныя. Подойдя ближе къ самой водѣ, онъ узналъ въ работавшихъ крестьянъ своего прихода.

— А що це вы робыте?

— Балки тягнемо.

— Боже помогай!—Батюшка снялъ шапку.

— Дякуемо на доброму слови!—отвѣчали крестьяне изъ воды, обхватывая веревками бревно.

— А гарне дерево.

Нѣсколько вытащенныхъ балокъ лежали на землѣ. Батюшка постучалъ палкою по твердому, набрякшему водою дубу.

— Мицне... Набрякло водою. А нащо-жъ то воно? до чого?

— Церква буде.

— Що?—удивился батюшка.

— Аже-жъ церкву будемо ставыты, то перше дерево заготовляемо. Миркуемо роботу роспочаты поки що...

— Якъ-го церкву? Хто-жъ прыказавъ?

— А хиба-жъ вы не знаете? Тожъ дуже стара вже наша церква. А сегодня, бачъ, мы понедилкуемо... То воно не годыться друге дило робыть... Ось почалы мы оце въ де-якій часъ зъ деревомъ пораться... Гей, Гаврыло, торкны-но кинцемъ, бо щось не йде... Затягай! Та не роздзявляй занадто рота, бо ворона щобъ не влетила. Ну!

— Якъ же це вы такъ? Хиба-жъ то можна безъ дозволенья? удивился батюшка.

— Якого дозволенья? То-жъ мы вамъ казалы, що церкву будемо будоваты. Церкву давно тра поставыты. Аже-жъ самы бачите, якъ вона въ насъ хитущая и рухлявая. Охриме, не пускай свого кинця. Держи!

— А скажить-но вы мени, хто це жерды покравъ у мене на городи?

Крестьяне удивились.

— Хто покравъ?! Нехай ёму все лыхе, хто думавъ красты. Або въ насъ злодіи е, чи що?

— И зроду у насъ такихъ злодіивъ ще не було, дополнилъ Охримъ, щобъ жердыну красты. Ото допиро сказалы!.. И Охримъ вытеръ мокрымъ рукавомъ свое лицо... На насъ, здается, ще хресты е...

— А де-жъ вона подилася? То же безъ жердья городъ не стоявъ?

— Де подилася? Люде може розибралы, кому тра було... сказалъ Гаврило послѣ нѣкотораго молчанія.

— Звистно зимою, бо, якъ той казавъ, лыкомъ печи не нагріешь, то завше воно треба полино до печи, зновъ-же и до коминка... дополнилъ мысли своего товарища Охримъ.

— Якъ-же-жъ вы говорыте, не вкравъ... колы люде побралы мое жердье?

— Запевне, що не кралы, а колы тра було, то бралы соби потроху зъ города, тай годи. Ще въ насъ, хвалыты Бога,—фю фю,—лиса слава Тоби Господы! И Гаврило провелъ мокрой рукой на лѣса, стоявшіе кругомъ... Чи-жъ мы станемо въ кого жердье красты? Нехай тому болячки сядуть на рукахъ, а въ насъ ще такого поведенія не було и нема...

— А хиба-жъ то не воровство, колы вы берете зъ городу чуже добро?

— Нехай тому на тому свити добра не буде, хто краде... А якъ кому треба жердыны, то пишовъ въ лисъ тай выбравъ соби...

— Тай выбравъ соби, опять продолжилъ Охримъ мысли своего товарища. Мало, бачъ, въ насъ лиса? Зновъ-же лычкомъ печи не нагріешь; що правда, то правда.

— А запевне, бо таки такъ, сказалъ опять Гаврило. Въ насъ куды не перевырныся—усе лисъ та лисъ... тай годи... хиба у якого дурня сокирки не трапытся.

— Де небудь въ другому мисци, а у насъ злодіивъ на таке добро ще не чутно.

Крестьяне разговаривали, не глядя въ сторону батюшки. Словно они говорили между собой. Въ самомъ тонѣ ихъ голоса

слышалась нотка какъ бы спора, хотя они говорили вполнѣ согласно.

Такова манера у выровцевъ вести разговоры.

О. Алипій слушалъ и былъ нѣсколько смущенъ разсужденіями Гаврила и Охрима. Тонкое различіе между выраженіями „красты“ и „браты“ ему до сихъ поръ было не извѣстно. А между тѣмъ крестьяне одну и туже тему развивали въ однихъ и тѣхъ-же оборотахъ рѣчи на всѣ лады... такъ что о. Алипію надоѣло слушать. Онъ хотѣлъ уйти, но припомнилъ про колею черезъ огородъ.

— А то я ще хтивъ запытаты про дорогу... Нащо вы дорогу черезъ мои городы завелы? Хиба таки годытся?

— А бо що? въ одинъ голосъ переспросили крестьяне.

— Хиба дорога повынна буты на городи?

— А де-жъ пройихаты людямъ на лугъ?.. Опанасъ чрезъ свій тикъ не пускае, Омелянъ не пускае, Ефремъ замостывъ збижжемъ свою клуню, тежъ пройихать не можна... Нихто не пускае, а людямъ на лугъ йиздыть треба...

— То вы черезъ мое поле вулыцю проложилы?

— Зачимъ вулыцю?.. Маленька стежка тутечки завше бувае. Ще за старенького панъ-отця...

— А чому-жъ вы на другому городи стежки не положите?

— Бо колы люде на лугъ не позволяютъ пройихаты... Опанасъ не пускае, Омельянъ...

— И батюшка може не пустыты!

— Якъ-то не пустыты? Его земля—то громадьска земля.

— Ось що?

— Та вже-жъ, то мырскій ланъ, значится. Якъ той казавъ, попивскій кусокъ—громадьскій працюнокъ.

— Дякую вамъ за це слово... Я и не знавъ,—сказалъ батюшка обиженнымъ тономъ.

Крестьяне замолчали, угадывая тонъ рѣчи своего священника.

Нѣсколько минутъ постоялъ еще батюшка у берега, а затѣмъ пошелъ на цвинтарь. На погостѣ онъ замѣтилъ нѣсколько такихъ же уже сложенныхъ подъ заборомъ балокъ. О. Алипій

удивился, что крестьяне успѣли такъ скоро свезти дерево. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ на погостѣ и не видѣлъ дерева. Поспѣшность, съ которою выровцы начинали работы по постройкѣ новой церкви, была тѣмъ удивительна, что, какъ успѣлъ замѣтить о. Алипій, полѣшукъ не отличается особенною торопливостью въ работѣ вообще, а тѣмъ болѣе—если эта работа имѣла, какъ въ данномъ случаѣ, общественный характеръ.

Очевидно въ постройкѣ церкви выровецъ видѣлъ для себя экстренную работу, не въ примѣръ другимъ... При старомъ батюшкѣ необходимость въ новой церкви словно-бы не такъ еще сознавалась крестьянами. Но когда въ село прибылъ новый батюшка, они инстинктивно и словно вдругъ почувствовали какъ бы несообразность старой церкви съ молодымъ ея священнослужителемъ, и работа была начата.

Замѣчательно, что эта необходимость работъ и начальный ихъ ходъ были сознаны крестьянами безъ всякихъ обычныхъ въ крестьянскомъ быту сходовъ и разговоровъ. Никто не уполномочивалъ ни Гаврила, ни его товарища вытаскивать балки изъ озера. Они сами начали работу, понимая, что въ такомъ предпріятіи должны участвовать всѣ, и не все ли равно, кто первый начнетъ... И всякій, кто видѣлъ издали ихъ работу, зналъ, что это Гаврило и Охримъ „возятся въ болоти и тягнуть дерево на церкву“, хотя никто близко не подходилъ къ нимъ и работники никому не говорили о своей работѣ. Ходъ работъ подразумѣвался крестьянами самъ собою.

— Не можна!—протестовалъ о. Алипій противъ столь спѣшной постройки церкви.—Перше треба бумагу архирею написаты.

— Нащо бумагу?

— А якъ же-жъ?.. Зъ ёго розришенія. Тожъ я отвичаю за ваше самоправство. Якъ-же то можна такъ, безъ позволенья?

— А же-жъ въ Ставищахъ, еднаково, выстроилася церква и безъ бумаги и безъ розришенія?

Это, безспорно, была важная опора въ дѣйствіяхъ выровцевъ. Они хорошо помнили, что въ сосѣднемъ, ближайшемъ къ нимъ селѣ Ставищахъ (50 верстъ отъ с. Выры) церковь тоже

была выстроена именно такимъ-же образомъ: натащили люди дерева, пригласили майстра, Петра Очерету, и поставили по его плану церковь.

— Ось що,—сказали въ заключеніе крестьяне своему батюшкѣ: Вы, батюшка, пышить якую тамъ для васъ треба бумагу, а мы будемо строиты церкву, тай годи... Бо то, правду сказавши, ажъ соромъ чого-съ въ такій церкви служиты... Ну, подывится сами...

Всѣ обращались лицами къ набекренившейся церкви съ черными стѣнами, покрытыми мохомъ, и съ наклонившимися въ разныя стороны крестами. Убогій видъ церкви служилъ самымъ лучшимъ оправданіемъ самовольнаго поступка выровцевъ.

— Церква не еденъ рикъ така стоить... Стояла багато, постоить и меньше, поки розришенье прыйде,—вразумлялъ батюшка непослушныхъ прихожанъ.

— Але якъ-бо то можно... Якъ булы у насъ старенькій батюшка, то и церква була старенька... упорно стояли крестьяне на своемъ.

IX.

Аролъ.

На другой день послѣ этого разговора у о. Алипія произошла крупная ссора съ Анисьей Элпидифоровной изъ-за того, что на церковный лугъ выровцы выгнали цѣлый табунъ своего „товару“. Жена доказывала, что слѣдовало-бы сейчасъ-же „питы и до сто-чортивъ пробраты ихъ скотивъ,щобъ не гонялы бильше“. О. Алипій что-то такое возражалъ, не всегда впопадъ, и колебался исполнить совѣтъ жены. Къ этому еще примѣшалось расхищенное „жердье“ и битая „колея“ черезъ огороды. На третій день о. Алипій, убѣдившись, что нужно-же, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь предпринять, пригласилъ нѣсколькихъ выровцевъ къ себѣ на домъ и сталъ ихъ усовѣщевать святымъ письмомъ и

посланіями апостола Петра, чѣмъ еще болѣе раздражилъ свою жену. На четвертый день, когда онъ шелъ по улицѣ, крестьянскія дѣти подростки, игравшія на улицѣ, бѣжали впереди его и кричали во всю глотку: „Пани добродзѣю! Чи смачны тлюски на олею“... Это страшно раздражило о. Алипія, и онъ постарался замѣтить, въ чей дворъ вбѣжали эти испорченныя дѣти. На пятый день въ клунѣ о. Алипія пропали борона и упряжь и т. д.

„Щожъ це таке накинець, раздумывалъ о. Алипій... Кожный день що небудь... Якъ нарочно... Цёму и кинця не буде... Ось тоби и пастырство и нравственное усовершенствованіе паствы. Воно бы и не що, можно-бы справыться... Такъ зновъ-же тая Анисья щось дуже все роздражается“,—раздумывалъ не безъ горечи о. Алипій, подводя итоги своей недолгой пастырской дѣятельности въ Вырахъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ раздумья къ о. Алипію, какъ-бы крадучись, подошелъ арендаторъ жидъ Ароль.

— Мое почтеніе, батюшка, сказалъ онъ, снимая картузъ—съ той осторожной полуфамильярностью, когда еврей не знаетъ, какъ примутъ его привѣтствіе.

— Здравствуйте, Ароль, отвѣтилъ о. Алипій.

— Якъ поживаете? смѣлѣе, накладывая фуражку на голову, спросилъ Ароль.

— Ничого соби...

Молчаніе.

— Ну-у... а що я вамъ скажу, батюшка? понижая тонъ, подобострастно сказалъ еврей, подходя ближе.

— А що?

— Знаете, тыи мужики, то настоящіи негодяи... Съ нымы и зроду неможна деликатно, бо то все едно що скотына. Ты еи бильше бый, то вона буде липша... Дальбукъ!..

О. Алипій ничего на это не сказалъ.

— Вы що на це думаете?... Думаете: старый Ароль бреше?.. Ну, нехай... А старый Ароль таки скаже, що якъ,—пробачайте,—вы пидете на церемоніи съ тымы капыцямы, то, дальбукъ, добра не буде... И геть все воны вамъ згидять:—и стожка, и

городы, и поле... Згадаете мое слово. Вы ще не знаете, що то за выровець. Вы не дывится, що винъ окримъ лиса та болота ничого не бачивъ. Винъ хитра скотына... Вы що думаете? Думаете може, що старый Ароль бреше?.. Нехай такъ мои диты брешуть, колы я брешу. Нехай...

Еврей замолчалъ и съ видимымъ сознаніемъ правоты своихъ замѣчаній, основанныхъ на долголѣтнемъ опытѣ и знаніи условій быта полѣшука, полѣзъ въ засаленный лапсердакъ, досталъ оттуда роговую табакерку, покрытую толстымъ слоемъ грязи, осторожно стукнулъ по ней съ боку отъ правой стороны къ лѣвой, открылъ верхъ и,—съ нѣкоторою неувѣренностью въ голосѣ, сказалъ:

— Батюшка не позволыть?.. То добрый табакъ, дуже добрый...

— Ни, я не нюхаю.

— Добре робыте, сказалъ Ароль, понюхавъ табаку и прячя табакерку въ такомъ-же порядкѣ, какъ и доставалъ ее. Дальбукъ, добре робыте... Бо той табакъ, то тыльки задаремне гроши гидыты. Певне и не курыте?..

— Не курю.

— О, то найлипше. А въ мене въ крамныци славный табакъ, атличный табакъ... Я думавъ таки—батюшка курять. Господинъ врадникъ, якъ произжаютъ черезъ Выры, то завше въ мене табакъ беруть... И свички беруть, и папиръ, и муку, и мясо, и все, що тыльки потрибно. Въ мене атличный товаръ... Самъ врадникъ сказавъ, що такого товару, Ароль, якъ въ тебе, ни въ кого нема. Дальбукъ!..

Онъ опять помолчалъ.

— А знаете пани-добродзію, що я вамъ скажу? Якъ вы хочете, щобъ вамъ жердье було, то вы искажить Павлови, Багнюшу и Ѳедору Пиньчуку, щобъ непреминно вывезлы вамъ зъ лиса... бо то воны шельмы забралы зъ вашего города жердье. Черезъ старосту тыльки наказать, воны заразъ и прывезуть вамъ, скильки треба. А якъ будете просыты ихъ, то воны зроду ничого вамъ не зроблять, нихто не повернется и пальцемъ о палець не стукне... Думаете може, що старый Ароль бреше? Нехай и

бреше. Хиба воны понимають, що батюшци потрибно? Ни одна скотына не догадается, що якъ забрано жердье, то треба нове прывезты... То що-рикъ такъ робытся. Я вамъ кажу...

— И при старенькому такъ було?

— Такъ и при старенькому було...То такіи скотыны, я вамъ скажу... А я ще хотивъ васъ запытаты, пани-добродзію, чи церковне выно вы де думаете куповаты?

Не успѣлъ еще отвѣтить о. Алипій на этотъ вопросъ, какъ еврей продолжалъ:

— Бо въ мене завше старенькій добродзій бралы, нехай имъ Богъ на тому свити всёго доброго дае... Въ мене атличне выно... и церковное, и хересъ, и мадера, и шампанское. Я не дорого визьму, шисть злотыхъ и десятка за бутельку. Дальбукъ!

— Добре, може и у Ароля прыйдется де яку бутельку взяты, бо дежъ тутъ достанешь?..

— Запевне, запевне... бо въ мене атличне вино. Хочете, я вамъ едну бутельку прынесу? Коштовне выно! Я заразъ прынесу для батюшки...

— Ни, не треба...

— Ну, що то за не треба... Я зъ пана-добродзія не дорого визьму. Шисть злотыхъ и шисть грошей.

Батюшка покачалъ отрицательно головой.

— А я бы ще скинувъ для початку. Ну, хоть пивъ бутельки? Мени дуже хочется, щобъ молодый панъ-добродзій попробовалъ въ мене вына.

— Другимъ часомъ.

— Ну, добре... Нехай и такъ. Якъ бувало у покійнаго добродзія гости, такъ заразъ и до мене... А що я ще хтивъ сказаты, пани-добродзію?.. сказалъ опять жидъ, перемѣняя тонъ.

— Ну?

— Мужики хтять церкву нову ставыты? Воны и дерево вже волочать.

— Ну, що-жъ зъ того?

— Я-бы радывъ батюшци, щобъ вы поговорылы съ Петромъ Очеретою.

— Хто такій Очерета?

— Майстеръ, пидрядчикъ... Винъ тутъ на полисьи церквы и дзвонныци ставыть и велыку наветь роботу мае. Винъ хутко прыйде въ село... Я чувъ запевне, що наши хочуть ему пидрядъ здаты на нову церкву. То вы черезъ него що хочете, то и зробыте... А якъ почнете зъ мужикамы по едному балакаты, то ничого зъ того не выйде. Думаете, старый Ароль бреше.?. Ну, я ницъ на те не кажу. Нехай и бреше...

Въ такомъ родѣ длилась бесѣда выровскаго батюшки съ Аролемъ болѣе часа. Проходившіе мимо нихъ крестьяне снимали шапки, цѣловали почтительно руку у священника и не забывали прибавлять: „якъ ся маете, пани-арендару?“

Не разъ находило на о. Алипія грустное настроеніе, но никогда еще не было ему такъ тяжело, какъ послѣ разговора съ Аролемъ. И домашнія хозяйственныя неудачи, и раздражительность жены, проявлявшаяся, чѣмъ дальше шло время, все сильнѣе и сильнѣе, и недоразумѣнія съ крестьянами, и этотъ разговоръ съ Аролемъ, въ которомъ, не смотря на явно проглядывавшіе своекорыстные мотивы со стороны еврея, все-таки звучала большая опытность жида и его болѣе близкое знаніе крестьянъ... все это легло тяжкимъ камнемъ на сердце о. Алипія, мало подготовленное къ такимъ впечатлѣніямъ. Хуже всего было, что ко всему этому примѣшивалась какая-то безотрадность... невозможность сейчасъ предпринять что-либо, невозможность посовѣтоваться, даже поговорить обстоятельно съ кѣмъ нибудь... „Въ другому сели волость бувае, або школа... Все можна де-колы и душу отвесты... зъ пысаромъ, або учителемъ... А тута... Господи“!... Какая-то особенная усталость, которая бываетъ не отъ физическаго труда, а отъ быстро, несвоевременно нахлынувшихъ и съ трудомъ переживаемыхъ непріятныхъ впечатлѣній, охватила о. Алипія. Онъ вошелъ въ свой кабинетъ, въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ и сидѣлъ въ немъ долго и недвижимо. Думы разныя шли неотвязчиво ему въ голову, не смо-

тря на то, что ему вовсе не хотѣлось думать... Онъ чувствовалъ, что не совладать ему съ этими думами, которыя помимо его воли шли въ его сознаніе. Онъ отмахивался, убѣгалъ отъ нихъ, но напрасно... Казалось, не онъ управляетъ своей головой, а кто-то совсѣмъ чужой стоитъ около него и вкладываетъ въ его сознаніе мысль за мыслью, одну другой непріятнѣе.“ Пійты куды небудь, чи що... але-жъ куды туда пидешь? до якого смутка“?

Онъ уставился въ стѣнные часы. Половина пятаго... „Ще рано“, сорвалось у него по привычкѣ съ языка. А потомъ подумалось: „куды рано? зачимъ?.. що треба робыты? Куды спишиты?.. Ничого никому не треба“...

„Тикъ-тикъ, тикъ-тикъ... меланхолично отвѣчали его думамъ часы, упорно и громко выбивая неровный тактъ своимъ тяжеловѣснымъ мѣднымъ маятникомъ. На столѣ лежала книга... Онъ налъ, какая это книга, и все-таки механически открылъ ее.— „Душепопеченіе пастыря должно быть его главнѣйшей обязанностью“, прочиталъ онъ усталыми глазами... нервно зѣвнулъ и закрылъ глаза. Какъ странно звучатъ теперь эти выраженія: „душепопеченіе“... „главнѣйшія обязанности“... Прежде онъ не замѣчалъ этой странности, сколько разъ ни читалъ. Почему-же это? Вѣдь смыслъ ихъ, кажется, не измѣнился... Опять-же— „собесѣдованіе“, „соревнованіе“... „душесокрушеніе“ и „помазанность въ словѣ или животворность“... И много, много другихъ семинарскихъ словъ припомнилъ о. Алипій... Впрочемъ, ему не нужно было и припоминать ихъ. Они лежали богатымъ складомъ въ одномъ изъ закоулковъ головы о. Алипія и сразу посыпались въ сознаніе, словно картофель изъ засѣки, когда снимешь съ нея сдерживающую заслонку.

И, какъ подумаешь, удивительное это собственно дѣло!.. Сіи понятія были такъ хорошо разобраны по категоріямъ о. Алипіемъ еще въ семинаріи и были такъ умѣстны и въ отвѣтахъ, и въ письменныхъ сочиненіяхъ... Но почему они, сіи понятія, такъ странно звучатъ здѣсь, въ Вырахъ?.. Словно совѣстно ихъ громко произносить въ этой комнатѣ.

— Тикъ-тикъ, тикъ-тикъ... вторили удары маятника. На секунду все вылетѣло изъ головы... и явственно раздаются лишь

эти удары маятника, но въ другую секунду все опять полѣзло въ думу... Голова о. Алипія клонилась все ниже, ниже... Онъ задремалъ, сидя въ стулѣ.

Ему грезилось въ полуснѣ, что за околицею на болотѣ семинаристы играютъ въ палента, а ректоръ преподавалъ въ это время еврейскій языкъ... и о. Алипій очень трусилъ, чтобы онъ его не спросилъ... потому что, если спроситъ, то, должно быть, поставитъ только три, а ему хотѣлось непремѣнно пять... Тяжелое, прерывистое дыханіе склонившагося на свои руки о. Алипія свидѣтельствовало о внутреннемъ волненіи, переживаемомъ во снѣ батюшкою. „Слава Богу", сказалъ о Алипій, пробудившись весь потный... Это замѣчаніе слѣдовало понимать или такъ: „слава Богу, что не спрошенъ", или „слава Богу,—это былъ только сонъ". О. Алипію не разъ, по окончаніи курса, снились такіе сны. Онъ всталъ и нервно потянулся. На дворѣ потемнѣло, сѣяло дождикомъ. Вечеръ былъ сѣрый и неприглядный.

Взглянувъ въ окно, о. Алипій увидѣлъ, какъ по грядамъ его огорода бѣгала, подоткнувши высоко подолъ юбки, служанка Грипа и изгоняла крестьянскихъ свиней и поросятъ, портившихъ гряды. Анисья Элпидифоровна стояла около дома и громко распоряжалась.

— Забирай, забирай ихъ всихъ, въ хливъ!—командовала она.—И не отдавать!.. Нехай въ судъ подають... Воны все думають, що я имъ спускаты буду? Чорта въ два! Геть, щобъ и вси свыни и вси поросята булы загнаны... Нехай воны выздыхають, а не виддамъ имъ свыней... Що то таке значится? Въ судъ ихъ подамъ.

Громкій голосъ пани-добродзійки раздавался на все село.

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ... со вздохомъ сказалъ о. Алипій, глядя въ окно и возвращаясь отъ своихъ грезъ къ дѣйствительной жизни.

Въ тотъ-же вечеръ на кухню о. Алипія прилило на справу къ попадьѣ много крестьянъ, у которыхъ были заняты свиньи. Крестьяне требовали выпустить свиней. Добродзійка вступила

съ ними въ отчаянный споръ, защищая свое добро, и ни за что не соглашалась... Крестьяне приходили и уходили нѣсколько разъ.

— Анисю! Змылуйся, выпусты ты имъ тыхъ свыней! Нехай воны билышъ не ходять, одчеплятся одъ насъ!—молилъ о. Алипій жену, по уходѣ крестьянъ.

— Отъ мовчи, не твое дило,—обрывала его жена.—Сыды, колы ничого не тямышь, та читай соби про свое душепопеченіе... Лежню!

Анисья Элпидифоровна сильно раздражалась нераспорядительностью мужа. Захваченныя свиньи „скавичалы“ въ хлѣву, и ихъ визгъ проникалъ всѣ стѣны дома. О. Алипій не находилъ себѣ мѣста. Обидѣвшись послѣднимъ замѣчаніемъ своей жены, онъ уходилъ въ спальню, садился у стола, заткнувши уши пальцами,и старался не принимать въ хозяйственныхъ дѣлахъ своей жены никакого участія.

Анисья Элпидифоровна настояла таки на своемъ. Она на другой день выпустила свиней, но за это виновные должны были отработать у нея два дня...

— А якъ попадутся ще свыни, то мусыте одробыты штыри дни! поставила она ультиматумъ.

— Оце то, мосци-пане, добродзійка!.. Ще не памятаемо, щобъ де такая була.

— Жвава баба!..

— Ій и коцюбы не треба. Сама справытся...

— Эге и въ спыну не дасть соби подывыться, не то що...

— Зъ перцемъ баба!—слышались въ разговорахъ крестьянъ лестныя аттестаціи по адресу пани-добродзійки.

Хозяйство Анисьи Элпидифоровны пошло успѣшнѣе.

X.

Петро Очерета.

Еще прошла недѣля, и на цвинтари оказались вырытые въ разныхъ направленіяхъ рвы. Они, очевидно, предназначались для фундамента новой церкви. О. Алипій положительно

изумлялся скорости, съ которою двигались работы по постройкѣ церкви.

— Хто командуе вашимы роботамы? недоумѣвалъ о. Алипій, обращаясь къ работникамъ. Кто показуе роботу?

— А Петро Очерета.

— Якій Петро? Де винъ?

— А въ корчми, у Ароля седыть. Хиба не знаете Петра Очерету?

— Клыкны-но его сюды!—распорядился о. Алипій.

Копавшіе ровъ крестьяне оставили заступы и стали махать шапками сидѣвшимъ у корчмы мужикамъ. Тѣ долго не понимали въ чемъ дѣло, но, наконецъ, смекнули, и скоро цѣлая толпа мужиковъ во главѣ съ Петромъ Очеретою вошла на погостъ. Петръ Очерета былъ бойкій низкорослый мужикъ, лѣтъ 40, съ бритымъ подбородкомъ и маленькими плутоватыми глазками. Одѣтъ онъ былъ не какъ всѣ крестьяне, а въ кацавейку и въ штаны на выпускъ. На головѣ у него была „мегерка“. Отъ него сильно пахло виномъ.

— Оце Петро Очерета,—представили крестьяне батюшкѣ своего архитектора.

Петро подошелъ къ о. Алипію, снялъ мегерку и поцѣловалъ руку у батюшки.

— Я и въ Семеновци церкву ставывъ, и въ Будрищахъ... и дзвонныцю въ Ставыщахъ, и въ Корытному,—началъ Петро безъ дальнихъ соображеній, сразу угадывая, зачѣмъ его потревожили къ батюшкѣ.

— Эге, эге... винъ усюды строивъ, винъ тямыть свое дило! Винъ и въ Будрищахъ... повторяла толпа слова своего архитектора.

— Пожды-но, я тебе про це не пытаю,—сказалъ громко съ разстановкой батюшка, обращаясь къ Петру. Ты мени ось що скажи: чи маешь ты право ставыты церкву? Чи е въ тебе права?

— Права? какъ то особенно быстро заговорилъ Петро. Права есть... съ моимъ полнымъ одолженіемъ. Есть, есть права... А якъ-же!

— О, въ его багацько всякихъ правивъ! подтвердили въ толпѣ. Винъ и въ Ставыщахъ и въ Будрищахъ церкву строивъ... Винъ тертая собака.

— А де-жъ у тебе свидѣтельства? Бумаги яки-небудь повынны буты... продолжалъ допрашивать батюшка.

— Бумаги? быстро засуетился Петро, поворачивая въ ту сторону толпы, откуда слышалось лестное для него сравненіе съ тертой собакой. Онъ засучилъ руки въ карманы и долго рылся въ нихъ, перегибаясь то въ ту, то въ другую сторону. Всѣ стояли и смотрѣли, чѣмъ кончится это состязаніе... Но ясно чувствовалось, что симпатіи крестьянъ были цѣликомъ на сторонѣ своего архитектора, который, по всѣмъ признакамъ, пользовался среди крестьянъ большою популярностью.

— Ось вамъ и бумага, сказалъ, наконецъ, Петро, нагнувшись къ сапогу и доставая изъ-за голенища плотно сложенный красный платокъ. Изъ платка онъ вынулъ небольшой кусокъ измятой бумаги, сложенный въ 16-ую долю.

— Ось и бумага, повторили въ толпѣ. Молодець! О, въ его всякихъ правивъ!.. не переставали раздаваться въ толпѣ замѣчанія.

О. Алипій посмотрѣлъ на бумагу.

— Это не документъ, сказалъ онъ, возвращая бумагу, быстро пробѣжавъ написанное.

— Якъ-то? спросилъ, выступая впередъ, Очерета.

— А такъ, це тыльки росписка въ полученіи съ тебе заказа... по части доставки строительнаго матеріала.

— Точно такъ. А вамъ чого-жъ треба?

— Мени треба удостовѣреніе въ томъ, що ты майстеръ...

— О, винъ майстеръ, та ще якій! загуторила вдругъ въ одинъ голосъ вся толпа. Винъ и въ Семеновци...

— Пождить-бо-но!—крикнулъ раздражительно о. Алипій. Не васъ пытають...

— Що? удостовѣреніе? Съ моимъ полнымъ одолженіемъ... Ось прочитайте-но, ще цей паперъ.

Батюшка взялъ поданную Очеретою другую записку, которую онъ досталъ тоже изъ холявы.

— Это тоже росписка.

— А вы прочитайте-но перше...

— Такъ я-жъ бачу, що це не те...

— А вы, панъ-отче, прочитайте еднаково, щобъ мыръ увесь чувъ, що тамъ написано и хто я такій,—протестовалъ Очерета, выставивъ впередъ ногу и такъ загибая назадъ голову, что казалось, его мегерка вотъ-вотъ слетитъ съ макушки.

Батюшка сталъ читать: „Даю сію росписку въ томъ, что я нижеподписавшійся получилъ по подряду отъ мѣщанина Селищанской волости Петра Очереты...

— Такъ... такъ... вставилъ Петро. Точнисенько такъ...

— ...„тесовыхъ досокъ штукъ сто и двадцать, гонты—четыре копы и кирпичей шестьдесятъ копъ“...

— Такъ, такъ... съ половиною... Певна ричь!

— „съ половиною... и за прочее... всего уплочено ему Очерети 89 рублей, 75 копѣекъ. Ѳеоктистъ Тимоховичъ“.

— Не Тимоховичъ, а Тимошевскій, громко поправилъ батюшку Петро. Эта поправка не прошла незамѣченною крестьянами.

— Чи вы чуете, аже-жъ нашъ Петро самого батюшку поправляе. О, Петро не дасть соби въ ротъ наплёваты... послышалось замѣчаніе въ толпѣ.

— Ну, все едно це до дила не иде,—замѣтилъ батюшка.

— Якъ-то не иде?

— А такъ, бо це не удостовѣреніе, а простая квитанція. Зновъ-же тута не выразно написано... Якись Тимошевскій...

— Якъ-то... Вы знаете, хто такій Тимошевскій!? Ге? Тобо-то, я бачу, що не знаете. Це бардзо велыкій панъ на Мозырищи... Съ моимъ полнымъ одолженіемъ... Фю—фю!.

Онъ даже посвисталъ, повернувшись въ сторону крестьянъ, награждавшихъ его видимыми знаками одобренія во все время спора съ батюшкою.

— Скильки у Тимошевского поля, скарбу, а товару! Онъ махнулъ рукой въ знакъ необъятности имѣнія Тимошевскаго.

Го-го... А якіи въ нёго стырты на Мозырищи!.. Тю-тю... съ моимъ полнымъ одолженіемъ.

— Багато? спросилъ голосъ изъ толпы.

— О, такого пана... мое почтеніе... А грошей скильки въ него... цилый мисяць личи, не переличишь по ризнымъ банкамъ. Якъ бачите, всюды полное одолженіе...

Толпа удивлялась и заговорила о Тимошевскомъ.

— Слухай-но Петро, якъ тебе,—началъ о. Алипій,—ты слухай перше мене, колы я тебе поклыкавъ. Що ты тутъ розбулькуешь все про якогось тамъ Тимошевскаго?.. Тимошевскій тутъ до дила зовсимъ не иде.

— Якъ-то не иде? заговорилъ опять Петро. Ось тоби и разъ, якъ той казавъ... Не иде, та не иде... А спытайте-но, хто ёму будынокъ ставывъ? Га? Спытайте-но людей,—хто? Га?.. Я—я ставывъ, сказалъ онъ съ выкрикомъ, ударивъ себя въ грудь. Та и якій будынокъ, колы-бъ це хто бачивъ... Одно одолженіе! Самъ панъ мене дякувавъ. Ось тоби два, якъ той казавъ.

— Винъ, винъ ставывъ... загуторила толпа. Мы вси свидки, можемо наветь пидъ прысягу питы, що винъ ставывъ...

— Ну, я бачу, сказалъ въ заключеніе батюшка, що зъ тобою до ночи не договорышься. Ось що я тоби скажу на решти. Замовчить вы на мынуту, дайте мени слово сказаты.

— Мовчить-но... батюшка будуть говорыты...

Крестьяне притихли и внимательно слушали, что скажетъ батюшка.

— Безъ разрѣшенія архирея ты не маешь права тутъ ничого строиты, и щобъ ци вси ровы булы засыпаны. Чуете?

Толпа заволновалась.

— Якъ-то? Того не може буты... раздались вдругъ голоса. Мы вже и могорычомъ це дило запылы и капшукамы потрясты... Оце-то допиро маешь рацію! На здоровье...

— Я задатокъ давъ на подрядъ... що церкву буду строиты я... Съ моимъ полнымъ одолженіемъ! громче всѣхъ покрывалъ голоса толпы голосъ крикливаго подрядчика-архитектора. Мене

тута вси знають... Я не першій рикъ майструю всюды. Мени нигде ще не заборонялы...

— Знаете, що я вамъ скажу, батюшка, тылькы не прогнивайтеся,—подошелъ къ о. Алипію старикъ, выдѣлившійся изъ толпы.. Вы ще недавно до насъ прыйихалы, ще нема наветь и пивъ року, якъ вы пануете ось тутъ у насъ... а Петра Очерету у насъ вси люде знають, винъ тутечки завше свій чоловикъ... И якъ громада чого захоче, то проты неи не годытся иты, бо, якъ то кажуть, громада завше велыкій чоловикъ. Такъ у насъ завше було.

— Запевне... винъ и въ Будрищахъ и въ Семеновци церкву ставывъ,—начался опять говоръ. Винъ терта собака...

— Ну, нема що зъ вамы балакаты. Я бильшъ зъ вамы говорыты не буду, оно помнить вы мое слово, що я не позволяю вамъ копаты ровы безъ видома начальства. А якъ вы будете упорствовать, то я мушу донесты архирею и въ консисторію.

— Съ нашимъ полнымъ одолженіемъ! громко выкрикнулъ Очерета вслѣдъ удалявшемуся батюшкѣ.

О. Алипій слышалъ, какъ сзади его гуторила толпа, направлявшаяся прямо съ погоста въ кабакъ. Тамъ шли долгіе разговоры по поводу всего происшедшаго. Громче всѣхъ, конечно, говорилъ Петро Очерета, который разсказалъ всѣмъ присутствовавшимъ по этому случаю всю свою біографію со всѣми ея подробностями. Разскащикъ особенно останавливалъ вниманіе на своихъ пререканіяхъ съ разными начальствующими лицами. Это исключительно нравилось слушателямъ.

— Кажуть мени, становый мене клыче... Го-го... Становый! Хто такій становый? Не бачивъ я станового, чи що? Отже-жъ не пиду тай годи, що хочьте зо мною робить... А не пиду, бо якъ становому чого треба, то нехай до мене самъ иде...

— Чи-жъ ты бачишь? говорили слушатели, еще болѣе подзадаривая своего архитектора на большія и большія откровенности.

— Пипъ! Що мени пипъ? Велыка мація, думае! кричалъ подъ конецъ Петро. Якъ не хоче насъ слухаты, то нехай выби-

рается зовсимъ зъ нашого села. Мы найдемо соби попа. Ихъ теперечки багато, якъ собакъ... По золотому за попа дамо, щей троячку набавымо...

— Хе, хе, хе... гоготала толпа. Оце то добре сказавъ!

— Ставъ ёму, шлеку, ще кватырку.

— Отъ-же-жъ и языкъ у нашого Очереты! Здается, якъ бы самъ справныкъ прыйихавъ, то и тому-бы спуску не давъ.

XI.

У благочиннаго.

Дѣло становилось серьезнымъ. О. Алипій впалъ въ нервное безпокойство, которое съ каждымъ днемъ въ немъ усиливалось и томило его. Хотя дальнѣйшихъ работъ на погостѣ не производилось—и, судя по тому, что Очерета запилъ,—работы, можно было предполагать, остановились на долгое время,—но тѣмъ не менѣе самовольное упорство крестьянъ сказалось ясно. О. Алипію ничего не оставалось, какъ написать донесеніе архіерею. Онъ долгое время сидѣлъ у своего стола, грызъ перо и маралъ чернякъ; составлялъ на всѣ лады, пользуясь для этого извѣстными ему пріемами преподанной нѣкогда въ семинаріи реторики, и кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ ѣхать къ благочинному. Напрасно жена представляла ему всѣ доводы противъ этой поѣздки и доказывала ея несвоевременность тѣмъ, что овесъ пора косыты и гречка вже поспивае. О. Алипій былъ неумолимъ. Приказавъ въ одно раннее утро заложить въ бричку своихъ молодыхъ буланыхъ, онъ поѣхалъ къ благочинному за совѣтомъ въ с. Мокрое, отстоявшее отъ Полужья въ 50 верстахъ.

Мокренскій о. Якимъ Главацкій занималъ должность благочиннаго нѣсколько десятковъ лѣтъ подъ-рядъ, посѣдѣлъ на этой должности и былъ знакомъ съ условіями жизни полѣшука не хуже выровскаго Ароля. Это былъ простодушный, не хитраго склада человѣкъ, весь ушедшій въ свои хозяйственные интересы.

Онъ выростилъ всѣхъ своихъ сыновей и дочерей, дождался внуковъ и внучатъ... Но, не смотря на свой преклонный возрастъ, старикъ былъ еще бодръ и службой не тяготился.

О. Алипій пріѣхалъ въ Мокрое подъ вечеръ и засталъ о. Якима въ хлопотахъ около стожка на огородѣ (церковный лугъ прилегалъ къ самой усадьбѣ о. Якима).

— А, лышень зъ намы, то-жъ це выровскій, здается, батюшка до насъ йиде! сказалъ о. Якимъ, стоя въ огородѣ безъ подрясника въ одной рубахѣ, опущенной въ грубо сдѣланныя широкія холстинныя „шаровары“, сидѣвшія своими узкими концами въ отворотахъ большихъ сапоговъ. Онъ держалъ ладонь руки надъ глазами и пристально смотрѣлъ на въѣзжавшую въ его усадьбу бричку. О. Алипій, глядя на маленькую коренастую фигурку въ огородѣ, не скоро призналъ въ ней своего начальника. Поровнявшись со стожкомъ, онъ, словно угадывая, что тутъ непремѣнно долженъ быть о. Якимъ, велѣлъ остановить бричку. Только подойдя ближе къ стожку и замѣтивъ на мокрыхъ отъ пота плечахъ косичку съ ленточкой и благодушное лицо, обросшее бородой,—онъ узналъ о. Якима.

— Якъ ся маете... Лышень зъ намы, якій дорогій гость. А слава-жъ Тоби Господи, що прыйихалы... заголосилъ старчески разбитымъ, но еще звучнымъ голосомъ о. Якимъ.

— Здравствуйте, о. благочинный!

Они облобызались трижды. О. Алипій снялъ съ своихъ усовъ соломинку, перешедшую на него съ потнаго лица о. Якима.

— Працюете?

— А що-жъ зробыте... мусымо... Въ потѣ лица... А слава-жъ Тоби святый Господи, тожъ надумалыся таки навидатыся... Лышень зъ намы!.. Гей, Остапъ, де мій пидрясныкъ? Давай-но ёго сюды...

Остапъ—работникъ—нашелъ гдѣ-то далеко забытый въ сѣнѣ подрясникъ и помогъ благочинному надѣть его.

— А, лышень зъ нами!.. Я и забувъ... Якъ-же-жъ ваша благовѣрная Анисія Элпидифоровна, дражайшая супруга?..

— Спасыби на добрій памяти... Ще трохи ворушится поки що...

— А, слава-жъ Тоби, святый Господи... тожъ прыйихалы таки. А я все думаю, колы це вы прыйидете... Чому, думаю соби, о. Алипій николы не навидается. А вы и ось тутъ...

Въ домѣ о. Алипій увидѣлъ такую-же добродушную старушку жену о. Якима и сытыхъ благополучныхъ домочадцевъ-дѣтей, внуковъ благочиннаго, и какихъ-то родственниковъ, издавна гостившихъ у благочиннаго, приживалокъ... Въ домѣ стоялъ сильный запахъ удушья и пота, не смотря на то, что всѣ окна во всѣхъ комнатахъ были открыты по случаю такого теплаго вечера.

О. Алипія, лишь только онъ перешагнулъ порогъ, сейчасъ-же закидали вопросами на счетъ Анисіи Элпидифоровны и ея положенія, при чемъ сейчасъ-же, на перебой, было высказано много такихъ опытныхъ житейскихъ соображеній, въ родѣ того „щобъ вона не дуже гнулася и щобъ, бороны Боже, не йила гарбуза або гуркивъ... и щобъ, брунь Боже, браты що небудь тяжке“,—что о. Алипію осталось только сидѣть и удивляться такому единодушному участію чужихъ людей въ положеніи его жены. Когда вопросъ объ Анисьѣ Элпидифоровнѣ въ главныхъ своихъ сторонахъ былъ достаточно исчерпанъ,—пошли безконечные разспросы о лугахъ, урожаѣ, сборѣ хлѣба... О. Алипія осаждали со всѣхъ сторонъ, и онъ еле успѣвалъ отвѣчать на всѣ предлагаемые ему разнообразные вопросы.

Когда служанка, въ высоко-подоткнутой сподницѣ и съ засученными руками, вмѣстѣ съ фурманомъ внесли мраморнаго цвѣта большущій самоваръ и съ трудомъ поставили его „на комоди“, и когда о. Якимъ и его жена радушно сказали въ одинъ голосъ—„проше до гербаты“, о. Алипій подумалъ, что, должно быть, за чаемъ выпадетъ удобная минута поговорить о дѣлѣ. Но надежды не оправдались. Словно сговорившись, всѣ наперерывъ просили гостя „пожаловать“ то того, то другого, предлагали ему то булку, то масла, то побольше „цукру“, то молоко... А старая приживалка, какая-то дальняя родственница благочиннаго, все время молчаливо слушавшая разговоры, вдругъ обезпокоилась тѣмъ, хорошо ли гостю сидѣть на стулѣ, не лучше-ли пересѣсть на „канапу... тамъ буде мякше... и не такъ муляе“. О. Алипій

едва успѣвалъ отвѣчать на всѣ предупредительно-ласковыя хлопоты о немъ. Лишь только онъ возсѣлъ на канапу, ему сразу стало ясно, что очень неловко начинать разговоръ о дѣлѣ... Тѣмъ не менѣе послѣ перваго стакана чая о. Алипій сказалъ было, что крестьяне „тутъ на Полисьи“ очень самоуправны. О. благочинный всполошился на своемъ мѣстѣ и замахалъ руками.

— И не кажить!.. Таки вси скотыны, що якъ тылькы ихъ святый Господь на земли ще трымае... А, лышень зъ нымы зовсимъ!

А жена о. благочиннаго сообразила, что насталъ самый удобный моментъ разсказать, какъ у нея „телилась ряба корова“... Разсказъ былъ очень пространный и обстоятельный. О. Алипій долженъ былъ его внимательно выслушать. Изрѣдка онъ даже вставлялъ въ разсказъ свои замѣчанія, чѣмъ, самъ того не замѣчая, содѣйствовалъ значительному удлиненію родильныхъ потугъ „бидной рябой“...

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался о. Алипій, что, съ одной стороны, сидѣть на диванѣ, дѣйствительно, гораздо мягче и не муляе и что, съ другой стороны, цѣль его пріѣзда какъ то странно отодвигается все дальше и дальше и какъ-бы совершенно закрывается вопросами о какой-то коровѣ, о сѣнокосѣ, огородахъ и пр. Когда онъ ѣхалъ въ Мокрое, занятый своими мыслями о небреженіи полѣшуковъ къ молитвѣ и ихъ самовольствѣ, онъ почему-то предполагалъ, что первый вопросъ, какой ему предложитъ благочинный, будетъ о его приходѣ... Разочарованіе о. Алипія было велико. Никто, рѣшительно никто, не только не освѣдомился „о религіозно-нравственномъ состояніи“ его прихода, но никто даже, повидимому, и не предполагалъ, чтобы о. Алипій могъ пріѣхать за какимъ нибудь дѣломъ въ этомъ родѣ. Жалованіе онъ получилъ мѣсяцъ тому назадъ... Другого повода и не могло быть, какъ побывать въ гостяхъ.

Изъ-за стола встали всѣ усталые, обмахиваясь отъ жары. Вытирая лица рукавами своихъ костюмовъ, всѣ единодушно почувствовали потребность на минутку разойтись въ разныя стороны... съ тѣмъ, чтобы опять собраться. Въ столовой остались

лишь о. Алипій и скромная, молчаливая приживалка съ чулкомъ, сидѣвшая на сундукѣ и своимъ видомъ какъ бы говорившая: „Вотъ какъ мы тутъ поживаемъ... Сейчасъ опять всѣ придутъ... Не безпокойтесь!“

О. Якимъ, не смотря на проведенный въ работѣ день, обнаруживалъ для своихъ лѣтъ мало усталости. Подсѣвъ къ о. Алипію, онъ спросилъ его:

— Що у васъ тамъ новенького—гарненького чуваты?.. Розскажить-но що небудь...

Тонъ, которымъ былъ заданъ вопросъ, обнаруживалъ живѣйшее любопытство, не смотря на то, что все интересное давно было разсказано.

— Ото, знаете, я хотивъ спытаты... якiись чудныи порядки завелыся въ мене, въ приходи, сказалъ о. Алипій и самъ испугался своихъ мыслей.

— Що? що таке? участливо спросилъ благочинный. Нехай Богъ крые чего кепського.

— Ото, представьте соби, зберутся люде до церквы, постають соби биля церквы по-пидъ стинамы.

— Такъ, такъ...

— Тай на двори Богу молятся.

— Такъ, такъ... Ну, ну... щожъ дали?

— Стоять, а главне—до церквы не идуть.

Ну, тай щожъ дали?... Ну!..

— Ото, я ще хтила спытаты,—дай Боже память,—быстро затараторила старушка-благочинная, входя въ эту минуту въ залъ и подсаживаясь съ другой стороны о. Алипія—якъ Анисья Элпидифоровна солыть гурки? Скажить-но вы мени.

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что о. Алипій совершенно разсѣялся въ своихъ мысляхъ. До уха его доходило, какъ въ сосѣдней комнатѣ накрывали къ ужину и звенѣли тарелками. Онъ не зналъ, кому, что и какъ отвѣтить.

— Може окрипъ кладе, а потымъ вышнёвый лыстъ?.. наводила его на мысли благочинная.

— Эге, эге, здается, що такъ...

— Що вы говорыте? Сохраны Боже! Неможна такъ! въ одинъ тактъ заговорили вдругъ оживленно съ обѣихъ сторонъ благочинный и его жена.

— Що я чую?—всплеснувъ руками, выбѣжала изъ сосѣдней комнаты одна изъ двоюродныхъ сестрицъ жены о. Якима. Бороны Боже, такъ можно згидыты зовсимъ гурки. Першъ всего треба чесноку шматокъ положиты... А потымъ окропъ, хринъ, вышнёвый лыстъ... Все раптомъ, зразу...

— А чи то правда, мы ще чулы, нибы вы не берете спочатного отъ прихожанъ? спросила пани-благочинная.

О. Алипій удивился, какимъ образомъ и когда это могло быть уже извѣстно.

— Нибы вы не берете и якъ-бы не Анисья Элпидифоровна, то такъ-бы парахвіяне и понеслы спочатне назадъ.

— Що я чую? взвизгнула опять приживалка. Чи-жъ то може буты?

— Молодець Анисья Элпидифоровна, сказалъ о. Якимъ. О, молодець!.. Я знавъ, що вона така выйде.

Благочинная нашла нужнымъ обратиться по этому случаю къ о. Алипію съ довольно продолжительнымъ наставленіемъ, „що такъ не можна, що треба якось тее... не дуже церемонытыся зъ тымы мужиками, бо воны зовсимъ стануть не послухняны... що безъ спочатного на Полисьи ни-якъ не можна... и самому дуже треба працюваты, щобъ де-якій кавалокъ хлиба маты, а зъ мужикамы треба обращаться по настоящому“...

О. Алипій чувствовалъ сильное утомленіе и безучастно прислушивался то къ разговору, то ко все усиливавшемуся „брязканью“ тарелокъ, ножей и вилокъ въ столовой. Когда рѣчь и о гуркахъ, и о спочатномъ, и о проч. была кончена, онъ сказалъ:

— Дывно оце мени, що вы, о. Якимъ, цилый день працюете и не втомылыся.

— Чи то я ще такъ працюю? Одъ такои праци не дуже втомышься... А бувае, що стара кисть и надломытся нибы трохи, свербыть...

— Все для внукивъ... заключила разговоръ матушка. Пожалуйте, перекусыты чого-небудь на-ничъ, бо вже пизненько таки.

— Дзинькуе бардзо... Йисты щось не дуже хочется...

Но отговариваться было нельзя. Ужинъ прошелъ такъ же, какъ и чаепитіе.

Послѣ ужина немедленно начались разговоры о томъ, гдѣ бы удобнѣе „положиты гостя на спочивокъ“. Высказаны были различныя мнѣнія. Кончилось тѣмъ, что всѣ мущины пошли „въ клуню, на свиже сино“.

— А, лышень зъ хатою зовсимъ! Тутъ и блошенята, и блощици, и де що друге трапляется часомъ, сказалъ благочинный. Отъ ходимо липше на свиже сино, бо въ хати и такъ повно.

Такъ и сдѣлали.

Ночь была звѣздная, тихая и теплая.

„Боже вѣчный и царю всякаго созданія, сподобивый въ часъ сей доспѣти“... шепталъ молитвы, поправляя свою постель на сѣнѣ, о. Якимъ и въ тоже время зѣвалъ такъ, что слышно было, какъ сводило челюсти у благочиннаго... Слова молитвы, выбитыя изъ обычнаго тона, выходили такимъ пискливымъ теноркомъ, что о. Алипій уливлялся, откуда у благочиннаго берутся такіе удивительно высокіе тоны.

Спать на сѣнѣ однако было не совсѣмъ удобно. Оно было, безспорно, свѣжее, но его поторопились свезти и оно немножко согрѣлось... Несло тепломъ. Къ этому въ немъ оказалось много мошекъ и разныхъ насѣкомыхъ. Съ крыши что-то по временамъ сыпалось. Верхъ „клуни“ былъ уже старъ.

А чи зачиняна у насъ стаця?.. Опанасе!—крикнулъ вдругъ о. Якимъ, услышавъ, что „работникъ“ затворяетъ скрипѣвшую дверь.

— Зачиняна, батюшка! крикнулъ въ отвѣтъ Опанасъ, продолжая скрипѣть.

— Гляды ты въ мене, щобъ все було зачиняно... „Еже согрѣшихъ во дни семъ словомъ, дѣломъ и помышленіемъ“. А, пчи-ихъ!.. Пчи ихъ!.. Що це за табака така. Тьфу!...

— Карбованця на мелки расходы! возгласилъ Герасимъ Ивановичъ.

— Дзинькуе на доброму слови! сказалъ о. Якимъ. Нѣсколько разъ еще повторялся обмѣнъ мыслей между о. Якимомъ и Герасимомъ Ивановичемъ все по тому-же поводу и съ такими-же пожеланіями.

О. Алипію долго не спалось.

„Ужъ не сейчасъ-ли поговорить съ благочиннымъ на счетъ дѣла“, подумалось ему; но въ эту минуту о. Якимъ спросилъ его, хорошо-ли ему лежать и, пожелавъ покойной ночи, повернулся и моментально захрапѣлъ на всю носовыну. О. Алипій все время съ непривычки ворочался на своемъ мѣстѣ. Онъ слышалъ, какъ нѣсколько разъ просыпался благочинный и съ просонковъ говорилъ по привычкѣ безсчетное число разъ—„Господи помилуй, Господи помилуй“... и какъ безъ конца топтались бычки и коровы въ стойлѣ... Онъ хотѣлъ думать, но и думы не шли ему въ голову... Въ клунѣ совсѣмъ стало видно, когда, наконецъ, и онъ заснулъ.

О. Алипій проснулся поздно, и когда поднялся, то увидѣлъ, что никого кромѣ его не было въ клунѣ. Лишь воробьи неугомонно трещали подъ стрѣхою. Солнце высоко поднялось... День былъ знойный... Время приближалось къ полудню. Въ огородѣ слышны были распоряженія о. Якима. Онъ давно хозяйничалъ въ огородѣ съ Герасимомъ Ивановичемъ. Съ полей доносились голоса работавшихъ... О. Алипію сдѣлалось неловко. Ему было совѣстно взглянуть на свѣтлый, ясный день. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на часы, словно не довѣряя своимъ глазамъ. „Такъ и есть, половина второго“...

— А, вже и вы всталы,—встрѣтилъ его благочинный. А я вже думаю соби, лышень зъ намы, чи не пійты-но да разбудыты о. Алипія... Чи що? А вы и самы... Слава-жъ Тоби, Святый Господи! Ходимъ-но, чи не буде-но намъ чаю... Може ще самоваръ тепленькій, а то и пидогріють...

И о. благочинный увлекъ о. Алипія въ комнаты. Тамъ о. Алипія встрѣтили съ такимъ восторгомъ и съ такими разспросами, словно между вчерашнимъ днемъ и сегодняшнимъ прошли годы.

Такъ и не удалось о. Алипію поговорить о дѣлѣ. Когда онъ уже собрался ѣхать обратно и садился въ бричку, его обступили всѣ домочадцы о. Якима во главѣ съ нимъ самимъ, разспрашивали о его буланыхъ и говорили ему всевозможныя напутствія и пожеланія всѣхъ благъ и всего найлипшаго и ему, и Анисіи Элпидифоровнѣ,—особенно Анисьи Элпидифоровнѣ.

О. Алипій во все время своего визита у благочиннаго чувствовалъ, что онъ пріѣхалъ не во время для „дилъ“ и попалъ въ тотъ круговоротъ хозяйственныхъ, спорныхъ лѣтнихъ интересовъ, когда человѣку не „до того“... Но, сидя уже на бричкѣ и пожимая руку благочинному, о. Алипій сказалъ, стараясь, впрочемъ, не придавать своимъ словамъ дѣловаго выраженія.

— Эге, ще я и забувъ вамъ сказаты. Тожъ въ мене на сели церкву нову хотять поставыты...

— А пора, пора... Давно пора... бо стара церква вже таки того... Лышень зъ нею зовсимъ.

— Мужики вже почалы дерево возыты на церкву.

— А щожъ, нехай возять на добре здоровьячко! А хто буде строиты?

— Тутъ якійсь, звиткиль взявся...

— Може Петро Очерета?

— Эге, винъ самый...

— А, скотына порядочная... Плутъ такій, що не доведы Боже Святый. Винъ тутъ у насъ чи мало церквей и дзвонныць наставывъ. А може-бо вы, о. Алипій, на дорогу чарчынку выпылы? предложилъ вдругъ о. Якимъ. Щобъ Господь Богъ сподобывъ въ доброму здоровьи до дому добраться.

О. Алипій вздумалъ отказываться. Но было поздно. Кто-то быстро сбѣгалъ въ комнаты, и бутылка съ наливкой была уже здѣсь.

— А, лышень зъ нею, выпьемо! говорилъ о. Якимъ, наливая въ рюмку. Щобъ вона не кортила... вже не багато ій и зосталося. Благочинный потрясъ бутылкой. Нема-що... Пришлось еще разъ слѣзть съ брички о. Алипію. Отцы сняли шляпы и выпили, „щобъ Господь Богъ сподобывъ“...

— А якъ-же-жъ, еднаково, скажить-но вы мени,—спросилъ о. Алипій, вытирая усы платкомъ, на счетъ постройки... Тожъ треба, здается, зъ дозволенія начальства... и щобъ планы прыслалы. Або якъ?

— А якъ-же-жъ!.. а якъ-же-жъ!.. неприминно... треба... Вы ось що зробить, напышить бумагу, що церкву треба строиты за подпысью причта, а я одышлю до архирея. А тамъ и плана намъ хутенько прышлютъ. А вы тымъ часомъ поговорить зъ Очеретою, та черезъ него и будете робыты, що вамъ треба, бо Очерета, хоть и пьяныця, а все-жъ винъ хлопець расторопный и майстеръ добрый.

— А мужики вже хтять на дняхъ строиты... Вже и контрактъ зъ Очеретою заключилы...

— О своевольныи люде... бардзо своевольныи! То, якъ бачите, завше у насъ такъ робытся. Що зъ нымы будете робыты? Петро це така скотына... Але, лышень зъ нымъ! Вы напышить тылькы бумагу... То ницъ... А тамъ поговорыте зъ нымъ! Планы прыйдуть, воны и почнуть строиты.

— Колы воны вже почалы. Вже и ровы копають.

— То, лышень, ницъ не значить. То завше такъ. Выкопають ровы, а потымъ той Очерета запье и пивъ року буде робота такъ стояты, а тымъ часомъ и плана зъ консисторіи прышлють... И все буде добре. А церкву вамъ треба нову.

— Запевне, що треба,—подхватила матушка. Бо для старенькаго татуня то и стара церква, а для молодого, то вже треба нову,—тай-годи...

— А чи не выпьемо-но мы ще, предложилъ еще о. Якимъ. Щобъ конята лысомъ добре скакалы.

Какъ ни отговаривался о. Алипій, а долженъ былъ выпить еще и за своихъ конятъ, щобъ скакалы...

— Бувайте здорови!

— Та кланяйтеся Анисьи Элпидифоровни! Не забудьте! Та щобъ дуженька, здоровенька була. Прыйизжайте до насъ частійше!.. Та глядить на крестыны поклычте!.. крикнула ему вдогонку пани благочинная.

XII.

Назадъ!

Лошади тронулись. Собаки кругомъ залаяли и бѣжали около брички. О. Алипій выѣхалъ изъ Мокраго.

„И чудне це дило, думалъ онъ. Не можу я второпаты ни якъ... Бо скажемо, напрыкладъ, такъ: якъ-бы я що кепське задумавъ соби, або що... Ну, тоди такъ... А то хочется, щобъ якъ нибы найлипше було, а выходыть все найгирше. И чого я йиздывъ до благочинного?—якъ бы мене оце допиро хто спытавъ... Ажъ смихота сказаты: балакаты про Анисью, про гурки, спочатне, та выспаться на паганому сини... Анисья правду казала, що не вартъ йихаты. Але хиба-жъ то можна, щобъ христіанинъ не шовъ до церквы и молывся соби Богъ знаты якъ?.. Зновъ-же и суевѣрія и предразсудки... Противъ нихъ Симеонъ Полоцкій яке замичательне слово колысь говорывъ... Скажемо зновъ-же и про церкву... Хиба такъ це дило повынно робытся? Дывно мени, що самъ о. Якимъ про Очерету, того мерзавця, говорывъ точнисенько такъ, якъ и жидъ Ароль... Этъ, Богъ знаты, що теперечки всюды на свити Божому робытся. И матушка зновъ каже: „попъ старенькій и церква старенька“... такъ, якъ и мужики казалы. Нибы зговорылыся... Дальби ничогисенько я щось тутъ не второпаю, зовсимъ я дурный тута ставъ“...

— Куды скажете, батюшка, йихаты? повернулся къ нему фурманъ Омелько, черезъ греблю, чи може навпружки?

— Куды хочешь, туды и йидь... абы тылькы до дому прывизъ, равнодушно отвѣтилъ ему о. Алипій.

„Ни-бо, якъ соби тамъ хто хоче, а це дило треба таки добре розмизкуваты. Що то въ самомъ дили за молитва така? Що за звычаи“?..

Но лишь только о. Алипій, уютно прижавшись въ уголъ брички, начиналъ разбираться въ серьезныхъ вопросахъ своей пастырской практики, какъ все имъ нѣкогда читанное, всѣ авторитеты семинарской науки насильственно лѣзли ему въ голову

и затмевали для него его собственную мысль. Отцы и учители, философы, мыслители, идеалисты, матеріалисты, пантеисты, писатели и публицисты—всё это сонмомъ окружало голову о. Алипія и, казалось, летѣло вслѣдъ за его бричкой. Отъ молитвы въ собственномъ смыслѣ онъ переходилъ къ опредѣленію молитвы въ несобственномъ смыслѣ. Это значительно подвигало впередъ рѣшеніе вопроса. Что такое молитва? Это, безъ сомнѣнія, связь человѣка съ Богомъ, такъ сказать, отблескъ безконечнаго на конечномъ челѣ... А храмы суть—благоговѣйныя мѣста непостижимыхъ чудесъ... Одинъ мыслитель сказалъ, что это не что иное, какъ оптическіе приборы высшаго разума, примѣненные къ конечному разуму для пониманія безконечнаго. Искренне молящійся—чудотворецъ... „Рцыте горѣ сей—двигнися и ввергнися въ море“... А одинъ писатель сказалъ, что молитва есть желаніе, чтобы дважды два составило пять... Это, кажется, сказалъ Тургеневъ... да, да... онъ... Что одно и тоже. Опять-же и Гоголь писалъ размышленіе о божественной литургіи. Она утѣшаетъ бѣдняка, даетъ ему съ вѣрой и надеждой проглотить кусокъ насущнаго хлѣба... А Огюстъ Контъ каждый день съѣдалъ корку черстваго хлѣба, чтобы помнить о бѣднякѣ... Опять-же и Кантъ и Лейбницъ... Особенно Лейбницъ... Гейлинксъ и Мальбрантъ—окказіоналисты...

И удивительное, право, дѣло: чѣмъ энергичнѣе махалъ пужалномъ и батогомъ Омелько и чѣмъ быстрѣе катилась съ какого-нибудь „пагурка“ бричка о. Алипія, тѣмъ быстрѣе и настойчивѣе летѣли ему въ голову всевозможныя ученья, о которыхъ никто еще на полѣсьи не думалъ такъ серьезно, быть можетъ, со времени существованія выровскихъ болотъ. Но вотъ бричка ввалилась въ колдобоину, и колеса ввязли до половины въ грязь... и въ головѣ о. Алипія стало словно-бы покойнѣе, и тише... и свѣтлѣе... Но вотъ опять понеслась бричка по кореньямъ и побѣжали по сторонамъ сосны—и опять все завертѣлось въ головѣ, запрыгало, зашумѣло. Можно было подумать, что за каждой сосной сидѣлъ кто-нибудь, либо Кантъ, либо Контъ, либо Лейбницъ, и всѣ они не сговорясь, въ безпорядкѣ подска-

зывали батюшкѣ свои идеи. Собственная мысль о. Алипія отсутствовала. Словно кто-нибудь связалъ её узломъ въ головѣ.

Потомъ мысли батюшки приняли, впрочемъ, иное направленіе.

„Ото завше такъ бувае, думалъ онъ. Хто липше робыть, тому не везе... Блаженни изгнанни правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное, механически припомнился ему текстъ. Этъ, що то и казаты... Отъ якъ бы то мени буты благочиннымъ“...

И онъ незамѣтно перешелъ къ мечтѣ. Ему предносился въ воображеніи онъ самъ въ роли дѣятельнаго благочиннаго. О, онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы замѣчательнымъ благочиннымъ! Онъ ревностно относился-бы къ интересамъ храма Божія и ни за что не позволилъ бы распространяться суевѣріямъ и предразсудкамъ въ приходахъ. Онъ жизнь свою положилъ бы на это дѣло, какъ пастырь добрый, душу свою полагающій за овцы. Да, хорошо-бы быть благочиннымъ!.. Но вѣдь для этого нужно получить если не камилавку, то по крайней мѣрѣ хоть скуфью, а у о. Алипія еще и набедренника нѣтъ. Онъ глубоко вздохнулъ... Еще долго ждать. О, впереди столь тернистый путь. А всё таки, представимъ себѣ, что какимъ нибудь чудомъ его назначили-бы благочиннымъ! Вотъ онъ пріѣзжаетъ, напримѣръ, домой, Анисья подаетъ ему пакетъ... Пакетъ вскрывается, и вдругъ—мокренскій о. Якимъ устраняется отъ должности благочиннаго за старостью лѣтъ, а о. Алипій назначается на его должность не въ примѣръ прочимъ, какъ кончившій десятымъ студентомъ въ курсѣ... Онъ сейчасъ-бы... Со всѣми миролюбиво, ласково, по слову священнаго писанія...

Сильный ухабъ возвращаетъ выровскаго батюшку къ дѣйствительности. Вечерѣло. Еще и половины дороги не проѣхали.

— Я пойиду навпружки, заявляетъ Омелько.

О. Алипій согласенъ.

Молодые конята несли быстро бричку. Спускалась ночь. Въ лѣсу было темно. Омелько получилъ приказаніе повѣсить „дзвонка на дышло, щобъ безпечнійше було въ лиси“.

Съ восходомъ солнца пріѣхалъ батюшка въ Выры. Онъ крѣпко спалъ послѣ поѣздки. Когда Анисья Элпидифоровна спро-

сила пробудившагося мужа—„ну, що? якъ сказавъ благочинный“? О. Алипій долго путался въ разсказѣ, говоря то объ Очеретѣ, то о мужикахъ, то о свѣжемъ сѣнѣ о. Якима, но въ концѣ рѣчи сказалъ:

— Вси тоби кланяются... и просятся на хрестыны...

Анисья Элпидифоровна улыбнулась.

— А знаешь, Анисю, що я тоби ще скажу? Добре ты зробыла, що взяла подарунки, спочатне... Памятаешь? И свыней загнала, также добре... И про огорожу также твоя правда.

Жена съ минуту удивленно смотрѣла на мужа, не понимая, въ какой связи вопросы объ огорожѣ и спочатномъ стоятъ съ поѣздкой въ с. Мокрое и сказала:

— Заневне, що добре. Не вже-жъ тебе, дурня, слухаты стала...

О. Алипій не обижался, слыша такой эпитетъ... хотя онъ и кончилъ волынскую семинарію десятымъ студентомъ.

Прошло два года. Въ с. Вырахъ выстроилась новая церковь на ряду со старой, которая словно бы отодвинулась и еще болѣе скрылась межъ деревьевъ. Церковь выстроили по плану, присланному консисторіей, подъ руководствомъ Петра Очереты. О. Якимъ былъ правъ: Очерета, выкопавъ рвы, запилъ запоемъ и почти цѣлый годъ работы оставались въ прежнемъ положеніи. А когда прислали планы, въ волость былъ собранъ сходъ, съ майстромъ заключили контрактъ и дѣло пошло какъ слѣдуетъ.

Новая церковь вышла, конечно, виднѣе и просторнѣе... Но, не смотря на это, полѣшуки не всѣ ходили въ церковь. Значительное количество мужиковъ и бабъ стояло около стѣнъ новой церкви... и на бѣлыхъ ея стѣнахъ скоро появились новые слѣды отъ крестьянскихъ жупановъ, прислоненныхъ къ стѣнкѣ. Нѣкоторые даже находили старую церковь удобнѣе въ томъ отношеніи, что ея старыя стѣны лучше пропускали звукъ и прислонившемуся къ ней было слышнѣе. Стѣны новой церкви менѣе были проницаемы для пѣнія.

Но удивительнѣе всего было то обстоятельство, что и старая церковь не оставалась пустою. У ея стѣнъ продолжали нѣкоторое время стоять во всякую погоду тѣ изъ немногихъ, впрочемъ, крестьянъ, которые не сразу могли отказаться отъ старой привычки стоять во время богослуженія на своемъ излюбленномъ мѣстѣ и молиться или думать....

Ѳ. А. Кудринскій.

ПѢСНИ МОЛОДЕЖИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНѢ.

Лѣто прошлаго года мнѣ пришлось прожить въ деревнѣ Лозовикахъ, сквирскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Лозовики представляютъ изъ себя маленькую деревушку, насчитывающую по страховой вѣдомости до 59 хатъ. Ни по внѣшнему, ни по внутреннему виду деревня не отличается отъ окрестныхъ деревень: тѣ-же хаты, сараи, шопы, то-же безлюдіе на улицахъ въ будніе дни. Устои жизни, обычаи, взгляды—тѣ-же, что и въ окружающихъ селахъ.

Задавшись цѣлію, насколько возможно подробнѣе, изучить положеніе деревни и ближайшихъ къ ней селъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, я по пути занимался этнографическими наблюденіями, результатомъ чего и явились прилагаемыя при семъ пѣсни.

При собираніи пѣсенъ я задался невиннымъ вопросомъ: что поетъ нынѣшнее молодое поколѣніе деревни? Естественно, разрѣшивши этотъ вопросъ, я могъ отвѣтить затѣмъ и на другой вопросъ, представляющій значительный интересъ и не лишенный серьезности: каковы эстетическія воззрѣнія молодого поколѣнія и что оно видитъ и цѣнитъ въ пѣснѣ? Въ виду этого я обращался исключительно къ молодежи и въ рѣдкихъ случаяхъ, для возстановленія цѣльности пѣсни, къ пожилымъ людямъ.

Напрасно стали-бы вы искать среди нынѣшней молодежи пѣсенъ старыхъ, козацкихъ, составляющихъ гордость народной устной поэзіи, пѣсенъ, въ которыхъ такъ часто попадаются отголоски язычества и героической эпохи въ жизни народа. Вы

ихъ теперь не услышите,—онѣ забылись народомъ, и если иногда встрѣчаются, то въ исковерканномъ, отрывочномъ видѣ. Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ еще можно было услышать отъ рѣдкихъ кобзарей что нибудь въ родѣ „Побѣга трехъ братьевъ изъ Азова“ или „Коновченка Ивана“... Слушая эти эпическія произведенія изъ устъ слѣпца-бандуриста или вчитываясь въ пѣсни, собранныя въ сборникахъ историческихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, Костомарова и др., невольно удивляешься богатству внутренняго содержанія народа, съумѣвшаго высказать свои чувства въ такихъ прекрасныхъ произведеніяхъ народнаго творчества, какъ эти былины-пѣсни. Принявъ же во вниманіе еще и то обстоятельство, что трудами комиссіи для изученія Малороссіи, учеными и просто любителями этнографіи собрано до 10.000 различныхъ пѣсенъ—вы невольно пожалѣете, что историческія и другія условія не позволили и не позволяютъ развиться народу настолько, чтобы скрытые въ немъ таланты выступили наружу и достигли возможно полнаго развитія.

Вотъ съ такими-то мыслями я и приступилъ къ собиранію пѣсенъ въ деревнѣ Лозовикахъ.

На первыхъ-же порахъ меня постигло разочарованіе. На просьбу назвать самыя лучшія и любимыя пѣсни, которыя теперь распѣваются въ деревнѣ, молодежь назвала мнѣ слѣдующія пѣсни: „Що ты мыла прыуныла“, „Ой а въ городи солучилася бида“ „Ой, у Польши разгромъ“ и много другихъ извѣстныхъ каждому полусолдатскихъ, полу-трактирныхъ пѣсенъ.

— „Да, это все кацапскія пѣсни!“—восклицаю я. „Вы назовите мнѣ чисто деревенскихъ, украинскихъ, старыхъ пѣсенъ?“

— Деревеньскихъ, кажете? Яку жъ-бы вамъ?.. Да у насъ нашихъ деревеньскихъ писень вже и не спивають,—хиба такъ инколы, або якъ пьяни... Дивчата бильше ихъ подобають, а мы ни!“—говорили хлопцы. И только послѣ настоятельнаго требованія назвать хоть нѣсколько пѣсенъ, они назвали слѣдующія: „Кому воля, намъ, братци, неволя“, „Ой ты земушка—зема“, „Ходывъ чумакъ симъ рикъ по Дону“ и нѣсколько другихъ.

На вопросъ—почему пѣсни своей родины, на родномъ языкѣ, они мѣняютъ на безобразныя, безсмысленныя, въ большинствѣ

случаевъ представляющія только наборъ словъ, солдатскія пѣсни,—мнѣ отвѣтили:

— „А чимъ-же воны погани? Для насъ добри, бо нови. А то все едни-да-едни, то вже и осточортилы. Стари люде якъ колы напьются, такъ ти спивають и добри писни, але-жъ мы ихъ не знаемо, а воны вчить не хтять. Отъ хиба вы навчите?“

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ и болѣе близкаго знакомства, пришлось убѣдиться, что главная причина склонности молодежи пѣть солдатскія пѣсни—это стремленіе воспринимать новое, не разбирая—дурно ли оно или хорошо, стоитъ-ли имъ увлекаться и поступаться самобытнымъ истинно прекраснымъ и правдивымъ? Однообразна и скучна деревенская жизнь, а юго-западнаго края въ особенности. Въ теченіе долгихъ лѣтъ все одни и тѣ-же виды, лица и условія жизненныя. Что было вчера, то несомнѣнно будетъ и сегодня. Самыя незначительныя явленія обыденной жизни, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны вызывать къ себѣ интереса среди хоть сколько нибудь бывалыхъ и развитыхъ людей, въ деревнѣ производятъ цѣлый фуроръ, не говоря уже о явленіяхъ болѣе серьезныхъ и сложныхъ. Туго проникаютъ новыя вѣянія въ деревни и даже уѣздные города этого края. Кипучая, полная событій, современная жизнь проносится надъ краемъ мимо, не касаясь его: даже усилій ни откуда не обнаруживается, чтобы въ эту темную, предоставленную самой себѣ тину, влить освѣжающую умъ и сердце струю образованности и культурности. Мѣстное населеніе по воззрѣніямъ, вкусамъ и наклонностямъ, вѣроятно, осталось тѣмъ-же, какимъ оно было во времена Сагайдачнаго и Хмельницкаго.

Предоставленные самимъ себѣ, крестьяне, естественно, по своему крайнему разумѣнію, воспринимаютъ все, что ни попадается имъ подъ руку—будетъ-ли то безсвязное повѣствованіе о заморскихъ земляхъ какого нибудь захожаго странника, или вранье пришедшаго изъ службы солдатика, или еще что нибудь подобное сему—все равно: крестьяне съ неослабнымъ интересомъ слушаютъ, пережевываютъ и затѣмъ уснащаютъ своими комментаріями, такъ что въ концѣ концовъ изъ невиннаго разсказа или небылицы

создаются въ одной и той-же деревнѣ массы исторій, совершенно не похожихъ на своихъ прототиповъ...

Каждый годъ въ любую деревню приходятъ домой изъ службы солдаты; каждый изъ нихъ несетъ съ собою достаточное количество матерьяла, которымъ онъ можетъ пустить пыль въ глаза односельчанамъ. Много правды въ ихъ разсказахъ, но еще больше самаго беззастѣнчиваго лганья—это прекрасно понимаютъ и слушатели, въ особенности изъ солдатиковъ. Но лганье прощается, вызывая со стороны слушателей только рядъ шутокъ, остротъ и неподдѣльнаго, такъ присущаго малороссу, юмора. Дѣло сводится къ тому, что время такъ или иначе убивается, является возможность покалякать, отвлечься отъ этой пріѣвшейся повседневной жизни и хоть этимъ немного освѣжиться. Часто возвратившіеся изъ военной службы относятся критически на первыхъ порахъ къ обычаямъ своей деревни и фарсятъ своей, какъ они говорятъ, „образованностію“. Желаніе говорить по великорусски заставляетъ ихъ ломать языкъ и часто изобрѣтать какой-то новый языкъ, затѣмъ насмѣшливое отношеніе къ роднымъ пѣснямъ и желаніе щеголънуть „рассейскими“. Какъ ни смѣшно и нелѣпо подобное ломаніе—для крестьянъ оно безслѣдно не проходитъ. По крайней мѣрѣ пѣсни усваиваются и съ увлеченіемъ распѣваются, хотя ни смысла, ни поэзіи, ни ритмы у нихъ не имѣется, а просто самый невозможный наборъ словъ, иногда поражающій читателя или слушателя своею несообразностью до невозможной степени. На ряду со многими растлѣвающими вліяніями въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, какое приносятъ съ собою солдаты въ свои родныя деревни, я ставлю еще одно—это извращеніе и полнѣйшее уничтоженіе эстетическихъ, природой данныхъ вкусовъ, уничтоженіе чутья къ прекрасному и возвышенному.

Сами судите—развѣ возможно признать за нормальные и здоровые эстетическіе вкусы у молодежи, съ увлеченіемъ распѣвающей во все горло: „Щаслива та деревня“ (см. № 71), заключительнымъ куплетомъ которой является невозможный винегретъ изъ „саду—винограду“, „кофею“, „цигарки“, „гитары“ и т. п.,—

или „Що ты мыла прыуныла“, гдѣ этотъ винегретъ достигаетъ до феноменальной чепухи и глупости:

„Трубка моя пиньковая
Все звалилася на бокъ.
Я думала, що день воскреснеть
Судьба наша все пройдеть...
Самъ ложусь я на скамейку,
Я зъ милою не прощавсь...
Гору глану—тилько стало
Два жандари по бокахъ“. (см. № 70).

И это самая любимая пѣсня, которую поютъ съ азартомъ, до хрипоты, до изступленія, въ особенности когда дѣло доходитъ до „пиньковой трубки“, которая „все звалилася на бокъ“ и этихъ неизвѣстно откуда и зачѣмъ явившихся двухъ „жандаровъ по бокахъ“.

— „Зачѣмъ-же въ этой пѣсни явились „жандари по бокахъ?“ И какъ это понимаете вы?“ спрашивалъ я хлопцовъ, продиктовавшихъ мнѣ эту пѣсню.

— „Хиба ми знаемъ? Жандари по бокахъ-тай годи! Значить винъ лежить, а вони, жандари, у его зъ боковъ стоять... мабуть стережуть... Тай годи!“

— „Можетъ-быть, какъ нибудь иначе можно понимать?“ не унимался я.

— „Хиба ми знаемъ? Такъ спивають, то и мы переймалы, такъ и вамъ кажемо.“

Такъ я толку и не добился отъ нихъ.

Въ прилагаемыхъ пѣсняхъ я помѣстилъ только четыре „рассейскія“ пѣсни, которыя, какъ мнѣ кажется, еще не записаны никѣмъ,—думаю, что онѣ въ достаточной степени иллюстрируютъ эстетическій вкусъ нынѣшней деревенской молодежи. Подобныхъ пѣсенъ я записалъ до 30-ти, но всѣ онѣ общеизвѣстны, и вы всегда можете услышать ихъ отъ солдатъ, орущихъ „во всю“ безсмысленныя слова пѣсенъ съ припѣвами „ой-далюли“, „Черная галка“, „Двѣ деревни одинъ я“, „По горамъ твоимъ Балканскимъ“ и т. п., которыя въ устахъ современной молодежи коверкаются еще болѣе и кромѣ сарказма и сожалѣнія ничего не вызываютъ у свѣжаго слушателя.

И на ряду съ подобными пѣснями въ памяти дивчатъ и хлопцивъ сохраняются чудные по смылу, формѣ и глубинѣ чувства пѣсни „родины“ въ родѣ

„Тихо-стиха Дунай воду несе.
Ще тихійше дивка косу чеше“..

въ которой попадаются чисто классическія мѣста:

„Сидить-же винъ на скрыпочку грае,
Струна-струни зтыха промовляе:
„Нема краю тыхому Дунаю,
Нема спыну удовычому сыну“... (№ 17)

Или, напримѣръ: „Затопыла въ новій хати сырымы дровами“ (№ 42) и мн. др.

Изъ семидесяти трехъ, предлагаемыхъ вниманію читателя, пѣсенъ чисто малорусскихъ до шестидесяти пяти; всѣ онѣ, почти безъ исключенія, блещутъ формой изложенія, поэзій, размѣрностью стиха, смысломъ, иногда назидательностью. Обыденныя событія, въ родѣ ухаживанія, разлуки, несчастной любви, убійства нелюбимой жены, чаровъ и т. п., находили отзвукъ въ умѣ и сердцѣ народа и затѣмъ непосредственно выливались въ видѣ роскошныхъ пѣсенъ. Въ нихъ все понятно, все говоритъ сердцу, ибо родное. Тутъ степь, поле, луга, байраки, зеленая лищина, хмѣль, вишня-черешня, слива, пташки-канарейки, соловейки, зори, мисяць билолицый, тучи... однимъ словомъ—вся видимая природа въ пѣсняхъ малоросса одухотворена разумомъ, сознаніемъ и такъ близко входитъ въ положеніе героя пѣсни. Невольно обращаютъ на себя вниманіе пѣсни, гдѣ дѣйствующими лицами являются животныя, какъ напримѣръ въ пѣснѣ „Ой, у поли корчомочка“ (№ 51), гдѣ конь и орелъ держатъ пари „хто швидче“ добѣжитъ отъ корчмы до могилы, или въ пѣснѣ „Ой, ходывъ донець симъ рикъ по Дону“, въ которой вѣстникомъ смерти жены и несчастья въ домѣ Донца—является „змія лютая“ (№ 50). Подобныя пѣсни производятъ впечатлѣніе сказокъ, передаваемыхъ въ стихахъ и тѣмъ получающихъ еще большую прелесть въ глазахъ слушателя. Это творчество народа, съумѣвшаго плоды фантазіи и самыя обыкновеннѣйшія, изъ вѣка въ вѣкъ повторяющіяся, явленія повседневной жизни втиснуть въ поэтическія рамки многообразныхъ пѣсенъ,—говоритъ за способность населенія къ высшей

культурѣ, за его недюжинные таланты, которые, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, одной изъ коихъ является внесеніе солдатчины въ населеніе, къ сожалѣнію, не обнаруживаются, остаются на неподвижной точкѣ и гибнутъ безповоротно. Неужели въ Россіи нѣтъ просвѣщенія и людей, просвѣщенныхъ силою знанія, обуреваемыхъ любовью къ отечеству, которые вмѣсто солдатчины дали-бы народу то, что въ высшей степени развило-бы умъ, сердце, эстетическое и этическое чувство и вкусы? Вѣдь, прививая народу ложные вкусы и взгляды, солдатчина прямо таки способствуетъ вырожденію населенія въ этическомъ и эстетическомъ отношеніи... Говорятъ, что въ нынѣшній вѣкъ народное творчество, какъ таковое, не мыслимо—для малоросса въ особенности, ибо не стало, кобзарей и бандуристовъ—этихъ бардовъ Украины, которые всѣ событія изъ народной жизни облекали въ поэтическую форму и пускали по свѣту. Это не вѣрно. Въ предлагаемыхъ пѣсняхъ есть нѣсколько пѣсенъ новѣйшей формаціи, относящихся къ послѣднимъ двумъ-тремъ десятилѣтіямъ—это пѣсни о сахарныхъ заводахъ, рекрутчинѣ и Польскомъ возстаніи. Кто явился творцомъ ихъ—трудно сказать, несомнѣнно только не кобзари, которыхъ, кстати сказать, въ эти десятилѣтія встрѣтить очень трудно, а подобіе ихъ—лирники—представляютъ изъ себя „нищихъ“ не только физически и матеріально, но и духовно...

Мы не имѣемъ въ виду проповѣдывать мысль о насажденіи въ Малороссіи и Югозападномъ краѣ традицій временъ Дорошенка, Мазепы и др.,—мы задаемся скромной задачей дать народу возможность развить свои, данные ему природою, таланты въ эстетическомъ отношеніи. Почему-бы не предложить населенію вмѣсто солдатскихъ—художественныя чисто русскія или переложенныя на ноты и голоса его родныя пѣсни? Во всякомъ случаѣ онѣ оказали-бы населенію неизмѣримую пользу въ выработкѣ эстетическихъ чувствъ и воззрѣній. Вѣдь музыка и поэзія, какъ говорятъ, языкъ боговъ... Государства, въ которыхъ національное самосознаніе развито въ высшей степени, понимаютъ громадную важность народной пѣсни, какъ одного изъ факторовъ въ развитіи національнаго самосознанія народа. Не будемъ далеко ходить за примѣрами—остановимся на Германіи. Вѣдь находитъ-же она

возможнымъ и необходимымъ для каждаго королевства, герцогства, марк-графства и т. п. имѣть свои пѣсни, независимо отъ обще-нѣмецкихъ, національныхъ, поддерживать среди населенія любовь къ пѣнію и музыкѣ вообще, устраивать соревнованія между сосѣдними деревнями и городами. Обыкновенно, по поводу этого у насъ говорятъ, что нѣмцы развитѣе насъ, культурнѣе. Но вѣдь та степень народнаго музыкальнаго образованія, на которой стоитъ Германія, не родилась вмѣстѣ съ нѣмецкой націей. Она постепенно росла, ширилась вмѣстѣ съ грамотностію, ремеслами, пока не проникла въ существо нѣмца настолько, что стала неотъемлемой чертой характера нѣмца. Прислушайтесь къ тѣмъ пѣснямъ, которыя подъ руководствомъ учителя распѣваютъ дѣти въ деревенской школѣ: всѣ онѣ не что иное, какъ восхваленіе своему отечеству, прекраснѣе и чуднѣе коего нигдѣ нѣтъ; затѣмъ, величіе Творца, создавшаго землю и небо. Благодаря имъ, ребенокъ научается съ пеленокъ, такъ сказать, любить свое отечество, природу, людей и выливать свои восторги въ этихъ, какъ мы ихъ называемъ, сентиментальныхъ пѣсенкахъ. Какъ бы ни были наивны и сентиментальны эти пѣсни, тѣмъ не менѣе достаточно затянуть нѣмцу одну изъ нихъ, какъ къ нему присоединятся тотчасъ-же другіе, и стройно и красиво отъ начала до конца съ одушевленіемъ пропоютъ они ее. Въ этихъ пѣсенкахъ, если можно такъ выразиться, выражается самъ нѣмецъ—во всемъ: въ тактѣ, въ словахъ, въ мелодіи, экспрессіи... То-же явленіе замѣчается у французовъ. Говорятъ, что достаточно среди французовъ начать первую фразу изъ марсельезы, какъ всѣ воодушевляются и подхватываютъ мелодію. Въ марсельезѣ они чувствуютъ себя французами съ пятъ до головы, она ихъ обновляетъ и поднимаетъ національный духъ. Затѣмъ эти бульварныя пѣсни, которыя каждому извѣстны, поются милліоны разъ и тѣмъ не менѣе всегда съ большимъ и большимъ одушевленіемъ.

Не касаясь другихъ европейскихъ націй, возьмемъ для примѣра косный Китай. Случилось мнѣ однажды встрѣчать вмѣстѣ съ китайцами ихъ Новый годъ. Послѣ китайскаго обѣда мы изъявили желаніе послушать пѣнія. Хозяинъ былъ настолько любезенъ, что тотчасъ же вооружился маленькимъ барабанчикомъ,

подобіе нашего бубна, сталъ въ приличную позу и началъ пѣть, аккомпанируя себѣ на барабанчикѣ. Всѣ сидѣвшіе тутъ же китайцы, а ихъ было человѣкъ до двадцати, дружно и въ тактъ начали ему подтягивать. За первой послѣдовали другая, третья и т. д. Пѣсни всѣ были пріурочены къ Новому году. Всѣ собравшіеся китайцы ихъ знали. Не смотря на своеобразные, рѣзкіе для уха европейца, напѣвы, я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ,— не было ни крика, ни замѣшательства, все выходило гладко и видимо доставляло больше удовольствія самимъ пѣвцамъ. Оно и не мудрено, если принять во вниманіе то обстоятельство, что съ поступленіемъ въ школу каждому ребенку приходится штудировать курсъ національныхъ пѣсенъ. Эти пѣсни входятъ въ плоть и кровь китайца и всегда поются съ одинаковымъ усердіемъ и одушевленіемъ. Татаре, Киргизы, Монголы, Буряты и др. инородцы не имѣютъ государственнаго, такъ сказать, пѣнія, но тѣмъ не менѣе въ пѣснѣ они видятъ самое лучшее наслажденіе. Каждому извѣстно, что они готовы просиживать по цѣлымъ суткамъ, слушая своихъ бардовъ и при случаѣ подтягивая имъ.

Совсѣмъ иначе въ этомъ отношеніи у насъ, русскихъ. Въ „Письмахъ изъ Сербіи“ („Передъ отъѣздомъ“ стр. 946) этого вопроса, только по нѣскольку иному поводу, коснулся и Г. И. Успенскій. Вотъ картинка, которую выписываю цѣликомъ:

— Вотъ хоть мадьяры, простые мужики, цѣлую ночь хоромъ пѣли, да какъ пѣли, артистически; нашихъ (добровольцевъ) забрало за живое: „давай, ребята, нашу!“ Чуть не всѣ сразу затянули „Внизъ по матушкѣ“, и оказалось, что никто не знаетъ пѣсни не только до конца, а даже съ пятой строки, т. е. по окончаніи перваго куплета уже никто не знаетъ, какъ дальше. Не въ музыкальныхъ школахъ спѣвались мадьярскіе мужики, спѣвались они, надо думать, въ деревнѣ, и наши тоже родились и жили въ деревнѣ; но, очевидно, некогда имъ было спѣваться, заниматься пустяками, досуга не было... И затянули-то они кто въ лѣсъ, кто по дрова...“ Некрасивая картинка—не правда-ли? Правда, къ современной деревенской молодежи югозападнаго края цѣликомъ ее приложить нельзя, такъ какъ пѣсни, хоть и безсмысленныя, поются съ начала и до конца. Что-же касается исполненія, то ужъ тутъ приходится

только руками развесть и оставить надежды услышать хоть приблизительно артистическое исполненіе. Каждый изъ поющихъ старается пѣть только главный мотивъ и „во всю", нисколько не заботясь о гармоніи, выразительности и др. условіяхъ, при которыхъ даже простая пѣсенка получаетъ своеобразную прелесть.

Преобладаетъ унисонъ, рѣдко октава и очень рѣдко терція. Хорошаго пѣнія я не слышалъ пока нигдѣ, въ кіевской губерніи по крайней мѣрѣ. Много разъ во многихъ селахъ я искалъ случая услышать непосредственно изъ устъ народа чудные мотивы въ хорошемъ исполненіи—и мои исканія успѣхомъ не увѣнчались. Мнѣ указывали на самыхъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которыхъ здѣсь называютъ „клярнетами",—я ихъ слушалъ въ отдѣльности каждаго и хоромъ, и тѣмъ не менѣе, при самой снисходительной оцѣнкѣ, впечатлѣніе получается дрянное. Мотивы слишкомъ однообразны, отсутствіе знаковъ экспрессіи, съ начала и до конца невозможное forte, неясное, съ носовымъ оттѣнкомъ произношеніе, особенно въ хорѣ—такъ что, не зная ранѣе пѣсни, вы развѣ только десятое слово поймете. Можно съ увѣренностью сказать, что тихаго пѣнія въ деревнѣ этого края почти не существуетъ. Пробовалъ я заставлять пѣть тихо, на сколько возможно, конечно,—впечатлѣніе получалось еще дряннѣе: голоса фальшивили, понижали, носовые оттѣнки выступали рѣже, и пѣсня до конца никогда не допѣвалась.

— „Тяжко такъ спивать,—духу не хватае!" говорили они. Пѣть громко—другое дѣло: „тоди легше". Громко же пѣть—это значитъ буквально ревѣть, съ выкриками, свистомъ, уханьемъ, а на концѣ и завываніемъ. Начинаетъ обыкновенно одинъ, за нимъ подхватываютъ, подсаживаясь, всѣ остальные. Если вы стоите около хора пѣвцовъ очень близко—вы рискуете на нѣкоторое время оглохнуть: въ ушахъ поднимается звонъ и трескъ. Обыкновенно по окончаніи каждаго куплета унисонъ переходитъ въ октаву. Хорошимъ пѣніемъ считается, если подголосокъ беретъ верхнюю октаву звучно, фистулою, ровно и долго.

Какъ ни безобразна подобная манера пѣть пѣсни, все таки попадаются иногда мотивы, которые съ удовольствіемъ слушаешь, расположившись, конечно, въ почтительномъ отдаленіи отъ хора.

Особенно хорошо они звучатъ въ тихія лунныя ночи, когда находишься подъ обаяніемъ волшебной картины окружающей обстановки: спокойный прудъ, кусты вербы, темные садочки, бѣлѣющіяся хатки и т. п., что такъ поэтически было описано Гоголемъ.

Хлопцы и дивчата поютъ пѣсни обыкновенно передъ вечеромъ и ночью на улицахъ—лѣтомъ, весною и осенью, въ томъ случаѣ если сельская полиція не запрещаетъ имъ; зимою же на досвиткахъ. Женатые въ трезвомъ состояніи не поютъ. На предложеніе пропѣть почему-либо заинтересовавшую васъ пѣсенку, вы получите отъ нихъ отвѣтъ: хиба я пьяный или пьяна? Часто *въ ночномъ* среди хлопцевъ встрѣчаются и женатые. Хлопцы поютъ, послѣдніе-же не вмѣшиваются, на томъ основаніи, что „винъ вже чоловикъ“...

Хорошихъ, пріятныхъ голосовъ я пока ни одного не встрѣтилъ среди деревенской молодежи. Да и откуда имъ взяться? Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго малаго возраста всегда почти на открытомъ воздухѣ, пася гусей, свиней, телятъ, лошадей и т. п. при всѣхъ перемѣнахъ погоды—на холодѣ, дождѣ, морозѣ—крестьянскія дѣти одинаково кричатъ и ужъ конечно нисколько не заботятся о сохраненіи своихъ голосовыхъ связокъ отъ вліянія простуды. Считается своего рода молодечествомъ, если раньше вырабатывается грубый голосъ, вотъ такой, какимъ говоритъ батько или дядько. Самый распространенный голосъ въ здѣшней мѣстности — баритонъ и иногда теноръ. Когда хлопецъ поетъ, какъ здѣсь говорятъ, во всю „пельку“, то баритоны добираются до А, а теноры до С. У дивчатъ сплошь и рядомъ альты и контръ-альты и рѣдко дисканты. Предѣлы голосовъ тѣ-же, что и для хлопцевъ. Мягкости и выдержанности въ голосахъ нѣтъ, ибо хлопцы и дивчата, каждые въ своей „кумпаніи“, стараются перекричать другъ друга, „перетянуть“, т. е. дольше и громче тянуть окончанія куплетовъ. Я встрѣчалъ такихъ субъектовъ между хлопцами, которые въ теченіи 45—50 секундъ, не переводя духу въ тонѣ, прямо таки ревѣли, какъ быки. Нужно только удивляться закаленности ихъ горловыхъ связокъ и силѣ легкихъ. Въ особенности оглушительное фор-

тиссиме, дальше котораго идти нельзя, можно слышать въ немного подвыпившей компаніи...

Старики говорятъ, что въ старину пѣли лучше: „не було цего крику и галасу: якось пріятнійше спивалы... да и писни булы лучши“.

— „Почему-же вы не научите своихъ сыновъ и внуковъ“?

— „Де тамъ вчыть... Та мы й самы вже позабувалы. Тай не до писень: треба Богу молыться, грихи одмолювать, бо вже пора и въ домовыну!“

Всѣ нижепомѣщенныя пѣсни не встрѣчались мнѣ ни въ одномъ изъ сборниковъ, которые я имѣю подъ рукою. Если же и встрѣчаются, то въ значительно измѣненномъ видѣ; въ концѣ каждой такой пѣсни я сдѣлалъ отмѣтку—гдѣ и на какой страницѣ искать ея варіяцію.

А. Г. Хатемкинъ.

№ 1.

Ой, любылося двое дитокъ сердешныхъ.
Казавъ Господь розійтысь доконешно.
Ой, годъ любылысь, пивтора не бачилысь;
Побачилысь тай обое послабли.
Дивчина лежить у матинки въ свитлыци,
А козакъ лежить въ зеленькій дибривонци.
Дивчини медъ-выно та все носыть,
И козакъ лежить зимнои воды просыть.
„Матинко моя, яка ты мени мыла,
Зашлы козаку хочъ коновочку пыва“.
— „Ой, не сама я та це пыво варыла,
Щобъ я козаку по диброви носыла“.
Якъ задзвонылы вси дзвоны у Львови.
— „Послухай маты, чи не по козакови?
Якъ на службу, той мене пидведите,
Якъ по козаку, той мене нарядите.
Поховайте насъ у едной доломыни (?),
Покладите насъ до купки головами,
Не разлучайте насъ—любои мовы зъ нами...
Посадите на насъ червоную калыну,

Ой, у ниженькахъ билую березыну,
Вершокъ до вершка до купки схыляется,
Лыстокъ до лыстка до купки злыпается,—
Хто на грыбъ гляне—слизками умывается.

№ 2.

Кому воля—намъ, братци, неволя...
Нихто не знае мого горя;
Мое горе та все не такее, якъ людское,
Мои ручки дилечка не роблять,
Мои билы ножки далеко не ходять,
Тылько ходять у садъ у садочокъ
Щипать ягидочокъ.
Ой, я ягидъ—ягиди не нарвала,
Тылько соловейка пробужала,
Соловейку, ой да ты сизокрылый,
Скажи мени правду, де мій милый"?
— „Ой, твой милый усе по роботамъ,
По сахарнымъ заводамъ.
Ой, винъ робыть—робыть роботае,
Ажъ питъ ему глаза залывае;
Пріиде хозяинъ все его ругае...
Пріизджае хозяинъ до дому—
Наробылы хлопци ему лому:
Ніякого лому наробылы—
По всему заводу паръ роспустылы.
Пишла пара по всему заводу,
А пишла не слава по всему народу.
За ричкою, ой да за быстрою,
Ой, тамъ жилы люде, ой да слободою,
То не люде тылько суностаты:
Запысалы парня у салдаты...
Никому парня оплакаты...
Де взялася дивчина Марьяна—
Вона оплакала козака Ивана,
Оплакала, щей обголосыла,
Якъ ридная маты свого сына.

№ 3.

— „Ой, вышенько—черешенько, чомъ рясно не родышь?
Молодая дивчинонько, чомъ гулять не ходышь?"
— „Ой, якъ мени рясно родыть за дубовымъ тыномъ,
Ой, якъ мени гулять—ходыть за вдовынымъ сыномъ?
Бо вдовынъ сынъ самъ хорошій, а хозяйскій кращій,
Ой, якъ выйде на юлыцю, такъ якъ мисяць ясный.
Мисяць ясный, мисяць ясный помижъ зироньками,

А вдовынъ сынъ, самъ хорошій, помижъ дивонькамы.
Чорна хмара, (2) пидъ чорною сыня,
Навчи, навчи, удивонько, навчи свого сына.
Якъ не будешь научаты, будемъ чароваты,
Причаруемъ руки—ноги, щей каріи очи,
Щобъ не ходывъ до дивчины темнои ночи".
— „Нехай ходыть, нехай ходыть, бо винъ ій любыть,
Вона ему догожае, столъ застылае.
Столы мои тесовыи, скатерки льяныи,
Кровать моя ты тесова, постель пуховая,
Очи мои карыченьки, горе мени зъ вами,
Що не хочете ночуваты и ничку сами!..
Ой хочь хочуть, хочь не хочуть мусять прывыкаты,
Десь поихавъ мій мыленькій у поле ораты.
Оравъ три дни у ярыни, а день у толоци,
Выплакала кари очи за вси четыре ночи.
Ой, ти мени четыре ночи тай за висимъ сталы;
Щобъ моему мыленькому батигъ вирвався,
Тобъ може мій мылый до дому прыслався!

Ср. въ Трудахъ эти.—ст. экспедиціи въ западно-русскій край.—Юго-западный отдѣлъ, т. V, стр. 93.

№ 4.

— „Чи чула ты, сыво зозуленько, якъ соловей щебетавъ?
Чи чула ты, молодая дивчинонько, якъ я тебе выклыкавъ?
Черезъ твое широке надвирье широку стежку втоптавъ".
— „Топчи, топчи, молодый козаче, я ще ширшу прополю,
На тій прополянци кленъ дерево посажу...
Росты, росты, кленъ дерево, я буду полывать,
Вары, маты, вечеряты, я пиду въ садъ гулять,
Въ садъ у садочекъ сиры гусы загонять.
— „Гиля—гиля, сиры гусы, стежкою до воды,
Прошу тебе, молодый козаче, до иншого не ходы!
А на мене, молодую дивчину, поговору не робы.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на той ставъ,
Прошу тебе, молодый козаче, хочь натуру переставъ.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на овесъ,
Завязала свою голивоньку, теперъ плаче ридъ увесь.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на ставокъ,
Завязала свою голивоньку, я-жъ думала на часокъ.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на рики,
Завязала свою голивоньку, теперъ не розвяжу до вику.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на Дунай
Завязала свою голивоньку, теперъ сыды, та думай.

№ 5.

Пора, маты, жыто жаты коло дориженьки,
Пора, маты, замужъ ддаты—брешуть вориженьки.
Пора, маты, жыто жати, колосъ похилився,
Пора, маты, замужъ ддаты—голосъ обминився.
Голосочокъ на лисочокъ, тыха мова ризно,
Не лай мене, моя маты, що я хожу пизно.
Пизно хожу, рано встаю, я свой розумъ маю,
Я своему мыленькому коня наповаю.
Ой, кинь стоить, воды не пье, кинь у воду дуе,—
Десь мій мылый чернобривый зъ иншою ночуе.
Ночуй, ночуй, мій мыленькій, тай не просыпляйся,
А за мене молодую тай не забувайся,
Ой, якъ выйдешь на юлыцю той не прызнавайся...
Ты не витеръ, ты не витеръ, а я не былына,
Не зводь зъ ума, разс...ъ с..., бо я не дытына.
Було мене зъ ума зводыть, якъ я була мала,
Доки я козацького звычаю не знала.
Теперъ-же я козацьки вси звычаи знаю,—
Иде козакъ дорижкою то я й не займаю,
Одвернуся, засміюся, то я й не боюся...

№ 6.

Ой, яромъ яромъ холодна вода,
Холодна вода—дивка молода
По воду йшла на умывайнячко
Шовковый платокъ на обтырайнячко.
Пиду въ садокъ, зирву цвитокъ
Да зирву цвитокъ, зовью винокъ
Пущу на ставокъ.
Хто винка спійме—дивчину визьме.
Обизвався козакъ на сывимъ коню:
— „Я винка спойму, дивчыну визьму!“
Скочывъ я разъ—по колина вгразъ.
Скочывъ другій—по поясочокъ,
Скочывъ трейтій—всплывъ волосочокъ.
— „Ой, кинь, ты мій кинь, не стой надо мной,
Бижи ты, кинь, пидъ батькивъ двиръ,
Не кажы ты, кинь, що я утопывсь,
Скажы, мій кинь, що я оженывсь.
Булы бояре зъ чорной хмары,
А булы дружкы—ясніи зирки,
Була молода—холодна вода,
Холодна вода—дивка молода.

№ 7.

Оре козакъ нивку голубыми (?) воламы,
Не бачывъ дивчины зъ черными бровамы
Ой, прыорався козакъ до зеленого лугу,
Выпригъ сиры волы изъ новенького плугу,
Выпригъ сиры волы—погоняе до дому,
Самъ сидлае коня, коня вороного,
Самъ сидлае коня—поиджае до дому,
Чи не выйде дивчина, та до броду по воду.
Не выйшла дивчина, та выйшла ii маты,
Парню молодому та жалю завдаваты.
— „Ой, не плачь, козаче, та не плачь не журыся,
Выйды за ворота на челядь подывыся"!...
— „Ой, Боже мiй, Боже, що та челядь поможе?
А вже трейтiй вечирь, якъ дивчину бачывъ"...
Якъ побачылыся обое порадилы,
Ой, изъ тихъ радощивъ обое послабилы,
Померъ козакъ—дивка въ едную годыну,
— „Поховай насъ, маты, та въ едну доломыну,
Поставъ на насъ, маты, та хреста золотого,
Щобы люде дывылысь, що мы вирно любылись,
Ой, щобъ изгадалось, що мы вирно кохалысь.

№ 8.

Сюды гора, туды гора, помижъ тымы крутымы горамы сходыла зоря.
Тожъ не зоря, дивчина моя, зъ новенькимы ведерцямы по воду йшла.
— „Дивчино-жъ моя, напiй же коня, зъ рубленои крыныченьки зъ повного ведра",
— „Якъ-бы я твоя—напоила-бъ два"...
— „Дивчино моя, сидай на коня, да поидемъ въ чисте поле до мого двора".
— „Въ тебе ни двора, въ тебе ни кола,
Тылько при долыни стоить кустъ калыны
Той та не цвила".
— „Булы земы лютiи морозы—приморожена...
Дивчино моя, чомъ замужъ нейшла?"
— „Була мала по дворахъ служыла, тымъ замужъ не йшла.
Козаченьку мiй, зачимъ холостый?"
— „Службу служывъ, на войни я бувъ—
Затымъ холостой". Ср. тамъ-же стр. 107.

№ 9.

Ой, у поли крыныченька кругомъ неи травыченька,
Ой, тамъ козакъ коня вяже, вороного до явора зеленого,
До явора зеленого до повода шолкового.

— „Пасысь, коню, по долыни, а я пиду до дивчины,
До дивчины Катерыны на пухови спать перыны".
Чы спавъ не спавъ—пробудывся, выйшовъ на двиръ подывывся.
Нема коня вороного: одъ явора дзеленого одъ повода шелкового.
— „Пасысь, коню, дорогою широкою, долыною глыбокою.
На долыни огонь горыть, коло огню разбой сыдыть,
Разбой сыдыть коня держыть, а на коню дивка сыдыть,
Дивка сыдыть косу чеше гребинкою, прымочуе горилкою.

№ 10.

Ой, у поли нывка, а въ долыни слывка,
Тамъ дивчина жыто жала сама чернобрывка.
Жала вона жала, сила спочывать,
Ишовъ козакъ дорогою мусивъ шапочку зняты.
— „Ой, здорова, дивчинонько, тай поможы Боже!"
Вона стала й отказала, серденямъ назвала.
А вже тая слава по всему свиту стала,
Що дивчина козака серденямъ назвала.
А вже тая слава по всимъ городочку,
Що дивчина козакови вышила сорочку.
Ой, на ставу на ставу два човныка плавало,
Два човныка, а три рыболовци.
Еднынъ каже: дивчино! другій каже: рыбчино!
Трейтій каже: серденя! не пойдешь ты за меня?"
— „Ой, на щожъ ты пытаешь, що ты хаты не маешь?
Поставъ хату зъ лободы, а въ чужую не веды;
Чужа хата, чужій двиръ, а на мене поговиръ"...

Срав. тамъ же стр. 551.

№ 11.

Ой, похожено, ой, поброжено тай коло мого саду,
Походыла та побродыла та журавочка зъ дитьмы,
А за нею та журавличекъ тай ниженькамы дыбле.
Ой, пье козакъ горилочку, а шинкарочка сыпле.
Сыпле, сыпле тай налывае, а козакъ выпывае.
Стоить дивка та стоить красна та слезы пролывае.
— „Не плачь, дивко, та не плачь, красна, бо така твоя доля,
Полюбыла та козаченька, та до мисяца стоя".
— „Ой, я жъ его та не любыла, полюбыла стара маты,
Полюбыла та прыказала, щобъ пьяныцю готуваты"...

Сравн. тамъ же стр. 52.

№ 12.

Пишовъ мылый яромъ-яромъ, а мылая бережкомъ,
Махнувъ мылый хустыною а мылая рукавомъ.
— „Прыйды, мылый чернобрывый, хоть цю ничку ночувать"...

— „Прыйду—прыйду, раздушенько, тылько зажды ты мене".
Шила—шила вышывала тонки—билы рукава,
Ждала—ждала не диждала, потушыла спать лягла.
Стучыть—гурчыть пидъ окошко разудаленькой идетъ.
— „Зачимъ-зачимъ, раздушенько, не ждала ты мене?"
— „Зачимъ-зачимъ, розудалый, такъ не раненько идешь?"
— „Затимъ-затимъ, раздушенько, бо не времячко було,
Зъ нарiченою женою у насъ ругаиьичко було".
— „Дуракъ, мылый, (2) дурна твоя голова,
Зъ нарiченою жоною ругаешься за мене...
Зъ нарiченою жоною треба вика дожывать
А зо мною молодою одну ничку ночувать".

№ 13.

— „Червона калына, чого въ лузи стоишь,
Чого въ лузи стоишь, чомъ не процвитаешь?
Чи суши боися, чи дощу бажаешь?"
— „Суши не боюся и дощу не бажаю,
Я въ лузи стою тай не процвитаю...
Зацвила-бъ я било—и вси люде знають,
Зацвила-бъ червоно—съ гильемъ обламають".
— „Молода дивчыно, чого смутна ходышь,
Чи головка больна, чи въ свити не вольна?"
— „Головка не больна всему свиту вольна,
Тры нички не спала, листоньки писала,
До свого мылого на Вкраину слала"...
— „Пусты мене, маты, зъ Украины до дому"
— „Пыши листъ, дивчино, ой що маешь сына".
— „А якъ же винъ хлопець, то я ему й отець,
А якъ же дивчына—не моя яровына (?).

Срав. тамъ же, 343 стр.

№ 14.

Ой выйду я та на горушку, подывлюсь я въ долынушку,
На долыни все трава полягла,—куды гляну, все чужа сторона.
Ты—сторона, ты—сторонушка, ой тыжъ мени надокучила.
Ночи сплю чы я въ день ходячы, чужымъ людямъ дило роблячы
Ой иду я въ чисте поле гулять, въ чистомъ поли два дубочка стоять,
На дубочкахъ два голубци сыдять.
— Вы, голубци, вы сывеньки, чы булы вы въ моiй сторони,
Ой, булы въ моiй сторони, чы бачылы оця й маменьку".
— „Ой, булы мы у твоiй сторони,
Мы бачылы оця й маменьку.
Батько въ корчми напывается
Маты въ дома сумлывается,

Що суботи прибираеця,
Що недили сподываеця.
Вси сядуть тай обидаты—
Матинка край виконечка,
Чы не иде моя донечка"...

№ 15.

А вже мени докучыло цю роботу роботать,
А вже мени докучыло дрибны слезы пролывать,
А въ пьятныцю пьяна була, а въ суботу проспала,
А въ недилю, воскресный день, нельзя въ поли роботать,
Не сіяты, ни ораты, ни ярого жыта жаты.
Пойдемъ-пойдемъ, возлюбезна, въ вышневый садъ гулять,
Ой въ вышневому садочку соловеюшки поють.
Поють воны росливають, на насъ люде говорять,
Все про тебе, все про мене, все про нашую любовь.
Любовь наша дорогая, до чого ты довела,
До людского поговору до большого сорому.
Тебе дивушку ругають, мене молодця бранять,
Тебе дивушку за дило, мене молодця—за що?
Що я вчора изъ вечора вырядывся хорошо,
На ту горушку крутую на той чистый на Капказ,
Прощалася дивка зъ парнемъ, полялыся слезы.
— „Прощай, дивко, прощай, красна, прощай мылая моя,
Не забувай ты за мене, не забуду за тебя"...

№ 16.

Зацвила въ лузи лоза, голубы наши глаза
На билый свитъ не смотрять, про любощи говорять.
Любовь наша дорога, жизнь розлука тяжела...
Дивчонушка молода, на крылечку стояла.
Соловейка благала:
— „Соловейко рябенькій, въ тебе голосъ тоненькій,
Ой, сядь соби на окни защебечешь ты мени.
Бо я въ чужій сторони—нема роду при мени,
Нема роду ни оця, нема кому журыця,
Нема роду ни матиы, нема мени поратку,
Нема роду, ни брата—все чужина проклята,
Нема роду ни сестры, нема кому провесты,
Нема роду-родыны, ни малои дытыны,
Вона-бъ мене провела, дориженьку промыла,
Слезонькамы й облыла"...

№ 17

Тыхо-стыха Дунай воду несе
Ще тыхійше дивка косу чеше.
Що начеше, то на Дунай пусте.

— „Плывы, косо, надъ берегамы,
А я пиду темнымы лугамы!
Ой, у лузи явиръ зелененькій,
Пидъ яворомъ коныкъ вороненькій,
На коныку хлопець молоденькій.
Сыдыть-же винъ на скрыпочку грае,
Струна струни зъ-тыха промовляе:
Нема краю тыхому Дунаю,
Нема сыну удовыному сыну:
Извивъ зъ ума молоду дивчину.
А якъ извивъ же на коныка сивши,
Прощай-прощай, молода дивчына!
Теперъ же я й не боюся,
Де пиду, то тамъ оженюся,
Назадъ до тебе не вернуся,
Де пиду, то я возьму дивку,
Мени, парню, прышыють квитку,
А тоби, дярво, накинуть намитку".
— „Якъ накинуть той буду носыты,
Тебе дурня не стану просыты".
— „Мени, парню, музыка заграе,
Тоби, шельмо, бабы заспиваютъ.

Ср. тамъ же, стр. 275, 342 и 411.

№ 18.

Ой, гай, маты, гай зелененькій,
Помандрувавъ на Вкраину козакъ молоденькій;
Ой, якъ мандрувавъ тай шапочку знявъ,
Низенько склонывся:
— „Прощай-прощай вся громада,
Може зъ кимъ сварывся?
Не сварывся, може зъ кимъ бранывся?
Выйшовъ на двиръ, на бытый шляхъ,
Слизонькамы вмывся.
— „Не жаль мени дориженьки, що закурылася.
Ой, жаль мени дивчиноньки, що зажурылася.
Не журыся, дивчинонько, що й я не журюся;
Кинь вороный, самъ молодый, то я й выслужуся!"

Срав. тамъ же, стр. 110.

№ 19.

А въ городи, а въ городи кедрына стояла,
А на тій кедрыноньци зозуля кувала.
Тожъ вона не кувала, щыру правду казала,

Якъ маты свого сына въ війско выряжала.
Летивъ пивень черезъ ричку тай сказавъ: кукарику!
Не сподивайся, маты, сына та зъ війска до вику!
— „Иды, сыну, иды, сыну, тай за рыдны браты,
Дадуть тоби, мій сыночку, государське плата".
— „Луче буду, моя маты, круту гору копаты,
Якъ государськее биле платя браты.
Круту гору копаючи сяду й одпочыну,
Государське биле платя—тай на викъ загыну,—
Прымы, маты, дивчыноньку за рыдную дытыну".
— „Не тая, мій сыночку, годына настала,
Щобы чужая дытынонька за рыдную стала!"

№ 20.

Въ саду вышня зъ пидъ кореня выйшла,
Не журыся дивчинонька, що я й не женывся.
Продай, моя маты, коня вороного,
Жены мене, маты, парня молодого.
— „Ой, не треба, сыну, коня продаваты,
Пыше чорне по билому—пидешь у салдаты!"
— „Нехай пышуть-пышуть, то я й не боюся,
Кинь вороный самъ молодый, то я й выслужуся".
Ой, на гори ячминь, а въ долыни жыто,
Пидъ билою березою козаченька вбыто.
Ой убыто-вбыто затягнуто въ жыто,
Червонымъ шовкомъ кытайкою очеськи покрыто.
Прылитае Галя зъ зеленого гаю
Пидняла кытаечку тай поцилювала;
Прылитае друга зъ темного луга:
— „Ой, Боже-жъ мій мылосердный, нема мого друга!"
Прылитае трейтя зъ новои хаты:
— „Було тоби, сукинъ сынъ, насъ трехъ не кохаты,
Насъ трехъ не любыты,—
Теперъ будешь, сукинъ сынъ, въ сырій земли гныты...
Идная кохала, а друга любыла
Трейтяя чорнявая чары готувала.
Летяла зозуля черезъ садъ колючій,
Ишовъ козакъ отъ дивчины заплакавшы дуже.
Прыходыть до дому не каже никому,
Сивъ соби кинецъ стола на руки схылывся...
Его ридна маты по хаты ходыть
Билы ручки ломыть.
— „Чы ты, сыну спывся, чы ты зажурывся?
Чы одъ тои чернявои чарынькивъ напывся.
— „Я, мамо, не спывся, ой не зажурывся,

Я одъ теи чорнявои чарынькивъ напывся".
Иде товарыщъ, кыче косыты.—
— „Иды-ныы, товарыщу! Я не можу рукъ носыты!...

№ 21.

Ой въ саду, въ саду тамъ жыла вдова,
Ой у тей вдовы славна дочь хороша.
Вона выходыла за новы ворота,
Вона выводыла ворона коня,
Вона наповала зъ повного ведра.
Кинь воды не пье, въ сыру землю бье.
— „Ой, коню, мій коню, чого воды не пьешь?
— Не по правди, мылый, ты зо мной жывешь,
Зъ чужымы мылыны медъ-горилку пьешь.
Прыде вечеръ темный—самъ до иншои идешь,
По чотыри кварты медъ-горилку несешь,
Мени, молодои, голосочокъ шлешь:
Всады, мыла, та черешнямы двиръ
Ой, щобъ не заходывъ голосочокъ мій!
Всадыла мыла половыну двора:
Теперъ-же ты не мій, а я не твоя!
Ой, брешешь ты, мыла, не правда твоя,
Бо зъ тобою, мыла, прысяга була.
Стелы, мыла, та кытайкою двиръ,
Щобъ кинь не помаравъ золотыхъ пидковъ!
Бодай же ты, мылый, та цего не диждавъ,
Щобъ мою кытайку пидъ ноги топтавъ!

№ 22.

Зійшовъ мисяць зъ зарею, дивчина въ садъ пишла,
Дожыдалась нелюба—не дождалась пишла.
— „Ой, ты нелюбо, ты—невиро, насміявся надо мной,
Насміявся надо мной, надъ моею головой.
Пиду—впадаю отцю въ ноги, тай начну его просыть,
То винъ скаже шлюбу взяты по закону будемъ жыть".
Козакъ цего не послухавъ, сивъ на коня поихавъ,
А дивчына зъ того горя, тай по водоньку пишла.
Въ этой часъ, часъ годыну, упавъ козакъ изъ коня.
Якъ гадына зъ-пидъ камыня—кругомъ серця обняла.
Дивчына зъ того горя утопылася вона.
Якъ зибрався судъ нимецкій надъ козакомъ Тарасомъ,
Ныхто того не довирывъ—де дивчына зъ козакомъ.

№ 23.

На крылечко выходыла зустрилася зъ дружкомъ,
Взяла дружка за рученьку, да й повела въ свои покои.
Усадыла на кровати, тай начала цилуваты,

Циловала, мыловала свого вирного дружка.
Дружокъ мылый чернобрывый разкрасавчикъ дорогой
Зачимъ ходышь до другои, выхваляеся ты мной,
Моей русою косой?
Коса моя русавая, до чого ты довела?
До людского поговора, до большого сорома!

№ 24.

Ой у поли озеречко
Тамъ плавало ведеречко
Трое сутокъ изъ водою,
Выйды, дивчино, выйды, рыбчыно
Поговорымо зъ тобою!
— „Якъ мени выходыты,
Зъ тобой серце говорыты,
Лежыть нелюба на правой руци
Та боюся разбудыты".
— „Ой, дивчына, моя люба, откажытся отъ нелюба,
Буду стриляты, буду лучаты зъ-пидъ зеленого дуба".
— „Ой ты, козакъ молоденькій, не лучы его,
Бо ты его тай не влучишь,
Тилько вашу жызнь розлучышь!"
Козакъ коныка сидлае
До коныка промовляе:
— „Рысю, мій коню, рысю, вороный, ажъ до тыхого Дунаю,
Узяв тыхого Дунаю стану—гляну подумаю:
Чы мени утопыться, чы зъ коныка убыться,
Чы назадъ мни воротыться?
Я зъ коныка не вбьюся
Въ быстрой ричушки втоплюся...
Прымы тило гришную душу,
Выкынь косточки на сушу!"
Ой тамъ дивчына ходыла
Жовтой косточкы збирала, (2)
До серденька прыжымала.

№ 25.

Ой ничь моя, ты темная,
Кровать ты тесовая!
Надъ тобою ночь простояла
А другую пересѣдила,
Сама соби худо здѣлала
Свого нелюбчыка просячы:
— „Прошу тебе, мій нелюбчыку,
Прошу тебе не прогниваця,
Мнѣ за тебе нэ схотилося,

Схотилося мнѣ за иншого,
За иншого за чернявого
За молодчыка удалого!“

№ 26.

Тоненька лещинонька на гай подалася,
Молодая дивчынонька въ козака вдалася;
Яки очы, таки брови, така й голивонька,
Якъ зійдеця зъ козаченькомъ, люба розмовонька.
Прочиняю кватырочку—дивчына гуляе,—
Ой, радъ бы я зачыныты, мене маты лае.
— „Не зачыпай, мій сыночку, не твоя буде,
Ты поидешь на Вкраину, щей на Вкраиночку,
Визьмуть ін добры люде за ридную дочку“.
— „Не такая моя, маты, година настала,
Щобъ чужая дытынонька за ридную стала“.
— „Лугомъ иду, коня веду—розвывайся луже,
Сватай мене, козаченько,—люблю тебе дуже“.
— „Ой хочь сватай, хочь не сватай, не виддаеть маты“.
— „Росты, коса, до пояса, я буду гуляты.
Що гуляла то гуляла—маты не спынала,
Теперъ мене прыпынила лыхая година.
Що гуляла то гуляла, ой гуляла вельмы,
Я прыбыла гуляньячко дубовымы дверьмы.
Не вирь, пава, павукови, що пирьячко губыть,
Не вирь, дивко, козакови, що винъ тебе любыть.
Павукъ пирьячко погубыть, друге наростае,
Козакъ дивку одну любыть, а другу кохае.
Не вирь, дивко, козакови, якъ тому собаци,
Бо собака якъ укусыть, то найдуця ліки,—
Козакъ дивку зъ ума зведе, неслава на вики.

Ср. тамъ же стр. 115, 409.

№ 27.

Горе-горе горуваньичко мое,
Потеряла все здоровьечко свое,
Изъ невирнымъ чоловикомъ жывучи,
Тонку билу постеленьку стелючи.
— „Постель моя тонка била похова,
Зъ кимъ я буду ночуваты молода?
Ой пиду я до сусидочки-вогню,
Тамъ я свого мыленького дослижу.
Ой мій мылый у сусидочки сыдыть,
Сусидочку за билу ручку держыть
А на мене неславоньку говорыть“.

— „Чувъ я, мыла, неславоньку на тебе:
Ходять-ходять кавалеры до тебе,
Носять-носять медъ горилку для тебе“...
— „Достережешь, мій мыленькій, цюю ничь,
Зимешъ мени голивоньку зъ билыхъ плечъ“.
— „На що, мыла, голивоньку зиматы,
Можно мылу по лычоньку пизнаты!“

№ 28.

Ой пиду я по надъ лугомъ—
Тамъ милый оре плугомъ
Ой винъ оре, а я плачу,
Слезы свои марно трачу
Ой оре волыкамы,
А я плачу слизонькамы,
Винъ оре чуже поле,
А мени зъ нымъ жыты горе,
Понесу я ему йисты.
Чы не скаже мени систы,
Понесу я ему пыты,
Чы не буде говорыты.
Винъ напився, винъ напився
И на рылю похылився.
— „Чого лежышь, чомъ не орешь,
Чомъ до мене не говорышь?“
— „А я лежу тай думаю:
Не до мысли жинку маю!“
— „Якій тоби дидько выненъ,
Що ты гарный чорнобривый,
А я руда родылася,
Чернявому судылася.
А я руда прыберуся,
На чорнявыхъ не дывлюся.

№ 29.

Стоить явиръ надъ водою, въ воду похылився—
Стоить козакъ у неволи, горько зажурився.
Не хылыся, явороньку, вже-жъ ты зеленькій,
Не журыся, козаченьку, щежъ ты молоденькій.
— „Якъ-же жъ мени не хылытысь—вода корень мые,
О якъ-же жъ мени не журытысь—само серце мліе.
Чортивъ (?) парывъ твою матирь зъ твоею дочкою,
Затопыла, закурыла сырымы дровамы.
Горить-горить, сыры дрова, бо залыю водою,
Не втишайтесь вориженьки зъ своею бидою...

Сравн. тамъ-же 421, 319 и 454.

№ 30.

За горою кремяною теренъ процвитае,
Сыдыть голубъ на дубочку, голубка литае.
— Годи тоби, голубоньку, высоко литаты,
Ходы, сядь коло мене, щось маю казаты,
Ходы, сядь коло мене, щось я тоби скажу,
Чы ты мене вирно любышъ, чы твоя родына".
— „Ой, я тебе вирно люблю, а за ридъ не знаю...
За ричкою, за быстрою тамъ я жыты маю,
За ричкою, за быстрою тамъ я буду жыты,
Найду мылу кращу тебе тай буду любыты"...

Сравн. тамъ-же 254.

№ 31.

За дворомъ, за дворомъ новенькимъ
Тамъ дивчына брала ленъ.
Брала-жъ вона, брала,
Всю долыну стелыла—
Нема мого парня молодого,
Которого любыла.
Полюбыла парня молодого,
Черны кучеры вьются—
Зъ мене люде сміются,
Ой, на того молодого вже кайданы куются.
Щей кайданы ой да не скувалы,
Взялы парня звязалы,
Тай повелы парня молодого,
Все бытымы шляхамы.
За нымъ, за нымъ его товарыщи воронымы конямы.
Стоитъ дивка у новыхъ воротяхъ, умывается слезамы,
Сыдитъ козакъ на воронимъ кони, розважае словамы:
— Не плачь, дивка, не плачь, красна, не буть мени зъ тобою,
Не буть мени твоимъ мужемъ, а ты моей жоною.

№ 32.

Чого козакъ зажурывся—
Що молодымъ оженывся?
Не до мысли жинку взявъ,
А я зъ нею жыть не ставъ.
Пиду съ горя служыты,
Абы зъ нею жыты,
Пиду зъ горя водкы пыть
Абы зъ нею викъ не жыть!
Его мыла почула

Тай на лавци заснула.
Прыйшовъ мылый у ранци,
Заставъ мылу на лавци,—
Накрывъ руки полотномъ,
За шапочку тай пишовъ.
Пишовъ же винъ на лужокъ,
Сидыть дивушокъ кружокъ.
Увси писеньку поють,
Тылько одна не пое,
На серденько туга е:
То жиночына сестра.
Заплакала тай пишла,
Ажъ до ридного отця.
— „Ой ты, отець, батьку нашъ,
На юльци е зять нашъ“.
— „Нехай, доню, гуляе
Господь его скарае,
Ще й за мою дытыну,
Що винъ ii покынувъ“...

№ 33.

Выйду я за ворота—калюжа—болото...
Выйду я за други—травка зеленіе.
На козака неславонька: робыты не вміе,
Якъ робыты—не прибыты, жаты не нагнется...
Прыде ничка осиняя—до дивчыны шлется.
— „Ой хочь шлыся, не шлыся, хочь на рикъ наймыся,
Якъ не маешь пары воливъ, той не оженышся,
Пару воливъ, пару коней, четыре коровы,
Не смыкайся до чорныхъ бривъ до шытыхъ рукавивъ“...
— „Чомъ ты мени, молодому, раньше не казала,
Якъ одъ мене молодого гостынчыкы брала?“
— „Дуракъ дававъ (2), я розумна брала,
Теперъ зима, кыслыць нема, щобъ оддавала.
Пожды, дуракъ, до осени, якъ вродять кыслыци,—
Куплю мирку за копійку оддамъ за гостынця.
Куплю мирку за два грошы—
Любылысь хороши.

№ 34.

На яръ-море ой да схылылася,
Зачимъ дивка ой да зажурылася:
Що одъ роду одбылася,
Що одъ роду ой да одъ родыны?
Да горе жыты ой да на чужыни,

На чужыни ой да горе жыты,
Та ни до кого ой да говорыты.
Ходыть козакъ ой да коло двора
Та зводыть дивку ой да изъ розуму.
— „Не я ій ой да зъ ума звожу,
Та звела ій темна ночка,
Солодкій медъ ой да горилочка“...
— „Ой, теперь я не дивчына—
Молодая покыточка,
Да нема стричокъ ой да ни виночка,
На головци ой да хустыночка,
А на рученькахъ ой да дытыночка,
А за плечыма ой да колысочка.

№ 35

По улыци метелыця мела,
Выйшла Маша за новыи ворота..
Чого у Маши тай замараны глаза,
Чого у Маши тай распущена коса?
Была Машу ридна маты—не чужа,
Щобы Маша на юлыцю не пишла
Ой щобъ Маша и Ваныпы не найшла.
— „Якъ ходыла на юлыцю, такъ пійду,
Якъ любыла Ивашшу, такъ люблю“.
Якъ я думала, що любощи мылый духъ,—
Не сходытся ни спидныця, ни фартухъ
Я думала, що любощи прыйдуть такъ,
А теперъ знають люде—пипъ и дякъ.
Я думала, що любощи мынуть
А теперъ зъ насъ люды сміются.

№ 36.

Ой тамъ сыротына по полю блукае,
Пшеныченьку поле та кукиль выбырае,
Та назадъ себе (или—все на межу) бросае.
Ой тамъ козаченько коня напуває
Дивку полюбляе:
— „Покынь, дивчинонько, кукиль выбираты,
Стелы билу постель, та полягаемъ спаты“.
— „Ой боюсь я, козаче, щобъ неславы достаты,
Боюсь я тебе, щобъ не зрадывъ ты мене“.
— „Ой не бійся, дивчыно, ой не бійся ты того,
Козакъ молоденькій не зрадывъ никого“.
Дивчына послухала, тай ляга теч заснула,
Козакъ ій зрадывъ, що дивчына и не чула.

Снвъ тай поихавъ на чужу граныцю.
— „Ой, коню мій коню, та зрадывъ я дивыцю,
Мене оштрафують, тебе оцинують,
Молодій дивчыни за ничку подарують

№ 37.

Пивночный витеръ віе—на юлыцю не йду,
Не смію вамъ сознатся, кого вирно люблю.
Були у мене папаша-мамашенька ридной,
Купывъ мени папаша гостынчыкъ дорогой:
Колечко золотое, букетыкъ рожовій!
Колечко распалилося, букетыкъ изовьявъ,
Чого-жъ ты, мой другъ мылый, такій невирный ставъ.
Ишовъ скризь мой дворочокъ тай здрастуй не сказавъ,
По прежней любови мени ручкы не подавъ?

№ 38.

По пидъ садомъ-садомъ трава полигла.
Я по отій травци не нахожуся,
Кого вирно люблю—не надывлюся.
Ой бачу я, выджу мылую свою,
Ходыть гуляе въ зеленомъ саду.
Щыпае-зрывае повную рожу,
Кидае-бросае мылому на ложу.
Щыпае-зрывае въ сей садъ выноградъ,
Кыдае-бросае мылому на кровать.
— „Ирыду, мылый, ничку ночувать,
Я тебе вчущу не знатыме мать".
Якъ впускала, той маты не знала,
А якъ выпускала, плакала рыдала,
Плакала, рыдала, биле личко циловала.

№ 39.

Ой спывся козакъ, спывся—той зъ дориженьки збывся.
Козакъ молоденькій тяжко зажурывся.
— „Тай, коню мій, коню вороненькій,
Порадь мене, коню, ой бо я молоденькій!"
— „Ой, пане жъ мій пане, да пане молоденькій,
На щожъ тебе радыть, якъ ты самъ добре знаешь.
Клады жъ ты сиделечко та сидай на мене,
Та поидемъ въ чысте поле.
У чыстимъ поли при тыхимъ роздоли
Ой тамъ дивчынонька та пшеныченьку поле,
Ой поле жъ коня, поле, та кукиль выбирае
Кукиль выбирае та на межу бросае.

— „Ты покинь, дивка, тай пшеныцю полоты,
Стелы билу постель та лягай зо мной спаты".
Ой лягла дивка тай заснула,
Козакъ извивъ дивку, вона й не почула.
— „Ой вставай, дивчына, та вставай раненько
Да умывайся биленько,
Щобъ маты не узнала,
Що ты зъ лыченька спала".

№ 40.

Марусенько серденько, позволь ночку ночувать?"
— „Панъ прыде—буде знать!"
Марусенько заснула, панъ пріихавъ, вона й не чула.
— „Марусенько серденько, що то за зброя на столи?"
— „Кажу тоби, мій пане, чорноморци гуляли (2)
Зъ коня зброю скидали"...
— „Марусенько серденько, що за зброя на столи?"
— „Кажу тоби, мій пане,—черноморци гуляли
Зъ коня зброю програли".
— „Марусенько серденько, що за старецъ у лижку?"
— „Кажу тоби, мій пане, слипый-крывый, щей безногій".
— „Марусенько серденько, треба его наградыть,
Срибломъ-злотомъ подарыть
На дорожку спровадыть"...

Срав. тамъ же, стр. 670.

№ 41.

Ой зъ горы буйный витеръ віе—
Тамъ мій милый пшеныченьку сіе.
Ой разсіявъ пшеныченьку ризно,
Ой прыйихавъ до домоньку пизно,
Ой раскыдавъ билу постельку ризно.
— „Ой чого жъ ты, милый, разизлывся,
Чы я жъ выння, що ты опизнывся?
Чы на свого коня вороного?
Чы на свого послужка вирного?
Чы на свою дритяну ногайку?
Чы на свою неньку стареньку?
Чы на мене, милу молоденьку?"
— „Ни на свого коня вороного,
Ни на свого послужка вирного,
Ни на свою дротяну ногайку,
Ни на свою тай неньку стареньку,
Ой на тебе, мыла, молоденьку.
Ой ты маты, порядныця въ хати,

Порадь мене, якъ мылу караты?“
— „Биз і, сыну, на ярмарокъ пишкы,
Купы, сыну, ременныи вижкы,
Звяжешь мылый ручкы и нижкы.
Купы, сыну, дритяну ногайку,
Тай убый мылу, якъ черную галку“.
Изъ вечора ногайка шумила,
А до свиту мылая околила.
— „Ой ты, маты порадныця въ хати,
Порадыла, якъ мылу караты,
Теперь порадь, якъ мылую сховаты?“
— „Зирвы, сыну, зъ коморы стелыну,
Та зробы мылый домовыну,
Визьмы, сыну, дубовую дошку,
Та сховаешь чужую дочку.
Визьмы, сыну, рябую кобылу,
Та вывезешъ на яръ на могылу“...
За мылой батько-маты плаче,
А за мылымъ чорный воронъ кряче;
За мылой уси дзвоны ревуть,
А мылого у кайданы беруть,
За мылой браты та сестрыци,
А за мылымъ вовки та лысыци...

№ 42. А.

1 Затопыла въ новій хати сырымы дровамы,
2 Горе жыты на чужыни помижъ ворогамы...
3 Горыть, сыры дрова, бо залью водою,
4 Не втишайтесь вориженьки моею бидою.
5 Горилы сыры дрова, тай попелилы,
6 Говорылы вориженьки, тай понимилы.
7 Пишовъ мылый до дивчыны: Добрый вечеръ, серце!“
8 Вона стала й одказала: „заримъ жинку перше!“
9 Пріймовъ мылый до домоньку ставъ ножа гострыты,
10 — „Уже тоби, моя мыла, на свити не жыты!“
11 — „Зажды, мылый, хочь годыну,
12 Покыль нагодую малую дытыну!“
13 — „Тоди будешь, моя мыла, дытя, годуваты,
14 Якъ я пиду до Дунаю ножа полоскаты!
15 Пишовъ мылый до Дунаю ножа полоскаты.
16 А сусиды, добры люде, дали неньцы знаты.
17 — „Кидай, ненько старенько, биле платя праты,
18 Та йды дочку-едыныцю на смерть наряжаты“.
19 Тилько маты старенькая хату прочыныла:
20 — „Дочка жъ моя едыныця, щось ты провынила,

21 Що ты свою голивоньку на нижъ изсадыла?“
22 — „Не знаю, моя маты, якъ ты порадыла,
Такъ не знаю моя маты, що я провынила

Б.

1 Затопыла-закурыла сырыми дровами
2 Б=2 А.
3 Якъ я жыва буду, все це перебуду
4 Проклятымъ вориженькамъ корыться не буду
5 Б=7 А. Пишовъ
8 ... мылу першу!
9 Прыходыть до домоньку...
10 Его мыла догадалась тай стала просыты:
11 Зажды мылый голубъ сывый, покиль же я нагодую...
12 ... голубка сыва...
13 Б=13 А, 14 Б.=14 А.
15 Сусидочкы... матери...
16 ... кыдай, ридна маты,...
17 Пойды
18 Бижыть маты тай голосыть
19 — „Дою жъ моя мыла... злого...
20 Що кривлею червоною всю свитлоньку злыла“.
21 Якъ... на свитъ...
22 Б.=22 А.
23 — „Зятю-зятю, скурвый сыну! Дочку поховаты,
24 Тебе, зятю скурвый сыну, въ кайданы закуваты!“

№ 43.

Не сіяла не орала—само жыто родыть,
Якуба не чаровала—самъ до себе ходыть.
Прійшовъ Якубъ пидъ виконечко, ниженькою тупъ-тупъ!
„Выйды-выйды, серце удивонько, бо я вже тутъ-тутъ.
— „Не выйду, серце Якубе, не прочиню хаты,
Бый свою перше жинку, тоди буду одчыняты“.
— „Навчы-навчы, серце-удивонько, якъ жинку вбываты?“
— „Пиды, серцю-Якубцю, до корчемны горилкы напыйся,
Прыйды до дому коло жинки заходыся,
Пидкоты ій пидъ прыпечокъ, той скажуть, щой учадила“...
Вытягны ій въ сины, то скажуть, що й зомлила...
— „Не жаль мени, серце Якубцю, що я вродыла,
Жаль мени, що дивчына нещаслыва,
Не жаль мени, що я молоденька,
Жаль мени, серце Якубцю, що дытына маленька“.

№ 44.

Вси люде жыта сіють
И у всихъ людей зеленіе

Тылько одна нива чорна,
Що сіяла бидна вдова,
Ой сіяла, волочыла,
Слизонькамы прымочыла.
— „Ой, брате-соколоньку,
Прымы мене на зимоньку!“
— „Ой, сестрыце перепилко,
Скажы мени—дитей скилько?“
— „Ой братику-соколоньку,
Въ мене дитей тылько двойко,
Якъ ты сядешь обидаты,
То я пиду зъ дитьмы зъ хаты“.
Ой сивъ дядько обидае,
Слеза-слезу побываe,
Думка-думку заношае.
Дядько плаче—бо родына,
А дядына якъ гадына.
Заки дядько пообидавъ,
Диты батька одвидалы...
— „Вставай, тато, вставай зъ гробу,
Горе намъ жыть коло роду.
Вставай, тату, вставай зъ ямы,
Горе жыть нашой мами“.
— „Клычъ, сестро, диты въ хату, посады ихъ у куточку,
Дай имъ йисты въ черепочку!“

№ 45.

Ой зъ пидъ горы зъ пидъ кругои билый снижокъ пролитавъ,—
Тамъ мій мылый зъ коня впавъ:
Упавъ же винъ тай лежыть,
Заки мыла прыбижыть.
Бижыть мыла тай плаче:
— „Вставай, серце козаче,
Вставай, серце, не лежы,
Сидлай коня, тай бижы (2)
Ажъ до нового двора.
У новому двори случылася новына:
Мала вдова два сына: Иванюшу й Васыля,
Та въ кытайку сповыла и въ корабель вложыла,
Тай на Дунай пустыла,
Ой, ты, тыхенькій Дунай!
Моихъ дитокъ не займай
Поколышы и погойдай.
Ой ты, жовтый писочокъ,
Гляды моихъ диточокъ!

Ты, сухій очеретъ,
Вары дитямъ вечерять!
Ты, зелена осока,
Давай дитямъ молока..
Въ 21 году пишла вдова по воду;
Стала вдова воду браты
Ставъ корабель прыплыватъ.
Ой у тому корабли
Тамъ сыдило два парни,
Сыдять воны при часахъ
Чешуть воны волоса.
— „Дывысь, братци, наша маты,
Треба ій роспытать!“
Еденъ сыдыть, читае,
Другій сыдыть пытае:
— „Ой ты вдовл молода,
Чы пойдешь ты за мена?“
— За едного сама йду,
За другого дочь даю“.
— „Ой ты вдова молода
Глупа твоя голова,
Ты за сына сама йдешь
За другого дочь даешь!“

№ 46.

Сестра брату хустку вышывае,
Та слизоньки пролывае.
— „Ой чого жь ты, сестро, плачешь,
Чы ты зъ мене платы хочешь?“
— „Я зъ тебе платы не хочу,
Тылько хочу одвидаты,
Хочь не тебе, то дитокъ твоихъ
Бо не маю зъ роду своихъ“.
— „Прыидь-прыидь, сестро, въ гости!“
Сестра брата послухала,
Тай пойихала въ гости.
Пріизджае до брата..
Братъ квартырку прочыняе,
До жинкы промовляе:
— „Ховай хлибъ и силь зъ стола:
Пріихала сестра въ гости“.
Скоро цее сестра учула
Назадъ кони завернула.
— „Ой стой, братику, не лякайся
Хлибомъ силью не ховайся;

Я до тебе не пріихала йисты и пыты.
Тылько пріихала одвидаты,
Хочь не тебе,—дитокъ твоихъ,
Бо не мае зъ роду своихъ.
Една насъ маты родыла,
Да не еднымъ насъ щастемъ дилыла:
Тоби, браци, панування,
А мени—горування.
Тоби, браци, йисты—пыты,
А мени слезы лыты.
Хоть я, браци, на помости,
Есть у мене хлибъ у кози,
Хочь я, браци, у гостыны,
Есть у мене хлибъ въ хустыни".

№ 47.

Ходывъ чумакъ тай ходывъ бурлакъ
Симъ годъ по Крыму
Тай не случылось ему прычыноньки
Одъ роду его.
Случылась ему прычынонька
Изъ Крыму йдучы:
Сиры волы край дороги пасучы,—
Уси волы, ой—да похромилы,
Чумакъ боленъ ставъ,
Болять ручкы, ой—да болять нижкы, болыть голова.
— „Боже-Боже мій единый, все чужа сторона,
Остается жынка молода, дитокъ дробына".

№ 48.

Славный городъ е въ Россеи
Тамъ яснюшкы пьють гуляють,
Тамъ рыболовци збираются
Збираются рыболовци, славны молодци.
— „Будемъ Богу молыться,
Щобъ намъ пара все пидняласъ.
Зъ Мыхаиломъ разчыталысь.
Прощай-прощай Мыхаилъ,
Щей ты ричушка все быстрая,
„Ще дивка молодая
И травка зеленая!"...

№ 49.

Ой ишлы-жъ бо мы йшлы
Дунай рѣчушку прошлы.
— „Здрастуй, рѣчушка широка,

Мы прышлы къ тебѣ зъ востока!
Здрастуй рѣчушки конець
И ридна матушка отець,
Щей ты вирная жона!
Какъ ты дома прожыла?"
— „Ой жыла я зъ козакамы,
Нажыла деньги зъ быкамы;
Жыла я зъ москалямы,
Пропыла деньги зъ быкамы"..

№ 50.

Ой ходывъ донець симъ годъ по Дону,
А на восьмый годъ самъ до дому йшовъ.
Обняла ночка ой—да возли лисочка,
Прывязавъ коня возли явора,
А самъ лигъ спать возли коріня.
Прылетае къ ему зміа лютая.
— „Ой чы спышь, донець, чы такъ лежышь?
Твоя маты ридна померла,
Жена молода замужъ пишла,
Сыны-соколы поразгонила,
Кони вороны пораспродала"...

№ 51.

Ой у поли корчомочка,
Коло корчомочкы тополечка;
Ой тамъ козакъ напывався...
Конь зъ орломъ такъ закладався:
Одъ корчомкы до могылы
Симъ сотъ верстовъ щей чотыре;
Конь каже, що я швыдче!
Орелъ каже, що я швыдче!"
Ой кинь бижыть, ажъ земля дрижыть.
А орелъ летыть, ажъ гай шумыть.
Ой, кинь бижыть ниженькамы,
А орелъ летыть крылечкамы.
Прыбигъ кинь та до могылы,
Ой ждавъ орла тры годыны.
На четверту тай поступае,
А орелъ зъ гаю вылитае.
— „Дежъ ты орле тай забарывся,
Що до могылы опизнывся?"
— „Ой я въ гаю дитей маю,
Думавъ ихъ одвидаю...
Налетилы галенята
Та пощыпалы дитынята:
Одно...

№ 52.

Ой ты Катерына, купецькая дочь,
Десь ты прогуляла свою темну ночь?
Прыходыть до дому свитомъ о пивночь,
Ложылась спаты на свою кровать.
Прыходыть до неи ій рыдна мать.
— „Вставай, Катерыно, годи тоби спать:
Пошлы пароходы—ихъ вже й не выдать:
На сынему мори сталы спочываты
Тебе, Катюша, сталы й ожыдаты!“
Шла Катерына крутымъ бережкомъ,
Выйняла зъ кармана шовковый платокъ,
Кивала-моргала тай на пароходъ...
— „Гдѣ жъ ты, Катерына забарылась,
На пароходъ опизнылась?“
— „Изъ отцемъ изъ маткою раскланылась (?),
Тай на пароходъ опизнылась!“
— „Тебе, Катерына, ни родная мать
Ой шо не хотила соби зятя мать!“...

№ 53.

— „Не бойсь, козакъ Нечай, зеленого гаю!“
— „А я хочу зъ кумасею медъ-выно кружаю!“
— „Не бойсь, козакъ Нечай, дубовои хаты,
Ой идуть ляшкы 40,000 хотять тебе взяты!..
— „О тожъ мени, пане брате, все то не до мысли,
Я хочу зъ кумасею щуку рыбу зъисты!“
Выйихавъ козакъ Нечай зъ-за крутой горы,
Оглянется позадъ себе: горы жъ мои, горы!
Оглянется жъ козакъ Нечай на правую руку:
Не выскочыть кинь козацькій изъ лядского трупу.
Оглянется козакъ Нечай на ливое плечо,
За нымъ за нымъ кривъ червона такъ якъ Дунай тече!
Ой якъ выйнявъ грапъ Потоцкій гостру шабелыну,
Покотылась Нечаева голивка у долыну...
За часъ, за два, за годыну сталы судъ збираты,
Ой дежъ цюю Нечаеву голивку сховаты?
— „Поховаемъ, пане брате, де хата новая!
Пущай пойдеть по всему свиту Нечаева слава“...

№ 54.

За Сибиромъ сонце сходыть... Хлопци, не зивайте,
И на мене, Кармелюка, всю надію майте!
Кармелюка—добрый хлопець: винъ по свити ходыть,
Не едную дивчыноньку зъ розума зводыть.

Винъ богатыхъ обижае, вбогыхъ надиляе,
Винъ соби хорошеньку дивчыноньку мае.
Ны едную дивчыноньку, ны едную вдову
Чернявую билолыцю та щей черноброву.

Сравн. тамъ же, стр. 412.

№ 55.

Ой пиду я до млына до дырявого,
Клыкаты вечеряты кучерявого.
Пиду я до млына до новенького.
Клыкаты вечеряты молоденького.
Ой пиду я до млына клыкаты Омелька,
Щобъ мени що порадывъ, щобъ була тоненька,
— „Я тоби не батько, ты мени не маты,
Якъ ты хтила тонка буть—було не даваты".
Ой не стій пидъ викномъ, не ворочайся,
Скыдай шапку, иды въ хату не соромляйся.
Маты въ хати ночуе, усю правдоньку чуе;
Прыды-прыды, прехорошій, скынь чоботы—прыды босый,
Щобъ пидковкы не бразчалы, щобъ собакы не гарчалы.
Ой лынь та карась: чого свыта надулась?
Нехай мене гарный любыть, а поганому—зась!

№ 56.

Зъ запада на востокъ
Стоявъ монастырь высокъ.
Ой въ тимъ монастыри,
Тры монахи жылы,
Тры жыло, два было, тры спасалося,
Но тры разы каждый день напывалыся.
На утреню рано дзвонять—монахъ у трахтырь идеть,
Свою рясу заставляеть, въ халати домой идеть
Шынкарочка умна була
Его рясы не прыняла—черця вонъ выгнала.
— „Ой ты, чернець молодый, пора въ келію иты
Все спасатыся!"
— „Ой ты, келія моя, высока камяна,
Не пойду у тебя вже спасатыся
Тай пійду я разгулять
Красныхъ дѣвушекъ выдать".
Ой тамъ дивкы квитку рвалы,
Черця въ вичы не видалы
Дорвалыся до кинця
Увыдалы черниця.
Сыдыть чернець на пеньку
У высокому ковпаку.

Поставалы дивкы въ рядъ
Сталы писни граты,
Начавъ чернець танцюваты.
По за ножку за ножку все закладываеть,
Про свое жыте монашьскее росказываеть.
Горе жыты, горе жыты молодому чернецю,
Молодому, удалому хорошему молодцю:
Не ведить въ трактыръ ходыть
Зеленого вына, красныхъ дѣвушекъ любыть!

№ 57.

Ой цей бочокъ хоче меду, а цей горилочкы.
Оце-це-це! кого Богъ принесе?
Ты жъ мени не кума,
Що задрипана пелена,
Тожъ мени кумася,
Що пидтыкалася.
И пидтыкалася и пидсмыкалася
Щей пидперезалась—мени сподобалась!

№ 58.

Ой дидуню, дидуню, а я твоя бабка,
Не бый мене, не лай мене, то я буду гладка.
Черезъ греблю шла, хвартухъ мохный найшла.
Сюда мохный й туда мохный,
Ой дай мохны—хоть издохны.
Черезъ греблю ишла—самоваръ найшла,
Сватай мене, пономаръ, бо я найшла самоваръ...
Ой ты йихавъ, а я жала, ты свыснувъ, а я встала,—
Забулася попытаты, чого йихавъ коло хаты?
Ой йихавъ коло млына, стоить дивка якъ калына;
Я на неи задывывся—мени визъ поломывся.
Колибъ дивчына гожа, то й не жаль мени воза,
А то руда та погана, тай та воза поломала.
Прыды-прыды пидъ комору, самъ не знаю пидъ котору.
Ты, козаче, грай мени, ты дивчыно, дай мени,
Дай мени трошечкы до голои дощечкы.
Чы я тоби не казала, чы не говорыла,
Ой не лягай коло боку, бо зробышъ Гаврыла.
А ты мене не послухавъ, коло боку вклався,
Теперъ мене пытаешься, де Гаврыло взявся?...

№ 59.

Пидняласъ высоко та забралась глыбоко...
Стоить кумъ и кума усмихается зъ меня.
Ой чія то хата зъ краю не топляется сама?

Одынъ борщъ у печи сказывсь кипiючы.
Якъ курочка по синечкамъ кудкудакуючи
— „Кукурику-кудкудакъ! шла замижъ да не такъ.
Ишла разъ—не гаразд, не подманешъ въ другiй разъ.
Чоловичы кулаки удалыся у знаки:
Кулакамы по бокамъ, а долонямы по щокамъ.

№ 60.

Заросла дорожка травкою-муравкою
По етой дорожкѣ я буду ходыть,
Молодую вдову я буду любыть.
Въ етой вдовы четверо дитей.
Мала жъ я тры дочкы, четвертый сынокъ,
Вспоила-вскормила въ школу й отдала,
Выучывся въ школи—царю й отдала.
Найстаршая сестра коня вывела,
Середнiйша сестра сидло вынесла,
Найменьша сестра братомъ назвала.
— „Ой брате, ты нашъ брате, брате дорогой,
Когда жъ ты нашъ братыкъ прiѣдешь у гости домой?“
— „Якъ на сынимъ мори камушекъ сплыветь,
То тогда вашъ братыкъ прiѣдеть домой!“

№ 61.

Ты, калынушка, ты, малынушка,
Чомъ ты рано не цвила?
Ой въ той часъ въ тую годыну
Маты сына зродыла;
Зродыла маты сынушка,
У солдаты нарикла;
Взяла его за рученьку
До прiема повела.
— „Вы, прiемщыкы, вы, голубчыкы,
Прымить сына сокола,
Острыжить ему чорны кудрушкы
Зъ потылыци до лоба“.
Пытается маты сына:
— „Когда въ гостычкы прыдешь?“
— „Тогда тогда, моя маты ридна,
Твiй синъ въ гостычки прыдеть
Якъ на морю-морю сынему,
Со дна камушекъ сплыветь.
Сплыветь, сплыветь со дна камушекъ,
Къ бережку прыплыветь“;
Ой на етому крутому бережку

Кустъ ракитовый зростеть,
Ой на етой кущъ ракитовый,
Соловейко гниздо совьеть,
Диточокъ приведеть—
Тогда, моя маты родна,
Твій сынъ въ гостычки прыдеть!"

№ 62.

Сюды горы, туды горы, нигде воды напыться,
Задумавъ я женыться;
Задумавъ я жинку браты—
Записалы у салдаты.
Назадъ ручки извязалы,
На соцького нагукалы.
— „Давай, соцькій, трое коней да все воровыи,
Да вси трое вороныи пидъ рекруты молодыи!"
Пріихалы до пріему,—очынылись викна-дверы.
Ажъ выходять охвицеры,
По переду губернаторъ.
— „Здрастуй, парень, чы жонатый?
Чы е въ тебе отець-маты,
Чы е кому жалуваты?"
— Нема отця—тылько маты,
Одна сестра—насъ трохъ бративъ"...
— „Ступай, парень у салдаты!
Сидай, парень, на столочку,
Остыжемъ тоби голывочку,
Найдемъ тоби кватырочку,
Молодую хозяечку,
Щобъ раненько уставала
Рекрутыка пробуждала,
На учевье выряжала"...

№ 63.

Ой земушка, земушка, ты—морозена,
Не заморозь ты земушка жовтого писка,
Гей-бо я свого мылого выпроводыла
Изъ цего города, ажъ до Кіева,
А зъ Кіева города, ажъ у Оршаву,
А зъ Оршавы города ажъ у Полтаву.
А у Полтави городи становылися,
Вороныи коныки потомылыся,
Молодыи солдатыки потомылыся,
Мидны сиделечка попылылыся,
Золоты стременочкы поломылыся
Дротяны нагаечкы все побылыся...

№ 64. А.

1 Но пидъ тереномъ дориженька шла,
2 Дориженька тереномъ обытая
3 Слизонькамы обытая.
4 Ой хто йшовъ, хто нейшовъ,
5 Тай не перейшовъ
6 Та прыйшовъ новобраньскій наборъ,
7 Но передъ охвыцеръ молодый;
8 На коньку похыляется,
9 Назадъ себе оглядается.
10 Чы хороше справляется?
11 У пысёмкахъ прыглядается.
12 А въ тому пысьму написано есть,
13 Написано намалевано,
14 Насъ трохъ братьевъ наименовано,
15 Которому у салдаты иты:
16 Чы старшому, чы пидстаршому,
17 Чы тому братови найменьшому?
18 У старшого брата та дитей дробына,
19 У середнійшого та жона молода,
20 А найменьшого та женыты пора.
21 Старшій братъ откупается,
22 А середнійшій одмовляется,
23 Найменьшый выбирается
24 Зо всимъ родомъ раскланяется.
25 Прощай-прощай ты отець-маты моя
26 Десь я въ тебе не дытына була,
27 Що ты мене у салдаты отдала!“
28 — „Ой ты, сыну, ты, дытына моя,
29 Скажы мини: де дружына твоя?“

№ 64. Б.

1 Ой да по пидъ лисомъ шла дориженька шла,
2 Дориженька прыбытенькая
3 Б=3 А... 4... тай не перейшовъ
5 Б=6 А. Тылько пройшовъ
10 У бумагу подывляется
11 Що въ бумазѣ написано
12 Б=13 А. 13 Б=14 А... три... 14 Б=15 А. Которому тай у війско выступать,
15 Которому на хозяйство стараль:
16 Б=16 А. 17... брату ни
18 Б=21 А. 19 Б=22 А. 20 Б=23 А
21 У всиму..
22 Ой у саду ой тамъ рыпна цвила,

Мене маты тай не жаловала,
Найменьшого тай въ салдаты отдала.
— Ой сыну, ты дытына моя,
Скажы, де дружына твоя?"
— „Ой у поли та былыночка,
Ой тамъ моя тай дружыночка,
У поли тамъ скирда сина,
Тамъ моя постель била!"

№ 65.

Ой ни на кого жалкуваты,
Якъ на тебе стара маты,
Що ты мене тай не оженыла,
Тай въ салдаты наряднла.
— „Ой я думала, мій сыночку,
Що ты будешь панувати"...
Пышуть листъ по бумази:
Ступай, парень, у салдаты!
Лита мои, лита молодыи,
Та все марно проходять...

№ 66.

Вѣтеръ вѣеть повѣзать,
Садъ зелененькій шумыть,
Сама я дѣвыца не знаю,
Кого мени вирно любыть?
Люблю я дружка сердечно,
Котораго здѣся нѣтъ...
Что й въ городи у Одесси,
На улицѣ по Рыбной,
Тамъ стояло тры башни,
Посередки большой домъ.
Ой то не домъ не больныця,
Настоящая тюрьма,
Тамъ сыдивъ той молодчыкъ,
Котораго я люблю,
Уси дверы прызаперты,
На зализныя замки.

№ 67.

Ой у Польши разгромъ,
Ой въ Россею жить пойдемъ,
Рекрутошекъ наберемъ,
Наберемъ мы рекрутовъ,
Одъ матушекъ одъ отцовъ,
Всихъ удалыхъ молодцовъ;

Одъ матушекъ одъ родныхъ,
Одъ жонушекъ молодыхъ.
Якъ жонатого ведуть,
За нымъ матушкы идуть,
Горячіи слезы льють.
Якъ молодчыка ведуть,
За нымъ дивушкы идуть,
Зъ горя писеньку поють:
— „Ой зъ-за хмары зъ-за тучной
Тамъ произжавъ билый царь
Олександеръ—государь, (2)
Ребятушекъ спрашивавъ:
Вы ребята, вы, мои,
Чы булы на войни,
Чы стоялы на крыли
На Турецькои земли?
Ой булы мы на войни,
Мы стоялы на крыли,
На комышевой трави;
Зъ насъ Турецькая земля
Много горя прыняла,
Кровь червону пролыла,
Ажъ до билого царя.
Здрастуй, здрастуй, билый царь,
Олександеръ государь!“

№ 68.

Ой, якъ въ городи (2) солучылася бида,
Гей тамъ убыто (2) молодого гусара.
Померъ гусаръ тай на лавушки лежыть
Схоронылы, ой—да схоронылы при шырокои долыни.
Гей высыпалы высоку могылу,
Гей посадылы ой—да червоную калыну.
Налынулы ой—да налынулы соколушкы зъ стороны,
Сили та впалы у вдовушки во двори,
Крылечкамы шырокій дворъ заняли,
Голосамы вдовушку збудылы:
— „Выйды, вдова, за новые ворота,
Стань, послухай ой що люде говорять?
Люде кажуть, що вдовушка молода
Полюбыла да молодого гусара!“

№ 69.

Ой пойихалы рыболовушкы
Рыбушкы ловыть, что рыбушкы ловыть.
Та не зловылы щукы рыбы,

Зловыла лына, гей, зловыла лына!
Роздывылися, розсмотрилися, ажъ то дытына,
Гей ажъ то дытына,
Которое разрассеюшка дыти зродыла,
Та не пустыла на билый свитъ,
У ричку пустыла, гей, у ричку бросыла!
Узялы тее размале дыти на билы руки,
Та понеслы тее размале дыти у казенный двиръ,
А положылы размале дыти на тесовый стилъ,
Ударылы по робенушку въ большой колоколъ,
Гей у большой колоколъ.
Что й у недилю пораненьку вси дзвоны рзвуть,
Ой уже та тую разрассеюшку пидъ наказъ ведуть.
А за эту разрассеюшку ридна мать идеть—
Плаче рыдае.
— „Ой—не плачь, маты, не рыдай, стара,
Есть у дома пять...
Не пускай ихъ на досвитки,
Пущай дома сплять:
Ой на досвиткахъ чужа маты
Кладе зъ хлопцямы спаты.

№ 70.

Що ты мыла пріуныла, не слыхать твоихъ ричей?
Какъ ты все смотрѣла, якъ у саду соловей?
Какъ ты мыла говорыла, якъ у клитци канарей?
Глаза твои половыи, все не смотрять на мене,
Уста твои сахарныи не говорять до мене.
Я думала що день—воскреснить день судьба намъ прыйдеть,
Горько плачу, слезы льются на черемховый чубукъ.
Трубка моя пиньковая, все звалылася на бокъ,
Я думала, що день воскреснеть судьба наша пройдеть.
Самъ ложусь я на скамсйки, я зъ мылою не прощавсь.
Гору гляну, тылько стало два жандары по бокахъ.

№ 71.

Щаслыва та деревня,
Въ которой я самъ рожденъ,
Щаслыва та дивченка,
Котора любовъ не знала.
Любовъ наша дорогая
Жизнь разлука тяжела,
Розлучыла насъ неволя,
Чужа дальня сторона,
Соловейки-канарейки
Не литайте высоко,

Не высоко, не далеко
Ажъ до батюшкы мого.
Сама граю на гытару
Свое горе веселю,
Ныхто горесты не знаеть,
Какъ я зъ мылымъ разстаюсь.
Пойду изъ саду винограду
Зъ скуки кофею напьюсь,
Запалю зъ горя цыгару
Пойду трошечкы пройдусь.

№ 72.

Ой у Питерѣ все широкому
Ой жылъ былъ князь Волковскій съ своимы дочамы.
Жылъ былъ Иванюша ключныкомъ.
Ой жыла была княгыня
Вани полюбовныця.
Черезъ послѣднюю дивчонку
Самъ князь отправляется.
Ой якъ крыкнувъ князь Волковскій
Своимъ крѣпкымъ голосомъ:
— „Ой вы слугы, мои слугы,
Приведите Ванюшу!“
Идеть Ваня по зеленой травушки
На ему тонкая рубаха все оборвана,
На ему курчава голова
Побыта, поломана,
Его козловы сапожкы кривью поналываны.
Ой якъ крыкнувъ князь Волковскій на слугы:
— „Ой вы слугы мои слугы, слугы мои вирныи,
Ой берыте, мои слугы, лопаты жалѣзныи,
Ой копайте, мои слугы, два дола глыбокыи,
Ой кладите, мои слугы, два переклады дубовыи,
Становите, мои слугы, два стовпа точоныи,
Ой чыплайте, мои слугы, дви петли шелковыи!“
Ой якъ скрыкнувъ Иванюша
Своимъ громкымъ голосомъ.
— „Ой позвольте, князь Волковскій,
Послидній разъ пѣсню спѣть:
Что то въ саду похожено
Шелковую травыченьку сбыто потолочено,
Сладкыхъ яблокъ и грушокъ срывано поѣжено,
На тесовой кроваты поспано полежано,
Молодую все княгыню за груды подержано“...
Ой якъ крыкнувъ князь Волковскій:
— „Скорѣй Ваню вѣшайте!“

Молодець Ваня у петлях качается,
А молодая княгинюшка у спальни кончается.
— „Когда бы зналъ бы, зналъ бы, тай не вѣшалъ бы,
Пущай жылы бъ ребята,
Хочъ не вѣнчаны!“...

№ 73.

Куды я пиду—въ горы попаду...
Ни въ комъ правды нѣтъ.
Брошу я весь міръ
Пойду въ монастырь,
Тамъ я буду жыть, монахамъ служыть
Монахамъ служыть, Господа просыть.
Ой ты, Господы, подай голосочокъ
Черезъ темный лисочокъ;
У темномъ лису тамъ стоить тюрма темная,
А въ тій тюрьмы мальчышка сыдыть.
Сыдивъ же винъ не годъ и не два,
Не годъ и не два—двадцять девять литъ,
На трыцятомъ ставъ пысьмо пысать (2)
До отця до матеры.
Отець-матынька отказалысь,
Що въ такомъ роду
Нѣтъ вора зроду
Ны разбойнычка.

СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА[1].

ГЛАВА I.

Мѣстность.

Бывшая Снѣтинская сотня Лубенскаго полка: с. Шеки и Хорошки; преданія объ ихъ основаніи.—Старый Снѣтинъ.—Разсказъ о войнѣ царя съ царицей.—Городокъ, Подгорская церковь.—Преданіе о занятіи Снѣтина Шведами.—Исачки: каменоломня и церковь.—Сула, весенній видъ по Сулѣ; сс. Литвяки, Волчекъ и Бересточь.—Воспоминанія о татарахъ и разбойникахъ.

Широкій видъ открывается съ Снѣтинской горы во всѣ стороны на бывшую снѣтинскую сотню Лубенскаго полка. Къ сѣверу подъ горой, на самой границѣ съ лохвицкимъ уѣздомъ протянулась линіей деревенька Шеки, прижатая горой, покрытой рѣдкими деревьями, къ рѣкѣ. Усадьбы крестьянъ сбѣгаютъ узкими, поперечными полосками также къ ней. Дворы узки, въ нихъ едва можно поворотить возъ. Хаты большею частью невелики, всего шесть аршинъ длинны съ закопченными сволоками. Ничто не напоминаетъ въ Шекахъ щеголеватой Лубенщины:

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ предлагаются читателю остатки историческихъ народныхъ преданій двухъ волостей лубенскаго уѣзда: Снѣтинской и Волчковской и части третьей Тишковской. Общій интересъ этой мѣстности заключается какъ въ глубокой древности ея центра Снѣтина, такъ и въ томъ, что вся она была достояніемъ исторической фамиліи Новицкихъ. Главнѣйшіе народные разсказы приводятся на мѣстныхъ говорахъ, какъ матеріялы для заключеній о происхожденіи населенія путемъ филологіи.

наружность жителей, языкъ, моды—всё здѣсь еще сенецкое [1]). Шеки извѣстны въ окрестностяхъ подъ кличкою „соломьяны дзвоны", потому что они около столѣтія обходились безъ церкви, и только на дняхъ старый погостъ опять занятъ миніатюрной церковью—школой. Мѣстныя преданія объясняютъ такое лишеніе тѣмъ, что строитель старой церкви св. Николая, запорожецъ Мацюкъ „заложилъ ее на священниковъ", такъ что послѣдніе вымирали, и церковь въ концѣ концовъ пришлось перенесть въ сосѣднее село Хорошки, виднѣющееся за длиннымъ рядомъ итальянскихъ тополей, темная листва которыхъ отчетливо выдѣляется на блѣдной зелени долины. Хорошковцы, признавая старшинство Шекъ, началомъ своего села считаютъ курень, поставленный козакомъ Хорошкомъ на Кодакѣ, какъ и до сихъ поръ называется восточный уголокъ села въ отличіе отъ другихъ его частей, пристроившихся впослѣдствіи. Вѣроятно основатель Хорошковъ назывался Иваномъ, потому что его потомки подъ именемъ Иванчянъ или Иванченковъ заняли цѣлую улицу. Но козацкая колонизація встрѣтилась здѣсь съ панской. Паны хотѣли закрѣпить Иванченковъ и перекопали Кодакъ рвами. Эта глухая, недошедшая къ намъ въ подробностяхъ борьба, кончилась полнымъ вытѣсненіемъ Иванчанъ. Они бросили отцовскій курень, свое поле—Иваньково—и навсегда удалились изъ Хорошковъ неизвѣстно куда. „Винъ (Хорошко) и теперъ десь йе", загадочно говорятъ старики. Возможно, что по окончаніи борьбы Хорошки были вновь колонизованы изъ Шекъ. Общность фамилій, типовъ, отчасти модъ, весильнаго ритуала и пѣсенъ жителей обоихъ поселеній даетъ основаніе такому предположенію. Но объединеніе жителей могло случиться и позже вслѣдствіе принадлежности обоихъ селъ однимъ владѣльцамъ—Новицкимъ. Одинъ изъ Новицкихъ, войсковой товарищъ Иванъ, построилъ въ 1721 году церковь въ Хорошкахъ. Въ этой церкви есть несомнѣнныя свидѣтельства объ одновременномъ существованіи обѣихъ церквей:

---

[1]) Производное отъ слова Сенча (древній Синецъ)—мѣстечка лохвицкаго уѣзда. Въ оффиціальныхъ бумагахъ и въ „Руинѣ" Костомарова пишется „сенчанскій", не согласно съ народнымъ словопроизводствомъ.

Шековской и Хорошковской. Такъ, въ 1768 г. товарищъ левушковскаго куреня Яковъ Качаловъ подарилъ одинаковыя чаши въ обѣ церкви. Такимъ образомъ шековское преданіе не точно и сводится въ дѣйствительности къ закрытію шековской церкви въ концѣ прошлаго вѣка, можетъ быть за бѣдностью прихода, причисленіемъ прихожанъ къ Хорошкамъ и перенесеніемъ церковнаго имущества въ это послѣднее село.

Къ западу отъ Хорошковъ и Шекъ, Лохвицкій рубежъ надвигается на самую снѣтинскую гору. За двумя пограничными курганами и осиковымъ гайкомъ, надъ Снѣтиномъ господствуетъ обширный выгонъ, по срединѣ, въ урочищѣ „на могылкахъ", покрытый довольно большими могилами, выжженными солнцемъ. Здѣсь замѣтны постоянные спутники дѣвственныхъ почвъ: бѣловатый мохъ, зиновать (cytisus biflorus) и тирса (stipa pennata). На могилкахъ часто выкапывали большія кости: руки, ноги „Должно велыкгоны, чы велыкжоны", говорятъ объ этихъ костяхъ въ народѣ; но мѣстная интеллигенція, которой удалось видѣть кости, отрицаетъ ихъ большій размѣръ въ сравненіи съ настоящими. На всёмъ Снѣтинскомъ подгорьи часто находятъ кости и цѣлые скелеты; такъ, однажды откопали скелетъ дѣвушки. У ней сохранились распущенныя по плечамъ русыя косы да плахта, необыкновенно яркихъ красокъ, но такого же рисунка, какъ и теперь. Матерія распалась отъ прикосновенія. Наблюдателя охватываетъ невольно смутное чувство на этихъ могилахъ. Къ нимъ же пріурочено слѣдующее древнѣйшее преданіе, въ трехъ варіантахъ, сходныхъ съ записаннымъ Руликовскимъ и Чубинскимъ въ кіевской губерніи. Послѣдній относитъ это преданіе къ началу великокняжескаго періода [1]).

1.

Воювалы царь зъ царыцею. Винъ ишовъ зъ Лохвыци и ставъ на могылкахъ, а вона зъ Лубень та стала на исачкивскій

[1]) Сумцовъ. Современ. Малор. Этногр. „Кіевск. Стар." 96 г., № 7 и 8, стр. 135. Чуб. въ Записк. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. 73 г., стр. 293. Въ Васильковскомъ преданіи для объясненія двухъ могилъ служитъ смерть княгини и князя, а въ Снѣтинскомъ для объясненія появленія цѣлой массы могилъ — гибель войска.

гори. Вона не пизнала, що царь, а думала, що непріятель та побыла много множество людей—и побидыла, а потимъ зійшлысь до купы и пойихалы вдвохъ, а люды поховани на могылкахъ [1]).

2.

Царь зъ царыцею завелысь мовъ у шутквы. Царь каже: „я пиду чужихъ быть, а до тебе прыйдуть чужи та тебе розибьють". А винъ пишовъ за Исачкивьску гору та давай стрелять на царыцю. А вона своихъ направыла: „бійте, бійте! се чужи". Такъ царь розбывъ чысто Снитынъ, писля того бою и городъ перевелы у Лубны, а військо позакопувано у могылахъ [2]).

3.

Исачковскій варіантъ этого преданія такой. Царыця стала на Исачкивскій гори, а царь на тіи (Снитыньскій). Незвисно за що воны завелысь. Вона казала: годи такъ воювать, а зійдемось кіямы быцця. Царыця зализни поробыла та соломкою поввиртувала, а царь—сами соломьяни. Такъ у того соломьяни кіи розлитаюцця, а вона побыла его військо, звоювала. Звоювавшы царя, царыця заховала вещи у лёхъ у гори въ урочыщи „Церковный бродъ"; лехъ засунувсь и зарисъ. Царыця кынула ключи въ ричку Сулыцю [3]). Парубокъ пасъ волы, якъ заграло шось у гори, якъ забрязчало у тарилкы, такъ и худоба повтикала и винъ [4]).

Обширное кладбище, занявшее все подгорье, придаетъ Снѣтину унылый видъ—наслѣдіе долгаго историческаго существованія, такъ какъ, по мнѣнію изслѣдователей полтавской губерніи, Снѣтинъ былъ древнѣйшимъ поселеніемъ славянъ въ

---

[1]) Отъ Николая Ивахненка.

[2]) Отъ Катерины Прихидькиной.

[3]) Притокъ Сулы.

[4]) Отъ коз. Головка.

ней, колыбелью суличей [1]). Его укрѣпилъ въ X в. Владиміръ св., а въ XI в. вблизи разбитъ Бонякъ русскими князьями [2]). Въ XIII в. Снѣтинъ раздѣлилъ судьбу Переяславскаго княжества и послѣ длиннагопромежутка упоминается въ ярлыкѣ Менгли-Гирея подъ именемъ Сокнятина. Съ конца XVI в. до половины XVII принадлежалъ Вишневецкимъ, а къ концу вѣка сдѣлался собственностью Новицкихъ [3]). Весь сѣверный склонъ горы занятъ былъ историческимъ Снѣтиномъ. Все здѣсь и теперь дышетъ стариной: и неправильныя, изломанныя, тѣсныя улички, пересѣченныя пригорками и холмами, гдѣ лѣпятся хатки и остатки вала, шириной въ 5—6 сажень, которымъ въ старину былъ обнесенъ „городокъ, загородокъ", какъ называютъ гористую часть Снѣтина мѣстные жители [4]). Снѣтинъ сохранилъ еще одну принадлежность всѣхъ бывшихъ городскихъ поселеній по Сулѣ, въ предѣлахъ лубенскаго уѣзда, или ихъ предмѣстій: обширный выгонъ въ 188 десятинъ [5]), на которомъ также видны три невысокихъ вала, борозды и рвы. По этимъ остаткамъ старины теперь ужъ можно ѣздить. Понятіе о прежнемъ значеніи Снѣтина довольно твердо держится въ народѣ. „Снитынъ бувъ первый городъ; городъ звидсиль перенесено у Лубни", можно услышать отъ старожиловъ. Оно же отразилось и въ поэзіи. Снѣтинцы въ своей веснянкѣ такимъ образомъ выдѣляютъ себя отъ окрестныхъ жителей.

---

[1]) Арендаренко. Зап. о Полт. губ. ч. III, стр. 271 и 280. Богдановичъ. Сборн. Свѣд. о полт. губ. 77 г., стр. 4 и 28. Памятная книжка полт. губ. за 88 г., Истор. часть, стр. 2.

[2]) Боданскій. Памятн. книжка о полт. губ, 65 г., стр. 4., Ипат. Лѣтоп. стр. 83. Ляскоронскій. „Кіев. Старина" 96 г., Кн. XII, стр. 328 и 330.

[3]) „Кіев. Стар." 96 г. кн. IV, стр. 90. Лазаревскій. „Кіев. Стар." 96., к. II, стр. 216 и 222. Максимовичъ. Соч. 1876 г., т. I, стр. 716. Бантышъ—Каменскій. Истор. Малор., ч. 2, глав. 21, стр. 117 и примѣч. на стр. 20. Стороженко „Кіевск. Стар." 85 г. Іюль, стр. 444.

[4]) Подробное описаніе городка опущено мною вслѣдствіе появленія статьи г. Ляскоронскаго въ „Кіевской Старинѣ" 96 г., кн. XII, посвященной Снѣтинск. городищу.

[5]) Исачки у Снѣтина имѣютъ 230 дес. выгона, Засулье—предмѣстіе Лубенъ—около 500. Лукомье древній городъ до 300 и сс. Великая и малая Селецкіе по Сулѣ—466 дес. (Сборн. по хозяйств. стат. луб. у., Полт. 85 г., стр. 2, 227, 238, 241 и 242).

Идуть, идуть Литьвякивци,
Якъ макъ процвитають,
А нашіи та снитынци,
Якъ золото сяють!

Въ другой веснянкѣ Снѣтинъ пытается возвыситься даже надъ Лохвицей:

Снитынъ городъ, Снитынъ городъ,
Лохвыця станыця...

Вблизи городка на обрывѣ, въ угрюмой мѣстности, гдѣ по преданію была усадьба родоначальника Новицкихъ, охочекомоннаго полковника Ильи Ѳедоровича, сохранилась его домовая церковь, среди огромныхъ берестовъ, дубовъ и кленовъ. Церковь эта каменная, съ толстыми стѣнами; крыша на ней готическая,—подковообразныя окна, надъ ними глубокія ниши и каменныя украшенія. Она построена крестомъ, съ тремя престолами, изъ которыхъ одинъ св. пророка Ильи. Церковь настолько узка, что священникъ едва можетъ пройти въ боковыхъ престолахъ. Иконостасъ обновленъ въ 1861 г. и изъ старыхъ образовъ осталось только четыре, въ томъ числѣ образъ Спасителя, малороссійскаго типа, очевидно мѣстнаго письма. Старинный крестъ, съ солнцемъ и витыми лучами наверху и мѣсяцемъ внизу, снятъ съ церкви и поставленъ на погостъ. По мѣстнымъ преданіямъ эта церковь была костеломъ.—„Пидгирьску церкву полякы строилы, вона була поляцка," говорятъ въ народѣ. По преданію, въ Снѣтинѣ жилъ и ксендзъ. Около городка жили двѣ вымершія вѣтви Новицкихъ: Даниленки, дѣти бывшаго предводителя дворянства лубенскаго уѣзда Данила Новицкаго, встрѣчавшаго Екатерину II въ Кіевѣ, и Федоряне, потомки подпоручика Федора Новицкаго. Слободкой и Щурами кончается сѣверная нагорная часть Снѣтина. Къ югу отъ городка вдоль Сулы, которая по народному замѣчанію „въ Снитыни повылась мовъ гадюка", расположились: Корсунивка, Довгаливка [1]), Кутъ, населенныя крестьянами собственниками [2]) въ перемежку съ

[1]) Довга улыця.

[2]) Здѣсь прежде также жили и козаки—Дивинскіе, но помѣщикъ П. Ѳ. Андреевъ выселилъ ихъ отсюда на свою леваду „Малчивку", давъ вдвое больше

панскими усадьбами и садами, полными ренетъ, абрикосовъ, угорокъ, принадлежащими потомкамъ Новицкихъ по женской линіи. Здѣсь извилистые берега Сулы представляютъ на каждомъ шагу небольшіе виды: то густыя рощи въ видѣ аллеи по обѣимъ берегамъ рѣки, то мельницы, высоко стоящія надъ водой; далѣе кладки черезъ мель. Въ рѣкѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются слои сѣраго блѣдно-голубого и блѣдно-зеленаго лёсса, внезапно смѣняющагося купой тополей, осокорей, вербъ, наклонившихся надъ съуженной рѣкой, съ хаткой, бѣлѣющей у самой воды посреди гая. Подъ Снѣтиномъ впадаетъ въ Сулу ручей Мызинивка, черезъ который по слѣдующему народному разсказу вошли въ Снѣтинъ шведы. „У Снитыни у крипости була церква, ришоткою обкыдана. Якъ Мазепа и шведъ йшлы сюды воювать, такъ люды дзвонъ укынулы у Сулу, щобъ не натрапывъ шведъ куды иты. Такъ той дзвинъ и затонувъ у Сули. Его находывъ старыкъ,—не скажу, якъ того старыка звалы. Якъ упурне, часивъ тры сыдыть у води, а якъ вырнувъ, то объявывъ людямъ, що найшовъ дзвинъ зъ двонадцятьма ухамы, такъ зачепылы канатомъ та запрягалы по 7—12 паръ воливъ,—не двынуть. Литъ пятдесятъ тому назадъ одынъ чоловикъ рнувъ ракы, такъ находывъ одно ухо незамулено, ясне, мовъ вычыщене. Снитынци тоди собакъ выбывалы, а пивнивъ и скотъ выризувалы, шобъ винъ не ревивъ. Проте шведъ прыйшовъ и звоювавъ Снитынъ. Де тече тычія Мызинивка бувъ страшный плавъ, такъ шведъ и якыйсь ще Мызынъ наткнулысь туды на той плавъ, колы пройты не можна. Такъ той Мызынъ скомандувавъ війську, шведы шапкамы (куражкамы) набралы земли, высыпалы, загатылы болото, перейшлы и звоювалы Снитынъ. За Мазепу не докажу [1]). И другіе варіанты указываютъ, что шведы вошли въ Снѣтинъ со стороны Хорошковъ. „Шведъ прыйшовъ зъ Хорошкивъ черезъ воду; винъ угнавсь и много вытопылось народу: по народу й перешлы. Чого ти шведы не

земли. Такимъ образомъ составился кутокъ Дивинщина. Остальные козацкіе роды: Палехи, Малицкіе и др. живутъ и теперь въ городкѣ.

[1]) Отъ Николая Ивахненка.

робылы? и въ церквы заводылы кони. Воны розорылы Снитынъ, побылы народъ“ [1]).

Узкій снѣтинскій горный кряжъ служитъ водораздѣломъ Сулѣ и Удаю, которыя сливаются за сел. Исачками на обширной низинѣ, состоящей изъ аллювіальныхъ почвъ и солонцевъ. Низина эта замкнута исачковскимъ холмомъ, возвышающимся среди долины Удая и Сулы „чуждымъ пришельцемъ [2]). Это отвѣсная блѣдно-желтая стѣна съ красными и малиновыми вкрапинами глины, изъ которой отдѣляются сѣроватыя массы діабаза. Теперь исачковская гора снабжаетъ окрестности только камнемъ, такъ какъ выходы гипса, подстилающіе діабазъ, скрыты; но не такъ давно, до семидесятыхъ годовъ, гипсъ былъ еще въ продажѣ и шелъ преимущественно на городскія постройки, церкви и монастыри. Разработка гипса начата была помѣщикомъ П. Ѳ. Андреевымъ, нашедшимъ письмо Мазепы къ полковнику Ильѣ Новицкому о присылкѣ гипса для постройки уничтоженной пожаромъ мгарской монастырской церкви, оконченной Мазепой въ 1694 г. Сначала поиски гипса были неудачны; напрасно разрытъ былъ цѣлый оврагъ, какъ вдругъ приказчикъ Буза нашелъ случайно нѣсколько кусковъ гипса на землѣ нѣмого козака Федора Зимы, возлѣ зеленаго жита. Петръ Ѳедоровичъ приказалъ тотчасъ скосить жито, выдалъ нѣмому 25 руб. вознагражденія, а затѣмъ и самую землю смѣнялъ у него. У подножія холма пріютилось сельце Исачки, а поодаль—хуторъ Гребище, одного прихода съ первыми. Время основанія Исачекъ неизвѣстно. „Ихъ завивъ Исакій, Гребыща—Грыцько. Прыйи-

[1]) Фантастичность настоящаго разсказа производитъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что вторженіе Шведовъ случилось недавно, еще въ началѣ текущаго вѣка жили свидѣтели его (Арендаренко. ч. III, стр. 66). На самомъ дѣлѣ шведы, какъ извѣстно, вступили въ предѣлы Лубенскаго полка въ Ноябрѣ 1708 г. Лубенскій полковникъ Зеленскій съ Лукомскимъ и Сенецкимъ сотниками явились къ королю въ Роменъ; самыя же сотни и городъ заявили вѣрность царю. Мазепа приказалъ собрать продовольствіе шведамъ въ Лубенскомъ полку, и сенецкій сотникъ Яременко вступилъ съ 4000 шведовъ въ Сенчу. Быть можетъ, часть этого отряда заглянула и въ Снѣтинъ и произвела переполохъ, отражающійся въ разсказѣ. Бантышъ—Каменск. ч. III, стр. 87, 101, 103 и 106. Костомаровъ. Мазепа въ „Рус. Мысли“ 82 г., кн. II, стр. 73, 78, 83, 86 и 93).

[2]) Матер. оцѣнки земель полт. губ. С-петерб. 1889 г. вып. II, стр. 3, 23 и 24.

халы и силы"—только и могъ сказать мѣстный старожилъ, козакъ Головко, объ основаніи селенія. Неизвѣстно также, были ли упомянутыя лица родоначальниками двухъ особенно разросшихся козацкихъ родовъ: Момотовъ, исачковскихъ старожиловъ, и Ревъ—гребищанскихъ. Разсказываютъ только, что корнемъ Исачекъ было урочище „Парня", гдѣ населеніе было издавна гуще („людей ряснійше") и гдѣ собирались гульбища. Посреди села стоитъ большая, каменная церковь съ пятью престолами и между ними, на хорахъ—св. Прасковьи, въ воспоминаніе о старой церкви въ честь этой святой. Исачковская церковь построена въ 1808 г. маіоромъ Иваномъ Андреевичемъ Новицкимъ („Лымаремъ") на средства генералъ маіора Г. И. Хорвата и его жены Ирины Андреевны, сестры строителя. При церкви маленькая колокольня, похожая на грибокъ съ красной шапкой [1]). Въ церкви—чудотворная икона Божьей матери, которую носили, по преданію, въ сраженіяхъ предъ козацкими полками. Богоматерь изображена съ продолговатымъ лицемъ, тонкимъ носомъ и сжатыми губами, младенецъ Іисусъ съ глубокимъ, уходящимъ вдаль взглядомъ. Живопись по выразительности напоминаетъ чудныя созданія Васнецова, но выраженіе лица Богоматери—другое. Церковь окружена жалкими избенками, на погостѣ ни одного деревца, какъ на городской площади. Возлѣ церкви могила послѣдняго потомка Новицкихъ по женской линіи, Н. П. Андреева, хлѣбосола и гастронома, далеко славившагося своимъ искусствомъ приготовлять салатъ. Исачками кончается группа селъ на правомъ берегу Сулы.

Сула, вступивъ въ лубенскій уѣздъ около Шекъ [2]) и кружась потомъ по Снѣтину капризной красавицей, поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ къ западу у сел. Литвяковъ въ уро-

---

[1]) Такое убожество колокольни рядомъ съ громадностью церкви и неогражденіе послѣдней до новѣйшаго времени объясняютъ кражей денегъ у И. А. Новицкаго „его лакеемъ Борисомъ:" Борисъ божывсь, казавъ: „хай я почорнію якземля, колы взявъ гроши!" И побигъ винъ писля клятьбы зъ двору, упавъ за соломъ, ставъ чорный, якъ земля и пропавъ. Я бачывъ, якъ винъ и бигъ, якъ и пропавъ", добавилъ разсказчикъ Головко,

[2]) А не возлѣ Хорошковъ, какъ неправильно показано у Богдановича въ Сборникѣ свѣдѣній о полт. губ. Возлѣ Хорошковъ заливъ Сулы „Кривуля".

чищѣ „Выръ", воспѣтомъ мѣстной петривкой [1]), и идетъ далѣе по Волчковской волости чинной монахиней. Такое прямолинейное теченіе Сулы объясняютъ тѣмъ, что монахи мгарскаго монастыря, владѣвшіе частью сел. Волчка, въ урочищѣ „Чернече", возлѣ самаго Выра, преградили русло Сулы и, прокопавъ узенькій каналъ вдоль Литвяковъ къ Волчку для своихъ водяныхъ мельницъ, сообщили новое теченіе рѣкѣ, современемъ расширившейся. Старое извилистое русло рѣки обозначено высокими вербами, берестами и ольхами. Старица иногда расширена, какъ настоящее ложе рѣки, иногда съужена до двухъ сажень и состоитъ, какъ и вездѣ, изъ многихъ углубленій, покрытыхъ водой, соединенныхъ перемычками. Весной обыкновенно „Сулы" [2]) соединяются и покрываютъ пойму, шириной до пяти верстъ. Только и видно тогда огромное небо съ широкими весенними тучами: темносиними, сѣрыми, кое гдѣ тронутыми розовымъ оттѣнкомъ. Посрединѣ узкая полоса, скорѣй линія затопленнаго села съ небольшими синѣющими лѣсками, хатами и церковью, выдѣляющейся бѣлымъ пятномъ изъ голубыхъ далей. Всё дрожитъ и переливается отраженное водой, также безпредѣльной. Показалось солнце и грѣетъ привѣтливо, въ воздухѣ скользитъ какая то нѣжность. На берегу рѣки, гдѣ нибудь на полузатопленномъ мостикѣ, уже собралась праздничная толпа. Одинъ изъ парней пляшетъ посрединѣ, другой потрясаетъ бубномъ. Дѣвушки въ разноцвѣтныхъ лентахъ и яркихъ костюмахъ стоятъ и сидятъ

---

[1]) Коло выру, выру широкого,
Коло Дунаечка глыбокого.

[2]) Мѣстные жители отожествляютъ названіе Сула со всякой вообще рѣкой, говорятъ во множественномъ числѣ: сулы; есть и уменьшительное „Сулица", для рѣченки, впадающей въ Сулу. Слово: Сула,—по объясненію профессора Н. Ѳ. Сумцова въ ст. Малорус. географ. номенклатура („Кіев. Стар." 1886 г., VII, стр. 482) обнаруживаетъ сходство съ литовскимъ sula—березовый или кленовый сокъ, sulot—пускать изъ себя сокъ, медленно течь, капать. Въ этомъ объясненіи схвачена самая характерная особенность Сулы—ея тихое, сонное теченіе въ обыкновенное время. Въ сухія лѣта она пересыхаетъ, воды ея тогда мутны, желты, оттѣнка извѣстной въ пейзажной живописи Сіенны, а у береговъ и въ заливахъ цвѣта кофе или пива. Въ Сулѣ бросается также въ глаза несоотвѣтствіе ширины рѣчной долины (до 5 верстъ) съ живой струей рѣки: 12—15 сажень. (Матер. къ оцѣнкѣ земель лохв. уѣзда. XII. С.-Петерб. 92 г., стр. 6 и 7).

на перилахъ моста. Раздается веснянка съ ея несознаннымъ стремленіемъ вдаль. Поэтъ не находитъ и словъ [1]) для разлива Сулы, а только гукаетъ:

А Сула гу! шумыть
По весни розлылася.

На лѣвомъ берегу рѣки раскинулись Литвяки [2]), самое обширное поселеніе Лубенскаго уѣзда послѣ Лубенъ, въ такой близости къ Снѣтину, что по мѣстной загадкѣ [3]): „у Лытьвякахъ дубы рубають, у Снитыни трискы литають.“ Основываясь на такой бливости къ Снѣтину, мѣстные любители старины считаютъ Литвяки только поселкомъ перваго; но различіе пѣсенъ, историческихъ преданій, фамильныхъ прозвищъ жителей обѣихъ мѣстъ не позволяетъ принять это мнѣніе. Узкій пригорокъ надъ рѣкой противъ Снѣтина былъ началомъ села. На пригоркѣ стояла церковь, а на ея мѣстѣ еще лѣтъ 70 тому назадъ была часовня (капличка), старая церковь перенесена подъ гору и закрыта, а взамѣнъ выстроена генераломъ Хорватомъ и его женой Ириной Андреевной въ 1796 г.—другая, большая, среди села. Когда Сула подмыла часть бывшаго погоста, то гробы, говорятъ, плыли по рѣкѣ. Эта старинная часть села называется „Селище“ и „друге Селище.“ Здѣсь сосредоточились потомки древнѣйшей мѣстной козацкой фамиліи—Мартыщенки или Мартышки, теперь совершенно обѣднѣвшіе, и отсюда же очевидно шло дальнѣйшее разселеніе въ прямомъ направленіи на кутокъ Сабадашивку, занятый двумя старинными козацкими родами: справа Сабадашей, которыхъ жилище въ старину было также у рѣки на Селищѣ и ужъ теперь поглощено рѣкой, и слѣва—Заикъ. Лѣвѣе Сабадашивки—особый кутокъ Передеріивка. По фамильнымъ преданіямъ Передеріивъ, населяющихъ эту часть села, ихъ предокъ вышелъ болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ изъ Волчка и былъ сначала рабочимъ богатаго козака Сепенка, который и поселилъ его на своемъ грунтѣ. Письменнымъ документомъ этой фамиліи служитъ

[1]) Чернушенко, Квиточка. Лубны 1893 г., стр. 10.

[2]) Цвѣтники—на языкѣ панночекъ первой половины текущаго вѣка и ихъ поклонниковъ.

[3]) Разгадка—колокольный звонъ.

сохраняющаяся при мѣстной церкви книга дѣяній св. Апостоловъ съ надписью, что она пожертвована въ церковь въ 1754 г. Кирилломъ Передеріемъ. Село окружено какъ подковой небольшой горной цѣпью, составляющей третью террасу Сулы, такъ называемой „пидгóрянкой", на склонахъ которой среди старыхъ садовъ размѣстились усадьбы потомковъ Новицкихъ. Пидгóрянка пересѣчена двумя оврагами, изъ которыхъ одинъ: Орлова или Орливщына произошелъ, по разсказамъ старожиловъ, изъ рвовъ, въ которыхъ закапывалась саранча, а другой—отъ шалости парня, пропахавшаго бороздну, впослѣдствіе размытую водой. Орлова, получившая названіе отъ орловъ, водившихся здѣсь въ густомъ дубовомъ лѣсу, была въ старину предѣломъ полей. За ней разстилались степи. Съ Литвяками сливается буйный чумацкій, Волчекъ. Въ настоящее время онъ выстроенъ по одному типу съ Литвяками и названіе частей заимствовано большею частію отъ свойствъ мѣстности: подилъ, писокъ, горнанивка и т. д.

Но въ старину волчковское селище съ церковью было за Сулой, возлѣ Исачекъ, на небольшомъ песчаномъ горбѣ. Прежде всѣхъ переселился на лѣвый берегъ рѣки Хамула, можетъ быть, также вслѣдствіе наводненій и завелъ здѣсь винокурню. За нимъ перешло еще нѣсколько семей: Свистуны, Линивы, Дядечки и положили основаніе нынѣшнему Вовчку. Затѣмъ древнѣйшими козачьими фамиліями признаются: также Нестеренки, Падалки, Кузьменки, Шостаки и Руденки. Въ 1740 г. Волчекъ разросся настолько, что при мѣстной церкви св. Михаила было уже два священника [1]).

Между Вовчкомъ и Бересточью залегла унылая, солонцоватая равнина, на краяхъ которой то здѣсь, то тамъ мелькаютъ лѣски, а въ самомъ концѣ у берестоцкихъ мельницъ подъ озеромъ погребено село. Объ этомъ селѣ уцѣлѣло только слѣдующее

---

[1]) Изъ церковныхъ книгъ древнѣйшія.

1) Трипѣсвецъ кіевскаго изданія 1648 г., изобилующій малорусскими словами и оборотами.

2) Псалтырь съ надписью: сія книга продана въ земельку с. Вовчекъ въ церковь св. Архистратига Михаила полка Лубенскаго, сотни Снитинской, куриня Дидковскаго, козакомъ Ѳедоромъ Тарановъ 1768 г., Марта 1 дня.

коротенькое воспоминаніе: „на Муховаци було село, та запалось. Якъ выгоняють скотыну та гукають, такъ щось и тамъ пидъ землею озываецця, балака, а проты велыкодня бьють у вси дзвоны.“ Эта безотрадная равнина смѣняется Бересточью, получившей названіе отъ рѣченки того же имени, впадающей въ Сулу. Преданія о началѣ села забылись. Полагаютъ, что старѣйшій родъ—Билыкы. „Зъ Билычаньского кутка завелась Березоточа. Тилькы и кутка було, що винъ. Тоди мало було людей, одну паску святылы цилымъ куткомъ.“ Возлѣ Билычанскаго Кутка — Раки, Струсивка, Голотинцы и особый, болѣе поздній хуторокъ надъ Сухой—Гуляивка. Бересточь вся въ зелени; между просвѣтами большихъ деревъ и хатъ видны синѣющія горы. Мгарскій спасопреображенскій монастырь съ высокой колокольней, украшенной колоннами, и „славни Лубни“, какъ выражается мѣстная колядка,—едва замѣтные въ неясныхъ очертаніяхъ съ Снѣтинской горы,—здѣсь какъ на ладони. Съ монастырскаго холма пройденная мѣстность представляется въ такомъ видѣ: „наблюдателю,—говоритъ бывшій окружной начальникъ лубенскаго уѣзда, В. П. Короновскій,—открываются окружныя мѣста на разстояніи болѣе двадцати верстъ; тутъ видны поля съ разнообразною ихъ зеленью, села, рѣка Сула съ островами и лугами своими и лѣса, что всё въ цѣломъ составляетъ панораму величественную“ [1]).

Какъ въ Бересточи, такъ и въ другихъ селахъ по Сулѣ, особенно на открытомъ, лѣвомъ берегу ея попадаются историческіе разсказы о татарахъ, но опредѣленное вначалѣ представленіе объ этихъ варварахъ постепенно блѣднѣетъ, смѣшиваясь въ народныхъ понятіяхъ то со шведами, то съ разбойниками и переходя даже въ темную силу—гадъ, обычное отожествленіе восточныхъ кочевниковъ у Славянъ.

Вотъ эти преданія:

1.

Есть надъ Лытьвяками могыла „стороживня“. На тій могыли козакъ стоявъ изъ вихою; дывыцця, якъ бува наблыжаюцця татары, то козакъ визьме тай похылыть на село виху, а люды, що

[1]) Полт. губ. Вѣдом. 90 г. № 46.

въ сели живуть тикають въ очерета та въ болота, ховающця та плачуть, той доси те мисто, де воны ховалысь звуть плаксинци [1]).

2.

Покійна баба розсказувала: виха була, червоный хлакъ, похылыцця вона на село—люды ховающця: жинкы зъ дитьмы по погребахъ, а чоловикы по болотахъ и лисахъ. Пройде воно,—казано шведъ, бо шведъ и могылы покопавъ: довгу и другу,—тоди прыходять мужыкы, одкопують жинокъ. Якъ же винъ схопыть, то везе на кони на могылу „Довгу", тамъ ихъ курени булы. Козакы йдуть до ихъ. Пшеныци, або жыта прывезы, тай беры свою. А козакы стоялы на Вовчій долыни [2]).

3.

Покійна маты було кажуть, ще ото тилкы и було поля, шо „Орлова" а на сторожывни два чоловика стоять, якъ тилько похылють виху, то народъ зъ поля, зъ Орловои тикае въ село, бо есть такый гадъ, якъ обидъ зъ колеса, що якъ нажене чоловика,—хоть и на кони йиде,—то проглыне [3]).

4.

На степу за Бублыковымъ трахтыромъ есть Старцеви могылы. Тамъ жылы татары ауламы; тамъ воны людей выризувалы и скотыну обиралы. А на снитыньскій гори есть дви могылы биля Окопу [4]). Оттамъ якась то крамарыха роспутна жыла. Садъ надъ хуторомъ Козубивкою звется Вышневецькый. Такъ татары посылають своихъ слугъ: идить отъ старчыхы до крамарыхы до Вышневецького саду и скилькы захватыте—хылить сюды. Баба Мотря Мудракова тамъ жала пшеныцю, колы выскакуе зъ тіеи могылы чоловикъ въ жупанку и роздывляется. Мотря тилькы що запрягла пару коней, колы зъ могылкы зновъ крычыть: „обо-

[1]) Урочище вблизи Сулы по дорогѣ на Снѣтинъ. Разсказъ—отъ Литвяковскаго тытаря Степана Заики.

[2]) Отъ коз. с. Литвяковъ Михаила Пулехи.

[3]) Отъ кр. Евдокіи Недилькиной. Въ Снѣтинѣ и Хорошкахъ подобныя же преданія. Въ Хорошкахъ „люды ховалысь у болото, тамъ булы ямы."

[4]) С. лохвицкаго уѣзда.

жды!“ А вона кони вдовшъ, колы гляне, а винъ пустывсь зъ горы, тилькы, тилькы, що не вскочыть въ возъ. Вона втекла, а винъ пиднявъ руку та каже: „щаслыва, що втекла, а вже бильшъ не йиздыла бъ и не жала. „Другый разъ чоловикы жалы до пивдня, кажуть: „ходимъ подывымось!“ Пишлы потыхеньку, холоши пидкачалы, колы лежыть у тій могилы трое татаръ, сплять. И добра, сказано, всякого лежыть и рядно зъ деньгамы. Такъ Андрей Бубырь узявъ 50 рублывъ [1]).

5.

На Деркачевій гори коло Бранихъ лизъ жылы Копытькы та ще въ Сотныцькихъ садахъ и Роблепихъ могылахъ; тамъ йе ямы и лёхи, де воны ховалы вещи. Копытькы обиралы церквы, людей багатыхъ, панивъ. Розризувалы ногы на кисточкахъ, сыпалы сирку и палылы. Дававъ чоловикъ дочку, а воны прыйихалы та давай зъ мушчыривъ стрелять на того молодого. На поли було люды й не ночують. За комышаномъ жалы бабы жыто и опасувалысь ночувать. Вязынчына каже: чого бояцця? Полягалы, колы воны прыйиздять. Вязынькына схопылась, стягла Копытьку зъ коня и вдарыла объ коня, потимъ опять посадыла на коня, одказала: не йиздытымешъ бильшъ! Копытькы якъ тронуцця на село, то козакъ, шо на кони цилый день, бувало выстоить на могыли, хылыть виху на село, то люды тикалы въ село и по-за Сулою въ „курени“ и пересыдять, покы Копытькы обирають церквы и людей. А потимъ воны перерубалы козака й коня. И теперъ звецця Козакъ-могыла. Якъ занялы Копытькивъ и воны биглы, а чоловикъ Олекса йихавъ,—воны напустылись на ёго, а винъ упавъ пидъ кобылу, такъ воны образылы й кобылу. Копытькивъ половылы у Кальбыси, одного у комыни, другого у верху. Той, шо улизъ у грубу, и видтиль стрелявъ, покы его взялы [2])!

---

[1]) отъ Н. Ивахненка, м. Снѣтина.

[2]) Преданія сс. Волчка и Бересточи. По другому варіанту: „козакъ разбигся тикать одъ Комышану (шляхъ на Комышану) кинь упавъ на тимъ мисти, де могылы. Писля того поховалы въ одній могыли козака, а въ другій коня.“

6.

Давно колысь—се вже третя церква, а се дiялось, якъ ще перва була и люды жылы ще въ Селыщи, а за ричкою тилькы Свыстуны, Линыви, Хамула та Дядечка. А Дядечкивъ братъ прывивъ до Дядечкы розбойныкивъ проты велыкодня. А въ Дядечка бувъ бочонокъ червинцивъ. Такъ ти розбойныки якъ зачалы Дядечку казныть, поризалы ему на ногахъ ровы, позакладалы сиркы тай палять. Такъ Дядечко не сознававсь, такъ воны сковороду въ пичъ поставылы, на сковороду—жинку, та вже жинка сказала. Такъ воны гроши забралы та въ погребъ Дядечкивъ позакыдалы и колоддямъ ихъ позаверталы. Такъ попрыходылы люды, попрыносылы паскы до церквы, кажуть: що за знакъ, що Дядечка нема? чы винъ заспавъ? Колы нема тай нема, попрыносылы паскы до дому, пообидалы, повыходылы на улыцю тай балакають: шо воно за знакъ, шо нема Дядечка и въ церкви не було? Колы пишлы до его у хату, колы позабирано де шо не було. Сталы шукать, найшли его въ погреби, одвернулы колоддя, повытягалы ихъ; такъ старый Дядечка ще годъ пожывъ тай померъ, а баба ще кажуть годивъ съ чотыри жыла писля его [1]).

7.

Йихавъ черезъ Лытьвякы Гаркуша, а люды бачылы тай сказалы панови Полытови [2]): „йихало багато людей и руськихъ, таки, шо носы порозрывано.“ Гаркуша бувъ на Сибири и тричи тикавъ. Винъ пытавъ: не знаете, чы Даныло Антоновычъ дома [3])? Люды сказалы: та хто-жъ его зна? А Полытъ и паны позйиздылысь у Снитынъ на ничъ. Такъ Гаркуша покыдавъ у лузи на тимъ боци Сулы дванадцять повозокъ и самъ иде сюды на выныцю, пытаецця вынокура: „Евтуше! дай табакы понюхать.“ Той каже: „забувъ рижка.“ А Гаркуша пишовъ та по драбыни злизъ на домъ тай сыдивъ блызько свита, а паны гуляють, такъ винъ давай тикать. Якъ винъ уже совсимъ ніймавсь, то Федоръ [4]) пы-

[1]) Отъ А. Ковпа, с. Волчка.

[2]) Ипполитъ Дмитріевичъ Новицкій.

[3]) Также Новицкій.

[4]) Новицкій.

тавсь: „а шо, Гаркуша, и до мене хотивъ улизты? А винъ говорыть: чого бъ я до тебе, голыка, полизъ? то я до Данила хотивъ—Забиливскихъ достать, а Даныло державъ Забиливну. Тоди вже якъ піймавсь Гаркуша, такъ его на штыль настромылы. Тры дни, говорять, жывъ на штыли [1]).

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Этотъ разсказъ, записанный отъ снѣтинца Ив. Чухна, относится, вѣроятно, къ концу прошлаго вѣка, такъ какъ изъ дѣла о Семенѣ Ивановѣ Гаркушѣ 1784 г. въ Конотопскомъ судѣ видно, что съ Гаркушей разбойничалъ Прокопъ Коровченко, имѣвшій жену и хѣтей въ Лубнахъ, и что по ограбленіи жены городничаго Парпурихи поѣхалъ въ слободу Бригадировку (Основа 61 г., кн. XI и XII, стр. 11—15, ст. С. Носа). Около того же времени Гаркуша, какъ видно изъ предписанія графа П. А. Румянцева отъ 9 января 1784 г., бѣжавшій съ каторги и имѣвшій на лицѣ знаки, былъ обвѣнчанъ священникомъ слободы Ромодановки съ Меланіей Чвиркаловной („Кіев. Стар." 95 г., IV, стр. 18) По исачковскому преданію Гаркуша женился на другой женѣ и первая узнала его.—Бригадировка или Ромоданъ вблизи Литвяковъ.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXII.

Попросивши дѣда отправиться къ спасенной панянкѣ, онъ остался наверху, на палубѣ. Непонятное сознаніе, что такую красавицу,—именно ее,—онъ когда-то видѣлъ во снѣ, поразило его непріятно, возбудивъ глубоко внутри какое-то суевѣрное чувство. Богданъ, желая заглушить этотъ зудъ, началъ мысленно насмѣхаться надъ своей бабской химерой: развѣ могли черты какого-то туманнаго видѣнія такъ врѣзаться въ память,—донималъ онъ себя,—чтобъ почти черезъ годъ можно было узнать въ нихъ живое существо? Вѣдь это марево только, мечта... Можетъ быть, видѣлъ я гдѣ-либо панночку, либо ангела на картинѣ, понравилось мнѣ личико и потомъ приснилось, а я уже и пошелъ... „Эть, сонъ—мара!“ —махнулъ онъ рукой, словно желая отогнать отъ себя эту нелѣпую мысль; но она неотвязно кружилась въ его головѣ и шептала въ уши: „это она, она—твоя доля. Недаромъ тебѣ былъ посланъ тотъ вѣщій сонъ,—это предсказаніе!“

Богдану стало жутко; онъ разсердился на себя и выругался вслухъ:—Чортъ знаетъ, что въ голову лѣзетъ... „нисенитница“! А, впрочемъ, ну ихъ, этихъ всѣхъ красавицъ къ нечистому батьку!—и, нахлобучивши съ этими словами на глаза шапку, онъ сталъ любоваться чуднымъ зрѣлищемъ пожара на морѣ.

Картина была дѣйствительно величественна и ужасна. Вся галера представляла теперь гигантскій костеръ, охваченный пламенемъ; огненные языки, словно чудовищныя змѣи, вились и взлетали

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 7 и 8.

высоко въ небо; пологъ чернаго дыма, освѣщенный снизу огнемъ, висѣлъ надъ ними клубящимся, адскимъ, багровымъ туманомъ; цѣлыя пряди молній прорывали его по временамъ, точно ракеты, и разсыпались алмазными звѣздами; море пылало вокругъ кровавымъ заревомъ, переходящимъ вдали въ сверкающую рябь; чайки казались красными платками, разбросанными по волнамъ, а само небо и море, внѣ освѣщенія, чернѣли зловѣщею тьмой.

Богданъ поднялъ флагъ и далъ знакъ собраться чайкамъ. Когда онѣ стали вокругъ, атаманъ отдалъ имъ слѣдующія приказанія:—немедленно поднять паруса и гнать чайки во всѣ весла подальше отъ этого костра, ибо онъ, навѣрное, привлечетъ сюда мстителей, а держать путь лучше къ Дунаю,—безопаснѣе, да и вѣтеръ дуетъ попутный.

— Да, какъ будто отъ Крыма дуетъ,—подтвердилъ одинъ изъ атамановъ, Вернигора.

— Ну, а если наскочитъ какой сатана на нашъ слѣдъ,—продолжалъ Богданъ,—то сбить его съ толку, ударить вразсыпную, да только, чтобъ не заблудиться самимъ, держать тогда всѣмъ путь по звѣздамъ.

— Гараздъ, гараздъ, батьку!—зашумѣли съ чаекъ.

— А много-ли нашихъ „завзятцевъ“ легло?—спросилъ наказной.

— На нашей чайкѣ ни одного,—отозвался дѣдъ,—всѣ, слава Богу, цѣлы.

— На Вернигорской шесть человѣкъ убито!

— А на нашей душъ девять!

— А на нашей цѣлыхъ двадцать!—крикнули съ заднихъ чаекъ.

— Эхъ, жалко!—вздохнулъ Богданъ,—пріими, Господи, ихъ души, чтобы и насъ добрымъ словомъ помянули!

Всѣ сняли набожно шапки.

— Раненыхъ есть довольно,—отозвались съ дальней чайки,—а атаманъ Сулима смертельный лежитъ.

— Сулима, лыцарь славетный?!. Скорѣе отправляйтесь туда, диду,—вскрикнулъ Богданъ,—дайте помощь на Бога!

— И у насъ есть раненые, и у насъ, и у насъ!—раздались голоса съ разныхъ сторонъ.

— Панове товарыство,—отвѣтилъ Богданъ,—сейчасъ къ вамъ ѣдетъ дѣдъ-знахарь съ „ликами“ и помощниками, слушайтесь его „рады“; смотрите-же, не отставать, а держаться „купы“. Ну, теперь съ Богомъ, гайда!

— Слава батьку - атаману! — загудѣло со всѣхъ чаекъ въ отвѣтъ.

Атаманская чайка вырѣзалась впередъ; вдругъ страшный ослѣпительный блескъ разорвалъ пополамъ все небо. Взлетѣли къ звѣздамъ потоки огня, донесся потрясающій грохотъ, и черезъ мгновенье все покрылось непроницаемымъ мракомъ...

— Вотъ и гаразд, —сказалъ дѣдъ, —маякъ погасъ, а въ темнотѣ чорта лысаго выслѣдишь!

Улеглось перекатное эхо, и все стихло кругомъ; только равномѣрные удары веселъ, да всплески непослушныхъ волнъ слышатся въ наступившей темнотѣ. Небо снова затянулось какимъ-то мрачнымъ покровомъ: ни одной звѣзды, а на морѣ—ни искры. Стоитъ Богданъ на носу чайки и смотритъ въ мрачное небо; и снова въ душѣ его поднимается неотходное ощущеніе, что въ этой панночкѣ и въ видѣнномъ имъ снѣ есть какая-то таинственная, фатальная связь...

— А что панночка, Рябошапко, —спросилъ онъ небрежно одного молодого козака, посланного имъ къ Марилкѣ вмѣстѣ съ дѣдомъ, замѣтивъ его невдалекѣ. — Привелъ-ли ее въ чувство „дидъ?“

— Ожила, —что ей? —отвѣтилъ тотъ оживленно. —Сидитъ, забилась въ уголъ и дрожитъ, какъ въ „пропастницѣ“... зубами стучитъ...

— А „дидъ“-же что?

— „Дидъ“ ничего... прыскалъ на нее водой, отъ переполоху отшептывалъ... успокаивалъ ее...

— И панночка понимала его? Какъ-же онъ съ ней?

— Да онъ и по нашему и по татарскому закидалъ... а панночка бѣдная смотритъ большими глазами, сложила вотъ этакъ ручонки... и голоса не отведетъ; только разъ насилу, словно всхлипнуло у нея: — „на Пана Езуса, на Матку найсвѣнтшу!“

— Такъ она значитъ полька, „бранка?“ — вскинулся Богданъ. — И можетъ быть... Гдѣ „дидъ?“ — оборвалъ онъ торопливо.

— На Сулименскую чайку поѣхалъ на время.

— Слушай, Рябошапко, —заговорилъ серьезно Богданъ, желая скрыть охватившее его своевольно волненіе, — ты „повартуй“ здѣсь: рулевой опытенъ и надеженъ, путь широкъ и погода хмурится, но не злится. Въ случаѣ чего, дай мнѣ знать, хоть стукни, примѣромъ, ногою въ „чардакъ“, а я пойду развѣдать, кто эта „бранка“ и допросить ее строго.

— Добре, батьку, будь покоенъ, —обрадовался козакъ такому лестному порученію пана-атамана.

Богданъ взглянулъ на него нѣсколько подозрительно и, постоявши еще немного, направился неспѣшно къ каютѣ.

Осторожно спустившись по лѣстницѣ, атаманъ прокрался кошачьими шагами къ завѣтной двери, но передъ нею остановился: непонятное волненіе захватило ему духъ, онъ почуялъ въ сердцѣ и

жгучее ощущеніе, и предательскую радость, и суевѣрный страхъ. Успокоившись немного, онъ рѣшился наконецъ отворить дверь и вошелъ съ непобѣдимой робостью въ это крохотное помѣщеніе. Походный каганецъ освѣщалъ его красноватымъ, мерцающимъ свѣтомъ. Въ углу на канапѣ, съежившись, прижавшись, какъ пойманная въ западню пташка, дрожала и смотрѣла на него съ ужасомъ спасенная имъ отъ смерти панянка. На видъ ей можно было дать лѣтъ пятнадцать, не больше: что-то дѣтское, непорочно-чистое сквозило въ чертахъ ея личика и во всей, недозрѣвшей еще, фигурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней было уже столько прелести и оньяняющаго очарованія, что и закаленный въ жестокихъ битвахъ, загрубѣлый въ суровой жизни козакъ не могъ удержаться отъ охватившаго его восторга и вскрикнулъ, при видѣ ея,—„красавица“,—вскрикнулъ и занѣмѣлъ у порога, не сводя съ нея очарованныхъ глазъ, словно погружаясь снова въ волны давняго, лучезарнаго сна.

А панянка была дѣйствительно поразительно хороша. Блѣдное, бѣлоснѣжное личико ея съ легкимъ сквозящимъ румянцемъ было окаймлено золотыми волнами вьющихся волосъ; они выбивались капризно изъ-подъ малиновой, бархатной, унизанной жемчугомъ шапочки, и каскадомъ падали по плечамъ; тонкія, темныя брови лежали нѣжными дугами на изящномъ мраморномъ лбу; изъ-подъ длинныхъ, почти черныхъ рѣсницъ глядѣли робко большія, синія очи, и въ глубинѣ ихъ, какъ въ морѣ, таились какія-то чары,—а носикъ, и ротъ, и овалъ личика дышали такой художественной чистотой линій, такой дѣвственной, обаятельной прелестью, какая могла умилить и привыкшее лишь къ боевымъ радостямъ сердце. Роскошный турецкій костюмъ, выдававшій кокетливо сквозь шолковыя, прозрачныя ткани, стройный станъ панночки, и мягкія линіи ея не вполнѣ еще развитыхъ формъ дополняли очарованіе.

Словно околдованный невѣдомой, таинственной силой стоялъ неподвижно Богданъ и чувствовалъ, какъ что-то горячее поднималось въ его груди выше и выше, какъ душный туманъ заволакивалъ ему взоръ и вѣялъ зноемъ въ лицо. Панночка не шевелилась, но смущеніе козака нѣсколько ободрило ее и глаза ея засверкали нѣжнымъ огнемъ, а въ углахъ розовыхъ, соблазительно очерченныхъ губокъ заиграло нѣчто въ родѣ улыбки. Длилась долгая минута молчанія.

— На Бога, на Пана Езуса!—прервала наконецъ его трогательнымъ, пѣвучимъ голосомъ панна, сложивъ накрестъ у груди руки.

Этотъ голосъ прозвучалъ Богдану дивной, райской музыкой и заставилъ очнуться.—О, моя ясная панночко,—заговорилъ онъ по польски,—не бойся: ты въ рукахъ вѣрныхъ друзей! Но скажи

мнѣ, кто ты? Какимъ образомъ, по волѣ или по неволѣ ты на турецкой галерѣ?

— Я, шановный пане.. Богомъ посланный мнѣ спаситель,— промолвила трепетно панночка, и звукъ ея голоса былъ полонъ мольбы и горячей признательности,—я изъ нашего польскаго края... спасалась во время разбоя, пожара съ цыганкой... и насъ захватили въ неволю... Милосердья! Пощады!—взмолилась она, и двѣ крупныя слезы, какъ двѣ жемчужины, повисли у ней на изогнутыхъ, стрѣльчатыхъ рѣсницахъ.

— Фамилія, какъ фамилія панны?—заволновался бурно Богданъ, пораженный совпаденіемъ нѣкоторыхъ фактовъ и внѣшности дѣвушки съ разсказомъ Грабины, совпаденіемъ, которое бросилось ему въ голову и въ первую минуту на пылавшей байдарѣ.—Изъ какого рода панна? Давно-ли изъ нашего края?

— Я изъ стараго шляхетнаго рода панства Грабовскихъ да Оссолинскихъ,—начала было съ проснувшимся тщеславіемъ панночка; но Богданъ прервалъ ее радостнымъ, взволнованнымъ восклицаніемъ:

— Изъ рода Грабовскихъ? Дочь Грабины? Моего друга, моего побратима? Такъ я не даромъ предчувствовалъ? Панну зовутъ Марылькой?—засыпалъ онъ ее вопросами, порывисто подошедши къ канапѣ и взявъ ея нервно-похолодѣвшія руки въ свои.

Еще шире раскрылись отъ изумленія и радости у панночки глаза, и она, забывши ужасъ, державшій ее въ своихъ когтяхъ, вскрикнула съ дѣтскимъ восторгомъ: —Да, я Марылька, Марылька! Панъ знаетъ моего отца, знаетъ гдѣ онъ? Панъ его другъ? О, Господи, о мой Пане найсвѣнтшій! Какъ мы долго и тщетно его искали, какъ я стосковалась по немъ... какъ я люблю моего несчастнаго, дорогого татуню!—всплеснула она руками.

— Бѣдное, бѣдное дитя!—вздохнулъ сочувственно, сердечно Богданъ.

— Такъ отца нѣтъ? Погибъ онъ?—задрожала она, какъ подрубленная у корня молодая березка, и, подавшись впередъ, съ ужасомъ остановила на немъ полные слезъ глаза.

Богданъ понялъ, что впопыхахъ нѣсколько проговорился и что истина убила-бы горестью это дитя. Онъ присѣлъ возлѣ нея на канапѣ и вмѣсто отвѣта поцѣловалъ почтительно ея тонкую, словно изъ слоновой кости выточенную руку.

Эта ласка растрогала въ конецъ панночку и вызвала приливъ страшной тоски въ ея сиротливой душѣ; Марылька припала головою къ груди своего спасителя и горько заплакала, зарыдала.

— Успокойся, успокойся, мое дорогое дитятко,—началъ утѣшать ее растерявшійся и непривыкшій къ женскимъ слезамъ воинъ,

проводя тихо рукою по шелковистымъ кудрямъ,—цвѣтикъ мой, ягодка, не рви своего сердца тревогой... Дастъ Богъ, мы найдемъ отца... Я для него жизни не пожалѣлъ-бы... онъ мнѣ другъ, братъ... и клянусь всѣмъ святымъ,—возвысилъ онъ торжественно голосъ,—что дочь моего побратима для меня такъ-же дорога, какъ и ея батько, даже больше...—и онъ прижалъ ея головку къ груди и поцѣловалъ нѣжно въ душистыя, шелковистыя пряди.

— Такъ онъ живъ, мой дорогой татко?—подняла Марылька орошенное слезами личико и взглянула на Богдана такимъ радостнымъ, признательнымъ взглядомъ, что теплые лучи его проникли до самыхъ глубокихъ тайниковъ козачьяго сердца и освѣтили радужнымъ свѣтомъ его пустынные уголки.—Живъ?—допытывалась она, подвигая ближе и ближе свое нѣжное личико къ смущенному, бронзовому лицу атамана.—И панъ-рыцарь мнѣ найдетъ его, возвратитъ? О, какъ я буду за то благодарна! Какъ я буду за то пана... потупилась она стыдливо, не докончивъ фразы.

— Милое, прелестное созданіе... ангелъ небесный...—прошепталъ съ чувствомъ козакъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта на ея вопросы.—Я знаю,—отецъ твой недавно, очень недавно былъ живъ и совершенно здоровъ... онъ изъ этого разбойничьяго наѣзда вышелъ невредимымъ... такъ что-жъ бы ему сталось?... Успокойся, не тревожься... найдемъ! „Дали-Бугъ“! Мы самого бѣса вытащимъ за рога изъ пекла, не то-что!.. Осуши-жъ свои „оченята“, „зиронько“ моя! Улыбнись!

Но Марылька уже давно улыбалась сквозь слезы, и освѣщенная этой счастливой улыбкой красота ея казалась еще болѣе ослѣпительной.

— Разскажи мнѣ лучше все о себѣ, разскажи мнѣ о всѣхъ „пригодахъ“ и злополучіяхъ, какія перенесла ты въ такіе ранніе годы?—продолжалъ Богданъ, овладѣвая собою и усаживаясь привольнѣе на стоявшемъ у канапы обрубкѣ.

— Что жъ, я пану скажу все, что знаю; утаивать мнѣ нечего,—начала Марылька неуспокоившимся еще отъ волненія голосомъ, прерывая часто глубокими вздохами свою рѣчь:—мы изъ Мліева... Мои родные были очень богаты .. я была только одна у нихъ, и меня баловали и берегли, какъ зѣницу... Роскошью и любовью окружена я была съ колыбели; но мать моя, помню, всегда была печальной и блѣдной, много плакала, тосковала и чахла. Отецъ рѣдко бывалъ дома, развѣ на пышныхъ охотахъ... а то больше проводилъ время въ рыцарскихъ пирахъ и потѣхахъ. Мы съ мамой почти привыкли къ своему одиночеству: она занималась со мною, утѣшалась своей Марылькой и отводила душу въ молитвѣ.,. а я,—заго-

рила она игриво, кокетливо,—я бѣгала по пустыннымъ заламъ нашего дворца, гуляла въ густомъ, густомъ и тѣнистомъ саду, большею частью одна... и все думала: разныя картины приходили мнѣ въ голову—изъ прочитанныхъ сказокъ, исторій, изъ разсказовъ мамы и жившаго въ нашемъ замкѣ ксендза,—онъ очень меня любилъ, и ласкалъ и называлъ все „крулевой“... Такъ вотъ, мнѣ представится что-либо и я начинаю воображать, что я дѣйствительно или могучая волшебница, или знаменитѣйшая принцесса, или повелительница невѣрныхъ, или Московская царица... и все пышное рыцарство кланяется, весь народъ, вся чернь падаетъ въ ноги... а я, то улыбнусь имъ—и всѣ расцвѣтутъ въ счастьѣ, то взгляну строго—и всѣ задрожатъ, поникнувъ въ тоскѣ головой... и такъ это мнѣ все живо, точно въявь... Когда я играла съ дѣвочками и хлопчиками нашей надворной шляхты, то тоже любила карать ихъ и миловать по-крулевски... Только что это я?—спохватилась она вдругъ и вся, зардѣвшись, зажала по дѣтски рукой себѣ ротъ.

— Продолжай, продолжай, моя „зиронько“, мое солнышко,—отвелъ тихо Богданъ ея руку,—твой лепетъ такъ любо мнѣ слушать и всѣ малѣйшія подробности изъ твоей жизни мнѣ дороги, вотъ какъ бы твоему отцу.—Богданъ дѣйствительно ощущалъ какое-то, неизвѣданное еще имъ, состояніе духа: ему казалось, что поднимаются надъ нимъ тихія журчащія, теплыя волны и, лаская, лелѣя, убаюкиваютъ его, словно мать, въ дѣтскіе, свѣтлые, невозвратные годы.

— О, мой покровитель, мой благодѣтель!..—запѣла вкрадчивымъ, захватывающимъ душу голосомъ панночка,—я не знаю почему... я въ первый разъ вижу пана, а мнѣ тоже кажется, что панъ близкій, близкій мнѣ родичъ, что при немъ ничего не страшно, а только хорошо, такъ хорошо!.. Да, да,—зачастила она, словно сыпя по серебру жемчугомъ,—я вотъ сказала, что мы были почти все время съ мамой однѣ... но къ намъ иногда заѣзжалъ мой дядя, рябой, рябой съ зелеными, какъ у жабы, глазами, котораго я страшно боялась... и убѣгала въ садъ, чтобъ не видѣть... да и мама блѣднѣла всегда, когда заслышитъ бывало у „брамы“ его трубу.

— Тоже Грабовскій?

— Нѣтъ Чарнецкій... изъ Волыни.

— Чарнецкій?—переспросилъ Богданъ,—разумный и отважный панъ... заносчивъ немного и завистливъ, а вояка добрый.

— Не знаю, но по всему было видно, что онъ страшно злой: я не могла перенесть его взгляда... и мама тоже... онъ что-то всегда наговаривалъ на отца, грозилъ и приставалъ къ мамѣ... и мама всегда долго и безутѣшно рыдала послѣ его отъѣзда, становилась

блѣднѣй и блѣднѣй, пока не слегла въ постель... Ахъ, какіе тогда потянулись грустные дни и ночи! Я не отходила отъ постели страдалицы... мнѣ уже пошелъ тогда десятый годъ, и я понимала, что скоро лишусь своей дорогой мамы... И она угасла... угасла тихо, безропотно, не дождавшись даже отца и поручивъ меня единому Богу... Охъ, и стала я съ того ужаснаго дня сиротой!—судорожно сжала хрупкіе пальцы панянка и опрокинула голову назадъ, устремивъ безконечно печальный взоръ въ какую то невѣдомую даль. Во всей ея фигурѣ сказывалось уже не дѣтское горе, а глубокая скорбь.

Богданъ молчалъ, не прерывая этой тяжелой скорбной минуты, навѣянной воспоминаніями, и чувствовалъ, какъ въ его груди тоже звучала сочувственно унылая нота.

— Ахъ, отецъ поздно пріѣхалъ и засталъ уже мою мать на столѣ,—начала снова Марылька, переведши нѣсколько разъ дыханіе и смахнувши платкомъ нависшую на рѣсницѣ слезу.—Онъ обнялъ меня горячо и поклялся у гроба, не покидать меня ни на часъ и загладить нѣжной любовью всѣ причиненныя прежде страданія... Онъ самъ, видимо, страшно терзался и посѣдѣлъ въ одну ночь... А когда подняли гробъ въ костелѣ и застоналъ органъ, потрясая печальными звуками реквіума мрачные своды, то съ отцемъ сдѣлался какой-то страшный припадокъ: онъ почернѣлъ весь, зарыдалъ, заметался и началъ биться головою о крышку гроба, произнося съ захлебываніемъ какія-то непонятныя мольбы и раскаянія... „Прости, прости меня!—запомнились мнѣ нѣкоторыя фразы,—ты завяла... ты склонилась къ землѣ... чистая, непорочная... Мое ядовитое дыханіе убило тебя... я проклятый землею и небомъ... нѣтъ мнѣ мѣста здѣсь... нѣтъ мнѣ мѣста нигдѣ: за мои дѣла и пекло меня не приметъ!“

— Несчастный, сердечный,—тихо, растроганно промолвилъ Богданъ,—онъ преувеличивалъ все... я зналъ это чудное сердце... а если и было что, такъ онъ „спокутовалъ“, отслужилъ втрое...

— Да, отецъ невыносимо страдалъ,—продолжала грустно Марылька,—онъ долго пролежалъ боленъ, чуть не умеръ.. а потомъ, вставши съ постели, перемѣнился совсѣмъ, совсѣмъ, такъ что никто и узнать въ немъ не могъ прежняго грознаго можновладца, и не такъ измѣнился онъ тѣломъ, какъ измѣнился душой: прежней гордости, дерзости и своевольства не осталось и слѣда; онъ сталъ ко всѣмъ добръ, щедръ и милостивъ... а ко мнѣ—такъ и словъ нѣтъ сказать, какъ онъ привязался: жилъ мною, дышалъ мною, молился на меня... Весь запасъ любви, какой былъ въ его источенномъ муками сердцѣ, онъ отдалъ мнѣ и сдержалъ дѣйствительно клятву: не отлучался отъ меня ни на день. Моя улыбка доставляла ему единственную радость, моя задумчивость погружала его въ тугу-печаль, мое не-

домоганіе повергало его въ ужасъ... и сколько нѣжности, сколько теплаго чувства проявилъ къ своей сироткѣ татусь мой, какъ я его полюбила и за любовь ко мнѣ и за его страданія... ахъ!—Марылька сомкнула глаза и замолчала, подавленная трогательнымъ, щемящимъ, волненіемъ; на поблѣднѣвшихъ ея щекахъ легли отъ рѣсницъ дрожащія тѣни.—Ахъ,—очнулась наконецъ она послѣ короткаго забытья,—это было счастливѣйшее для меня время. Мы зажили снова затворниками въ нашемъ Мліевскомъ замкѣ и зажили душа въ душу: отецъ мнѣ много разсказывалъ про чужіе края, про иноземныя страны, про обычаи другихъ народовъ, много давалъ мнѣ читать разныхъ книгъ, и мы коротали незамѣтно съ нимъ длинные зимніе вечера, а лѣтомъ гуляли и катались по лѣсамъ, по полямъ и по нашимъ помѣстьямъ... Простой людъ, хлопы—и тѣ полюбили отца; онъ запретилъ жидамъ и экономамъ обижать его, строго запретилъ.. При мнѣ разъ кричалъ, что, кто тронетъ пальцемъ селянина, такъ онъ его тронетъ саблей... и до того сталъ добрый, до смѣшного, что разъ даже назвалъ хлоповъ своими братьями...—засмѣялась она.

— О, мой дорогой, незабвенный другъ,—вздохнулъ порывисто Богданъ,—если-бъ такихъ золотыхъ сердецъ было хоть немного среди магнатовъ, рай бы насталъ въ Украйнѣ и въ Польшѣ!

Марылька посмотрѣла съ недоумѣніемъ на своего собесѣдника и поняла въ его возгласѣ только, то что онъ сочувствуетъ искренно ея дорогому отцу.

— Такъ вотъ, мой добрый, мой коханый пане,—отблагодарила она заискрившимся взглядомъ своего новаго покровителя, друга отца,—и прожили мы съ таткомъ тамъ тихо да счастливо почти четыре года, даже тоска по матери стала терять свою ѣдкость и превратилась въ кроткую грусть... Въ это время почти никто не посѣщалъ насъ... всѣ считали отца тронутымъ... только разъ заѣхалъ къ намъ этотъ звѣрь Чарнецкій; я побоялась выйти и слышала, какъ онъ ругался съ отцемъ, какъ чего-то требовалъ съ угрозой... кричалъ, что татусь будетъ „банитой“: чуть дѣло не дошло до убійства... Я закричала, выбѣжала, бросилась къ отцу и своимъ появленіемъ, кажется, прекратила ссору... по крайней мѣрѣ Чарнецкій, разразившись проклятіями, сейчасъ-же уѣхалъ. Татусь мнѣ потомъ говорилъ, что этотъ звѣрь требовалъ меня за дарованіе ему покоя. Съ того времени отецъ загрустилъ снова, сдѣлался мрачный, о полночи сталъ ходить по покоямъ... Мнѣ слышались часто его протяжные стоны и молящій кого-то, болѣзненный шепотъ... Я будила свою няню, и мы шли торопливо къ отцу и находили его иногда на колѣняхъ блѣднаго, дрожащаго, съ невысохшими слѣдами слезъ на щекахъ... онъ тяжело дышалъ и говорилъ, что его преслѣдуютъ какіе-то призраки. Съ тѣхъ поръ

стали появляться въ нашемъ замкѣ знахарки, гадальщицы, ворожеи... и одна изъ нихъ старая цыганка особенно полюбилась отцу: она умѣла ловкими предвѣщаніями, удачными совѣтами, а особенно льстивыми рѣчами и клятвами снискать его полное довѣріе; я этой старухи сначала страшно боялась, но она одолѣла и мое отталкивающее чувство то разсказами, то забавами, то угодами; она наконецъ приручила и меня, завѣривъ всѣхъ, что души не чаетъ во мнѣ... Въ послѣднее время цыганка совсѣмъ у насъ поселилась; отецъ ее награждалъ щедро, посылалъ на развѣдки, получалъ отъ нея разныя свѣдѣнія и подчинялся ея указаніямъ...

Марылька замолчала и провела рукой по лбу. Лицо ея становилось блѣднѣй и блѣднѣй, глаза сосредоточенно глядѣли въ одну точку, словно всматриваясь въ развертывающееся передъ ней прошлое. Богданъ жадно слушалъ раскащицу; каждое ея слово падало жгучей искрой ему на сердце и оставляло въ немъ слѣдъ: и печальная исторія его усопшаго друга, полная таинственныхъ событій да фатальныхъ невзгодъ, и судьба его дочери, которую поклялся онъ умирающему товарищу любить, какъ свое родное дитя,—все это трогало его душу, захватывало его всего. Время шло; ночь незамѣтно плыла; чайка все больше и больше качалась...

— Разъ, помню,—заговорила снова медленно и съ напряженіемъ Марылька, словно ей не подъ силу было разбудить уснувшій, пережитой ужасъ...—отецъ мой получилъ какое-то смутное извѣстіе и поблѣднѣлъ весь, зашатался... Мы перепугались... Цыганка прибѣжала, отшептала „прыстритъ“ и начала гадать: раскидывала зерна, жгла зелье, кипятила какую-то приправу и наконецъ сказала, что нужно, чтобъ тато собиралъ войско, потому-что непреложная бѣда у воротъ... А татусь ей:—„коли, говоритъ, это то лихо, что поднялъ на меня лютый мой врагъ, такъ если оно созрѣло на сеймѣ, то мнѣ остается одно изъ двухъ—либо подставить свою буйную голову, либо бѣжать... но все таки Марыльки своей не отдамъ: ты спасешь ее“... Цыганка начала клясться и цѣловать татусю колѣни, а я бросилась со слезами къ нему на шею... А на другой, или на третій день... ой! ой! Езусъ—Марія, что случилось? Обступилъ нашъ замокъ Чарнецкій цѣлымъ войскомъ съ гарматами и началъ громить его, а мѣстечко жечь... Отецъ велѣлъ запереть ворота, поднять мостъ и поклялся вмѣстѣ съ нашей командой лечь костьми, а не отдать своего предковскаго добра на грабежъ... Хотя онъ былъ блѣденъ, но въ глазахъ его сверкалъ прежній огонь горделивой отваги; онъ торопливо призвалъ цыганку, далъ ей въ руки „торбинку“ червонцевъ да меня и сказалъ взволнованно, горячо: —„у всѣхъ единый Богъ въ небѣ, ты поклялась Имъ спасти мою дочь, такъ исполни-жъ свою клятву... настала минута!.. Вотъ

ключъ отъ желѣзной двери въ „леху“, отворишь ее, а тамъ, подъ землею, ходъ версты на двѣ до скалы, что въ грабовомъ лѣсу, гдѣ и кони ждутъ... Скачи ночью въ степь, сколько выскочишь, а днемъ пережди въ балкѣ... я васъ догоню... а если не успѣю за день, то вы спѣшите къ порогамъ Днѣпра... Обнялъ онъ меня горячо, перекрестилъ и провелъ въ лехъ... Земля шаталась отъ ударовъ гарматъ, сверкали издали молніи, небо стало, какъ кровь... ой, страшно! Отецъ заперъ за нами тяжелую дверь, и насъ сразу окуталъ могильный мракъ, разлучивъ меня и съ отцемъ, и съ роднымъ пепелищемъ. „Матко найсвѣнтша! Нѣстеты“!—откинулась она въ изнеможеніи, блѣдная, дрожащая, закрывши руками глаза, и судорожно заколыхалась въ рыданьи...

Богданъ испугался ея истерическаго плача, сталъ утѣшать сиротку и ласками, и обѣщаньями, но видя, что это не помогаетъ, бросился къ „мысныку“, налилъ въ кубокъ стараго меду и упросилъ Марыльку, чтобъ его выпила. Послѣдняя отхлебнула нѣсколько глотковъ этой влаги и почувствовала, какъ она живительной струей побѣжала по ея жиламъ. Вскорѣ у панночки потеплѣли руки и ноги, на щекахъ выступилъ алый румянецъ, въ головѣ поднялся какой-то сладкій туманъ... и болѣзненныя ея всхлипыванья стали сразу стихать, уступая мѣсто какому-то игривому, плѣнительному веселью...

Марылька улыбнулась сквозь слезы и ласковыми лучами чудныхъ очей скользнула по красивымъ чертамъ мужественнаго лица, полнымъ и шляхетскаго благородства, и рыцарской доблести, а потомъ, словно сконфузясь чего-то, опустила ихъ внизъ, покрывъ тонкими стрѣлами своихъ темныхъ рѣсницъ. Она незамѣтно отодвинулась отъ своего покровителя, усѣлась на коврѣ, принявъ граціозную позу, и только вздрагивающая, не вполнѣ округленная еще грудь выдавала ея не улегшееся волненье. Инстинктивно, смутно сознавала Марылька, что производитъ впечатлѣніе своею красотой, и это сознаніе зажигало уже въ дѣтскомъ сердцѣ женскую радость, вызывало невѣдомый еще восторгъ торжества власти; эти новыя впечатлѣнія и смущали юную душу, и пробуждали врожденное полячкѣ кокетство. А Богданъ въ умиленьи не отводилъ глазъ отъ этого распускавшагося цвѣтка и незамѣтно, невольно упивался сладкой отравой.

— Панночко, дитя мое, Богомъ мнѣ данное!—заговорилъ онъ снова, послѣ долгой паузы, положивъ ея тонкіе, прозрачные пальцы въ свою желѣзную руку.—Я не могу опомниться отъ Божьей ласки, точно сонъ это все, дивный, еще дѣтскій, хорошій сонъ...

— Ахъ, пане мой!—пропѣла серебристымъ голосомъ панна,— Царица Небесная сжалилась надо мною; я Ей такъ горячо, такъ безутѣшно молилась!—она подняла свои дивныя, съ поволокой, синія

очи, повитыя слезой и произнесла уже съ очаровательной улыбкой. Но панъ мнѣ найдетъ, возвратитъ моего родного отца?

— Пока,—вздохнулъ глубоко Богданъ и отвелъ глаза въ сторону,—ничего не могу сказать тебѣ, квиточка... но Богъ поможетъ... Вотъ, когда освобожусь хоть немного... Да ты, дитятко, не „журись“: я вѣдь поклялся отцемъ тебѣ быть. Рада-ли другому отцу, любъ-ли тебѣ,—не знаю, ну, а мнѣ названная дочка милѣе родной.

— Тато!—бросилась порывисто Марылька и поцѣловала неожиданно въ руку Богдана, потомъ на его протестъ отскочила въ уголъ, бросивъ на него изъ подлобья и благодарный, и пламенный взглядъ.

— Крохотка моя, пташечка моя, не цѣлуй мнѣ никогда рукъ,—вспыхнулъ разчувствовавшійся, непривыкшій къ такой ласкѣ козакъ.

— Панъ—тато мнѣ. А тата нужно любить и „шановать“,—лукаво улыбнулась Марылька и съежилась, какъ котенокъ.

— О, люби меня, моя радость!—съ неподходящимъ къ данному случаю пыломъ воскликнулъ Богданъ,—не пожалѣешь, что пріобрѣла новаго заступника... Но какъ-же, разскажи ты мнѣ, доню, какъ ты попала сюда? Что съ тобой приключилось съ того дня, какъ ушла ты съ цыганкой?

— Бѣжали мы цѣлую ночь,—начала снова Марылька,—бѣжали другую и третью... и остановились въ землянкѣ. Татуся все не было,—вздохнула она грустно.—Такъ прошло пять дней, мучительныхъ и дней, и ночей. Я сначала злилась, а потомъ рыдала, да просила, чтобъ меня вѣдьма добила... ѣсть перестала, даже цыганка испугалась, что я похудѣю... Вотъ и говоритъ, что она пойдетъ и разыщетъ провожатаго, съ которымъ можно будетъ добраться до пороговъ. Какъ я ни боялась остаться одна въ дырѣ, въ той страшной пустынѣ, а стала даже просить, чтобы цыганка скорѣй разыскала провожатаго... а кони у насъ были, еще изъ-подъ Мліева: они въ другой ямѣ стояли. Ушла цыганка, а я сижу одна: страшно, страшно! Запрусь на засовъ, дрожу вся, да „Pater noster“ читаю—просто смерть! Словно зарытая въ землѣ, словно заживо похороненная...

— Голубка моя, любая, „коханая!“—промолвилъ Богданъ растроганнымъ голосомъ и сжалъ ея нѣжную руку.

— Ай! Такъ больно, тато!—улыбнулась Марылька, и начала махать кистью руки и дуть на пальцы.—Ничего, уже прошло,—успокоила она испугавшагося было козака.—Такъ вотъ я и сидѣла одна. Особенный ужасъ нападалъ ночью: кругомъ подымался и визгъ, и вой, царапалось что-то,—оглянулась она и тутъ съ суевѣрнымъ страхомъ.—Брр!... И теперь морозомъ всю обсыпаетъ,—прижалась она къ Богдану,—а на третью ночь,—качнулась она къ самому его лицу и уставила глаза въ глаза,—Іезусъ Марія, какая-то стая про-

рвалась въ заваленный проходъ и съ страшнымъ рычаньемъ да воемъ начала царапаться въ двери.

— Волки?!—съ ужасомъ вскрикнулъ Богданъ.

— Можетъ быть, а, можетъ, что-нибудь и другое,—торопливо закрестилась панна,—я кричу, а они еще больше воютъ и толкаютъ двери, а потомъ слышу, что и землю начали рыть... Я кричала и билась, пока не упала на земь, и ужъ тутъ не помню, что дальше, только меня разбудилъ опять-таки стукъ, но уже другой: стучалась и кричала цыганка. Я отворила и обрадовалась ей, а особенно провожатому.

— Хорошъ, долженъ быть, провожатый! —всталъ взволнованный козакъ и началъ ходить по тѣсной каютѣ.

— Татаринъ,—продолжала панна, слѣдя глазами за своимъ слушателемъ,—и очень, очень поганый .. Они между собой говорили по-татарски, а я ничего не понимала. Цыганка собралась скоро, и мы поѣхали степью. Ну, ѣдемъ безъ отдыха день, и другой: все только лужи, что озера, да пустыня. Наконецъ, пріѣхали въ какой-то таборъ: все кибитки, да кибитки! Татаринъ исчезъ, а мы остались однѣ, и я съ ужасомъ начала разспрашивать цыганку: куда этотъ косой чортъ завелъ насъ? А тутъ подошелъ къ намъ старикъ въ дорогомъ шелковомъ халатѣ и началъ пристально меня осматривать; глазища у него такъ и бѣгаютъ, такъ и горятъ... все чмокаетъ губами, да бормочетъ что-то и улыбается, потомъ началъ трогать меня за ноги... я закричала...

— Дьяволъ!—заскрежеталъ зубами Богданъ и брякнулъ саблей въ ножнахъ.—Всѣхъ ихъ выпотрошить!—даже ринулся было онъ, испугавъ своимъ движеніемъ панну.

— Ай!—вскрикнула та,—успокойся, пане: онъ помѣстилъ меня съ цыганкой въ какую-то кибитку, гдѣ были старенькая и молоденькая татарки, но онѣ на насъ страшно сердито смотрѣли, даже ругались, только я не понимала тогда, ругали гяуркой, а молодая такъ даже два раза толкнула меня... Я начала плакать, прятаться за цыганку, а та и на нихъ накричала, такъ что татарки притихли и только глядѣли змѣями изъ подлобья. Ой,—вскрикнула неожиданно панна и прижалась къ Богдану,—мы опрокидываемся, тонемъ?

— Нѣтъ, это качнуло чайку боковою волной.

— Я боюсь моря, боюсь волны!—жалась въ ужасѣ панночка.

— Наша чайка никогда не опрокидывается, никогда, даже въ страшную бурю,—успокаивалъ ее Богданъ.. Вотъ и плавно пошла... А гдѣ, скажи, эта самая цыганка?

— Ее сегодня убили!

— Туда и дорога! Ну, а дальше-жъ что?—остановился передъ ней съ пылающимъ взоромъ Богданъ,—все, все говори безъ утайки.

— Я все и говорю,—взглянула на него съ недоумѣньемъ Марылька.—Насъ привезли въ большой городъ, я разсмотрѣть хорошо не могла, закрывали кибитку, только видѣла вдали море.

— Кафа?

— Да, такъ мнѣ называли потомъ этотъ городъ... Ну, привезли насъ къ какому-то дворцу; высокія „брамы“, узкіе, длинные, почти крытые, дворы, а потомъ по розовой мраморной лѣстницѣ, по коврамъ, провели насъ въ роскошные покои, непохожіе на наши, а совсѣмъ другіе,—оживлялась Марылька, и все больше и больше, жестикулировала и схватывалась съ мѣста:—окна небольшія, всѣ въ разноцвѣтныхъ стеклахъ; когда солнце заглянетъ, то такіе чудные узоры лежатъ отъ нихъ на коврахъ и на стѣнахъ, а ковры какіе: какъ поставишь ногу, такъ въ нихъ вся и потонетъ, вотъ до этихъ поръ,—выставила она чудную, обутую въ мягкій турецкій „чевикъ“ ножку.—А стѣны какія! Всѣ въ узорахъ, да въ каменныхъ кружевахъ, да въ какихъ-то фигурныхъ сводахъ; кругомъ низенькіе, штофные диваны, атласныя подушки, ароматныя курильницы...

— И ты въ такомъ восторгѣ отъ этой тюрьмы?—отступилъ даже Богданъ.—Ну, что-жъ дальше?

— Дальше?—улыбнулась панна и остановила долгій взглядъ на Богданѣ, а тотъ, блѣднѣя отъ нетерпѣнія, не отводя глазъ отъ разскащицы, ждалъ ея дальнѣйшихъ признаній.

— Дальше что?

— Ну, намъ подали угощенія: разныя пирожныя, шербетъ, померанцы, ахъ, какіе вкусные шербеты!—всплеснула она въ восторгѣ руками,—а потомъ кофе, только черное, горькое, а потомъ повели меня въ другую комнату и показали цѣлые шкафы нарядовъ всякихъ, всякихъ: и шелки, и „адамашки“, и шали, и перлы, и самоцвѣты. Ахъ! Глаза у меня разбѣжались. А цыганка и говоритъ, что старичекъ все это мнѣ даритъ, чтобы я вотъ сейчасъ выбрала себѣ уборъ, потому что старое мое платье поистрепалось. Ну я и выбрала такое хорошенькое, да пышное...

— А дальше то, дальше?—слышался почти стонъ въ голосѣ смущеннаго козака.

— Дальше? Пришелъ къ намъ ввечеру тотъ самый старикъ еще въ лучшемъ халатѣ; цыганка схватилась и бросилась ему въ ноги, а онъ ко мнѣ. Я оторопѣла, стою; только дѣдъ ничего: смотритъ все на меня, улыбается, руки къ сердцу прижимаетъ и глазами вотъ такъ и водитъ... смѣшно... да все къ татаркѣ что-то, а та только кланяется, а потомъ говоритъ мнѣ, что вотъ вельможа

нашъ жалуетъ меня всѣмъ, что я, молъ, полюбилась ему какъ дочь,—улыбнулась лукаво Марылька,—что паша проситъ, чтобы я не тревожилась, что меня никто пальцемъ не тронетъ, что онъ пошлетъ гонцовъ разыскать, кого мнѣ хочется, но что это можно только весной, а чтобы мнѣ пріятнѣй было самой разговаривать, такъ онъ-де пришлетъ учителей учить меня по-турецки, а потомъ, когда паша уходилъ, то поцѣловалъ меня въ голову и что-то сказалъ. Цыганка объяснила, что онъ звалъ меня и розой, и какою-то звѣздой, повелительницей...

— Старикъ приходилъ къ намъ часто,—продолжала Марылька,—все восхищался и прикладывалъ руку то къ головѣ, то къ сердцу, а потомъ и учителя начали приходить, такіе противные, черные, безусые, безбородые, какъ бабы, и я училась... а знаешь, тато, что значитъ: „силяй, ай лекимъ?“

— Знаю: я по-турецки и по-татарски умѣю.

— Умѣешь? Тебя, тато, учили? Вотъ и отлично,—захлопала она въ ладоши,—мы будемъ разговаривать и насъ никто не пойметъ.

— Хорошо, хорошо! Ну, а дальше?..

— Что-жъ дальше? Хоть насъ и кормили, и одѣвали, и холили, а тоска пошла смертная! Я просилась хоть погулять,—не пускали, только въ закрытомъ „каюкѣ“ возили иногда, да водили гулять въ садъ, окруженный стѣною. Я опять стала плакать и чахнуть въ этой тюрьмѣ: такая меня окрыла туга-печаль, такая боль за татусемъ родненькимъ, за своей родиной, за горами, за Волынскими лѣсами, за нашими „роскошами“, привольями... Сердце чуяло, что только тамъ оно можетъ найти искренняго друга, что только ему оно можетъ откликнуться,—брызнула она на своего покровителя искрами загорѣвшихся глазъ, и потомъ добавила совершенно невинно:—Ну, мнѣ стали приводить танцовщицъ, показывать фокусы...

И Марылька начала передавать съ такимъ наивнымъ восторгомъ всѣ эпизоды и случаи изъ своей Кафской жизни, что у подозрительнаго козака отхлынула совсѣмъ отъ сердца тревога, а напротивъ зажглась и запылала въ немъ яркая радость: онъ весь обратился въ слухъ, и, безучастный въ это мгновеніе ко всему міру, наслаждался лишь чарующей прелестью, обаятельнымъ голоскомъ, да обольстительной игривостью своей новой, обрѣтенной такъ неожиданно, такъ чудесно дочки.

Между тѣмъ послышался слабый стукъ. Марылька прислушалась и прервала свои слова.

— Что-то, какъ будто, стукнуло, или треснуло,—замѣтила она.

— Гдѣ? Что треснуло?—вздрогнулъ, словно во снѣ, Богданъ, не понявши ясно ея словъ.

— На потолкѣ, или это я табуреткой,—засмѣялась она,—вѣрно, табуреткой, да, да!.. А потомъ цыганка открыла мнѣ,—закончила съ загадочной улыбкой панна,—что меня ждетъ новая, блестящая, счастливая доля, что я буду вознесена на такую высоту, что и глянуть страшно, что я буду могучей повелительницей востока,—и все, все склонится у моихъ ногъ, а я, въ золотѣ и брильянтахъ, буду однимъ мановеньемъ руки рѣшать судьбы народовъ!

— А!—застоналъ Богданъ,—тебя купили у чортовой вѣдьмы, какъ товаръ, чтобъ съ выгодой потомъ перепродать въ болѣе дорогіе гаремы... и это тебя не возмущало? Впрочемъ, могла-ли ты, мое ненаглядное дитятко, знать въ этомъ продажномъ мірѣ всѣ скверны... И сердце, и помыслы дѣвичьи у тебя чисты, какъ чиста яснымъ утромъ на небѣ лазурь.

— Понять-то я всего не могла,—опустила она стыдливо глаза,—но мнѣ казалось, что если быть въ тюрьмѣ, то лучше уже быть въ болѣе пышной. Власть и богатство начинали прельщать меня, а роль повелительницы опьяняла мое воображеніе... Притомъ-же, я, въ безъисходной долѣ своей, порѣшила давно, что моего отца нѣтъ больше на свѣтѣ, и что не найдется на моей родинѣ никого, кому бы дорога была заброшенная въ тюрьму сиротка, кто бы протянулъ ей руку помощи... порѣшила и покорилась съ тоской своей участи, утѣшая себя лишь сказочными миражами... Ну, меня повезли на галерѣ, на насъ напали... Остальное знаетъ мой тато...

Опьяненными отъ восторга глазами смотрѣлъ Богданъ на свою новую дочку; въ груди его бушевала безумная радость, сердце сладостно билось, каждая жилка дрожала отъ счастья и млѣла... Сначала онъ возмутился было приливомъ нежданнаго чувства, неподобавшаго закаленному козаку, семьянину; но потомъ оправдалъ его обязанностями побратыма, клятвой, данной пожертвовавшему жизнью своей товарищу, что онъ будетъ любить и жалѣть его дочь, какъ свою, а потомъ... потомъ онъ уже и не сталъ сдерживать бурнаго потока, охватившаго его огненной лавой.

Марылька почуяла этотъ зной и зажглась отъ него, зардѣлась вся полымемъ: на нее самое произвелъ сильное впечатлѣніе статный, полный мужественной красоты рыцарь, съ орлинымъ взглядомъ, съ властнымъ голосомъ, а его подвигъ, его горячее сочувствіе, проявившееся къ ней, отозвались въ ея польщенномъ сердцѣ благодарной, созвучной струной..

— Ахъ, тогда было мнѣ все равно,—вздохнула она грустно,—а теперь...—ожгла она атамана взглядомъ,—теперь... я бы скорѣе бросилась въ море, чѣмъ продала свою жизнь,—произнесла она искренно, горячо.

— Дѣточка моя, счастье мое!—вскрикнулъ въ экстазѣ Богданъ и прижалъ къ мощной своей груди Марыльку, осыпавъ ее поцѣлуями; потомъ, опомнившись и устыдясь своего порыва, отошелъ сконфуженно въ сторону и, открывъ крохотное оконце, выставилъ на свѣжій и сильный вѣтеръ свое пылающее лице.

Начинало уже сѣрѣть; чайку сильно качало. Второй разъ послышался слабый стукъ въ потолокъ, но Богданъ, погруженный въ себя, не замѣтилъ его: онъ ощущалъ въ груди лишь пламенный ураганъ, потрясавшій всѣ его нервы, всѣ фибры какимъ-то неизъяснимымъ восторгомъ, какимъ-то сладкимъ угаромъ.

Наконецъ, Богдану почудился возрастающій шумъ на палубѣ и донеслись оттуда даже крики; они отрезвили его и заставили спѣшно направиться къ выходу, но въ это время дверь распахнулась, и на порогѣ показался встревоженный дѣдъ.

— Иди, сынку, скорѣе на палубу!

— А что тамъ такое?—очнулся Богданъ.

— Да что-то неладно: вѣтеръ крѣпчаетъ, вдали показались какъ будто ворожьи суда,... всѣ тебя ищутъ, ропщутъ...

— Ропщутъ?! Чего?

— Да просто подурѣли, бунтуютъ... Нашлись пріятели Разсохи, гомонятъ, что козака, молъ, бросили въ море за бабу, а атаманъ съ ней возится до свѣта...

Побагровѣлъ Богданъ и бросился на „чардакъ“.

Онъ стремительно выбѣжалъ изъ каюты на верхъ и остановился на „чардакѣ“, окинувъ всѣхъ гордымъ, вызывающимъ взглядомъ. Лицо его пылало отъ волненія, глаза сверкали мрачнымъ огнемъ, непокрытая шапкой „чуприна“ трепалась на вѣтрѣ. При появленіи „наказного“, всѣ сразу притихли; но по сумрачнымъ лицамъ, по опущеннымъ внизъ глазамъ, можно было догадаться, что за минуту между „товарыствомъ“ шла буря и что буря эта была направлена противъ него, ихъ батька-атамана.

— А что, панове товарыство, чѣмъ это вы недовольны?—спросилъ, наконецъ, не дожидая запроса, Богданъ.

Вопросъ остался безъ отвѣта. Козаки хранили упорно молчаніе, нагнувъ еще ниже свои бритыя съ „оселедцами“ головы.

— Что же, панове,—обратился къ нимъ снова Богданъ, выждавъ длинную паузу,—коли есть что, такъ говорите прямо въ глаза, какъ подобаетъ честному лыцарству, а не „по за очи“: правда, вѣдь, свѣта не боится, а кривда только любитъ потемки...

Послышался робкій, неясный говоръ: или мятежные боялись разгнѣвать атамана, или не рѣшались его огорчить; впрочемъ, между гуломъ тревожнаго говора уже слышались отрывистыя слова: „не до

часу забава"... „покарали одного смертью за бабу, а самъ атаманъ"... „смерть ей, чертовкѣ!" Послѣдняя фраза начала повторяться выразительнѣе и чаще, грозя перейти въ общій крикъ.

Отлила кровь у Богдана отъ лица къ сердцу, закипѣло оно оскорбленіемъ, гнѣвомъ загорѣлись глаза; онъ поднялъ надменно голову, сжалъ въ рѣзкую складку черныя брови и властнымъ голосомъ остановилъ возрастающій ропотъ.

— Что-о?—почти крикнулъ онъ, сложивъ на груди руки.— Выходите, клеветники, и обвиняйте меня смѣло въ такой гнусности, а не прячьтесь за головы другихъ, какъ школяры въ бурсѣ! Знаете-ли вы, безумцы, чья это дочь, дитя недорослое? Это дочь вашего товарища, не пожалѣвшаго за насъ свою жизнь, дочь, блаженной памяти, запорожца Грабины.

— Грабины?—раздался по всей чайкѣ единодушный крикъ.

— Да, Грабины,—продолжалъ Богданъ, замѣтивши, какое впечатлѣніе произвели на окружающихъ его слова:— онъ самъ еще въ Сѣчи признался мнѣ въ томъ, что у него дочь есть, Марылька, которую цыганка украла и продала въ неволю. Когда онъ услыхалъ, что мы безъ него уйдемъ въ походъ, то, безъ моего вѣдома, закрался въ чайку, надѣясь, что мы не минемъ Кафы, гдѣ зналъ, что находилась его дочь... Передъ смертью заклиналъ онъ меня и заставилъ поклясться, что я спасу ее... И вотъ самъ Господь, „взглянувшись" надъ душей несчастнаго товарища, посылаетъ намъ на встрѣчу его дочь... а вы... вы что хотѣли сдѣлать? Въ благодарность за то, что Грабина жизни своей не пожалѣлъ ради насъ—вы хотѣли умертвить его дочь, да еще что̀ выдумали на невинное дитя!

— Мы не знали, подумать не могли, батьку,—зашумѣли отовсюду сконфуженные голоса..

— Будемъ беречь ее, какъ зѣницу ока! Грѣхъ, панове, оставить въ бѣдѣ дочь товарища!—поднялся дѣдъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Будемъ, будемъ! Живота за нее не пожалѣемъ,—отозвались всѣ горячо.—Пусть она дочкой нашей будетъ!

— Спасибо вамъ, дѣти!—поклонился всѣмъ Богданъ, обнаживши голову,—отъ лица покойнаго Грабины, который уже не можетъ „озваться", говорю вамъ спасибо.

— Что ты, что ты, сыну!—остановилъ его дѣдъ:— за что тутъ „дяковать". Мы всѣ объ ней должны подумать, какъ и онъ подумалъ о насъ.

— Правда, правда!—отозвались шумно козаки.

— Ну, вотъ и дѣло!—повеселѣлъ Богданъ:—можетъ и намъ Господь за добрый „вчынокъ" пошлетъ свою ласку... Только вы

не промолвитесь никто, что батько панночки уто-нулъ, а то это извѣстіе убьетъ ее... она наложитъ на себя руки...—и онъ сталъ продолжать свой разсказъ.—Такъ вотъ, видите-ли, панове, я съ одного ея слова замѣтилъ, что она полька и пошелъ допросить „бранку“. Слово по слову,—она мнѣ и разсказала, что она полька, Грабовскаго пана дочка, что его преслѣдовали паны за братанье съ народомъ, что сдѣлали наѣздъ, что онъ спасся на Запорожье, а ее, дочку его, во время разбоя, украла цыганка и отвезла въ Кафу, а изъ Кафы уже доставляли въ Царьградъ, въ гаремъ.

— Ахъ они дьяволы!—раздались среди козаковъ гнѣвные возгласы.

— То-то,—продолжалъ Богданъ,—несчастное дитя жизни себя лишить хотѣло, а вы то что...

— Прости, батьку,—обнажились многія головы,—начали мы галдѣть, а тутъ снова буря встаетъ да и ворожьи галеры...

— Какое же у васъ довѣріе ко мнѣ, коли довольно одного пустопорожняго слова, занесеннаго вѣтромъ, чтобы взвесть на атамана „пакость“.

— Прости, прости, батьку!—завопили всѣ козаки, нагибая чубатыя головы.—Это вотъ Разсохины пріятели взъѣлись на панну, что черезъ нее загинулъ славный козакъ... а ужъ изъ-за нея какъ-то поремствовали и на тебя, батьку...

— Неправда, несчастный Разсоха пострадалъ не черезъ невинную панну, а черезъ пьянство: оно его довело и до грѣха, и до смерти.

— И справедливо,—подтвердилъ дѣдъ,—паршивая овца все стадо портитъ!

— Какъ-же не портитъ, коли портитъ!—съ азартомъ выкрикнулъ черномазый, какъ цыганъ, козакъ.—Вонъ и пріятели его „наважились“ на нашего батька поднять голосъ... и ихъ бы въ море!

— Каемся!.. Прости на словѣ!—отозвались дрожащими голосами три козака, сидѣвшіе между гребками, внизу чайки.—Хоть и покарай, а прости, батьку!

— Богъ васъ проститъ!—сказалъ торжественно Богданъ, успокоившись внутренно за панянку.—Гдѣ люди, тамъ и грѣхъ... А только помните братцы, что для Богдана ваша доля и ваше благо—важнѣе всего на свѣтѣ!

— Вѣримъ, вѣримъ!.. Слава атаману!—загалдѣли со всѣхъ гребокъ козаки, махая шапками въ воздухѣ.

Богданъ тоже снялъ шапку и, поклонившись товарищамъ, началъ осматривать море кругомъ.

Было уже полное утро; но туманъ или предвѣстники бури—низко несущіяся облака—закутывали даль молочною мглой; волны словно курились бѣлымъ паромъ, что сначала за ними бѣжалъ, потомъ тяжелѣе сгущался, а встрѣтясь съ сосѣдней струей, клубился, сливаясь въ какой-то безконечный пологъ, ползущій надъ моремъ.

— Съ какой стороны были, диду, галеры?—спросилъ, наконецъ, у дѣда Богданъ.—Не вижу нигдѣ...

— Да, затуманило,—мотнулъ головою старикъ,—а вонъ тамъ, на „полуднѣ“ были видны... штуки три, либо четыре...

— Гм! Значитъ, турецкія...—задумался Богданъ.—Оно бы не дурно „пошарпать“ и потопить еще штуки двѣ, да мало насъ, а въ туманѣ и не соберешь... По моему, лучше повернуть прямо на полночь... Къ тому-же и вѣтеръ, кажись, сталъ „погожимъ“.

— Правильно, сынку, „миркуешь“: вѣтеръ поможетъ прибиться намъ къ берегу и по моему разсчету—къ Буджацкому, потому что-то насъ здорово отнесло въ правую руку.

— Такъ это отлично!—обрадовался Богданъ. — Только какъ-бы намъ собрать чайки, да сообщить всѣмъ нашу думку? Вѣдь стрѣлять изъ „гарматы“ опасно, какъ разъ привлечешь тѣмъ врага...

— Оно-то какъ будто такъ... А „про то“, кто его знаетъ, сыну?—потеръ рукою лобъ дѣдъ.—Врагъ то все равно „прямуетъ“ на насъ, того и гляди, наскочитъ въ туманѣ, вѣдь онъ на парусахъ претъ, а мы на веслахъ... такъ все единственно... а гуртомъ и обороняться легче.

— Пожалуй, что и такъ,—согласился Богданъ,—если-бы и мы подняли паруса, да двинулись наутекъ, такъ этимъ черепахамъ не догнать-бы насъ... Эхъ!—махнулъ онъ энергично рукой,—„чому буты, тому статысь“, а прикажите-ка, диду, „гукнуть“ раза два изъ „гарматы“.

Черезъ нѣсколько мгновеній вздрогнула чайка и раздался звукъ выстрѣла, глухо исчезнувшій вдали. Богданъ воспользовался небольшимъ промежуткомъ времени между вторымъ выстрѣломъ, проскользнулъ незамѣтно въ каюту и успокоилъ Марыльку. Гаркнула и второй разъ фальконетная пушка. Богданъ уже стоялъ вновь на „чардакѣ“ и зорко присматривался да прислушивался кругомъ; онъ даже велѣлъ остановиться и поднять весла...

Туманъ налегалъ и густѣлъ все сильнѣй и сильнѣе; съ „чардака“ уже трудно было разглядѣть и корму въ чайкѣ... Послышался плескъ... „Свои или галера“?—мелькнула у атамана мысль, и онъ отдалъ тихо приказъ осмотрѣть оружіе и быть на готовѣ.

Но вотъ показался острый носъ, и чайка, скользнувъ по волнѣ, чуть не ударилась объ атаманскую.

— Наши!—послышался успокоительный говоръ.

— Чья чайка?—спросилъ Богданъ.

— Сулиминская,—отвѣтилъ съ нея рулевой.

— А какъ атаману вашему?

— Слава Богу!

— А другихъ чаекъ не видѣли?

— За нами двѣ ѣхало.

Вскорѣ показалось изъ тумана еще три чайки, а впродолженіе получаса—еще три, и потомъ, наконецъ, еще одна; больше же не прибывало. Дальше ждать было и безполезно, и опасно: въ туманѣ чайки неслись куда-то, по волѣ волнъ, и можно было ожидать ежеминутно столкновенія съ галерой, тѣмъ болѣе, что послѣдняя чайка принесла извѣстіе, что видѣла ее недалеко отсюда.

— Панове-молодцы, лыцари-запорожцы!—зычно крикнулъ Богданъ,—намъ мѣшкать больше нельзя,—врагъ на носу. Поручимъ товарищей нашихъ святому Богу и заступницѣ за насъ, Дѣвѣ Пречистой, а сами поднимемъ сейчасъ паруса и на всѣхъ веслахъ двинемъ за вѣтромъ на „полночь“, къ Буджаку.

— Згода,—отозвались въ туманѣ сотни голосовъ, и чайки, поднявъ свои широкія крылья-вѣтрила, понеслись на сѣверъ, оставляя позади себя крутящіяся ленты сверкающей серебромъ пѣны. Гребцы рвали волны изо всѣхъ силъ, чувствуя за спиной погоню.

Прошло часа два бѣшенаго бѣга. Время приближалось къ полудню. Туманъ, сгустившись въ тяжелыя облака, началъ медленно подниматься надъ моремъ. Въ узкомъ просвѣтѣ показалась невдалекѣ чайка, а вонъ дальше, какъ будто, мелькнула и другая... Между тѣмъ, бѣлыя облака поднимались все выше да выше и рвались въ высотѣ, пропуская сквозь щели яркіе блики лазури, а вотъ сверкнули, пронизывая ихъ, и золотые лучи, окрасивъ бѣлесоватые клубы въ бронзовые и перламутровые колера, сверкнули, заиграли изумрудами на посинѣвшихъ волнахъ и разсыпались искрами по козацкимъ „рушницамъ“. Облака, поднявшись выше, словно растаяли и разметались вѣтромъ по ярко-голубому простору.

Оглянувшись, козаки увидѣли за собой не далѣе, какъ на два пушечныхъ выстрѣла, двѣ галеры; онѣ шли сначала наискось, какъ бы пропуская чайки, но, замѣтивъ ихъ, сразу измѣнили курсъ и повернули прямо на козаковъ. Двѣ другія галеры были въ сторонѣ, звачительно дальше, но тоже, повидимому, повернули, отрѣзывая отступленіе чайкамъ; по сосѣдству было лишь четыре, не больше, а остальныя отбились направо, далеко впередъ.

Богданъ выкинулъ на мачтѣ своей флагъ, означающій разсыпной строй, хотя и безъ того всѣ козаки знали единую въ этомъ случаѣ тактику: разлетѣться во всѣ стороны и заставить галеру преслѣдовать чайки по одиночкѣ. Но едва галера пускалась въ погоню за намѣченной жертвой, какъ разлетѣвшіяся ладьи снова слетались въ тылу, словно легкокрылыя ласточки за злымъ коршуномъ, щипали галеру мѣткими пулями, а при возможности и бросались въ аттаку. На этотъ разъ галеры, примѣтивъ ничтожное количество чаекъ, смѣло двинулись за ними въ погоню.

Ладья наказного атамана попробовала было, лавируя въ сторону, выйти изъ линіи преслѣдованія, но ближайшая галера намѣтила ее зорко и не выпускала изъ курса. Вѣтеръ попутный крѣпчалъ; выгнутый, что лебяжья грудь, парусъ накренялъ ладью на одинъ бокъ, и она стрѣлою неслась, разрѣзывая острымъ носомъ встающія волны, а дружные удары веселъ еще увеличивали ея размѣренные скачки. Но галера летѣла на всѣхъ парусахъ и хотя разстояніе между нею и чайкой, на, и глазъ не уменьшалось, но за то и не увеличивалось... Вопросъ теперь состоялъ въ томъ, не измѣнятъ-ли козакамъ силы, а, главное, вѣтеръ! Если они удержатъ до ночи такое же разстояніе, то будутъ спасены, а если до сумерокъ приблизится къ нимъ на пушечный выстрѣлъ галера, то гибель ихъ неизбѣжна.

Богданъ стоялъ теперь на кормѣ у руля неотходно, зорко слѣдя за бѣгомъ чайки и поворачиваясь все чаще и чаще назадъ.

Всѣ загорѣлыя, бронзовыя лица козачьи были сосредоточены и серьезны, не слышалось ни прибаутокъ, ни смѣху: козаки молча гребли, молча по знаку смѣнялись гребцы и молча свободные отъ гребокъ осматривали мушкеты и сабли. Богданъ тоже угрюмо молчалъ, перекидываясь лишь изрѣдка съ рулевымъ отрывистымъ словомъ; разъ только подозвалъ онъ къ себѣ Рябошапку и что-то шепотомъ сообщилъ ему на ухо.

А панна Марылька, по уходѣ Богдана, снова осталась въ каютѣ одна, подавленная наплывомъ разящихъ впечатлѣній, смѣнившихъ быстро огонь сказочныхъ грезъ на холодъ ужаса, оцѣпенѣніе отчаянія на трепетный порывъ радости. Она лежала на походной „каналѣ“ въ какой-то истомѣ; глаза ея были закрыты, но потрясенные нервы не могли успокоиться сномъ, а раздражали болѣзненно мозгъ, который напрасно силился разобраться въ этомъ хаосѣ мятущихся думъ. Марылька только чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, что поднявшійся надъ ней ужасъ ушелъ, что вмѣсто него у изголовья сталъ кто-то близкій, родной, возвратившій ей бытіе, и отъ этого сознанія трепетало у нея радостью сердце.

Тамъ, въ Кафѣ, Марылька мало-по-малу привыкла къ своей золотой клѣткѣ и начала сживаться со своимъ горемъ; въ наркотической атмосферѣ восточной нѣги и лѣни физическій организмъ ея развивался, словно въ теплицѣ, и она, полудитя еще, уже начинала себя чувствовать женщиной, могущей своими чарами опьянять до экстаза другихъ, даже старцевъ. Шопотъ страстей начиналъ безсознательно просыпаться въ ея сердцѣ и манить чѣмъ-то таинственнымъ, обаятельнымъ, тѣмъ болѣе, что праздный умъ ея въ одиночествѣ питался лишь фантазіями да волшебными сказками, полными заманчивыхъ, неизвѣданныхъ наслажденій. Выѣздъ изъ Кафы, предстоящее ей необычайное положеніе, дѣлали ее сказочною героиней, туманили головку угаромъ и обольщали ея сердце гордыней, и вдругъ—ужасъ насилія, смерти, неожиданное спасеніе и воскресшее прошлое съ его болями, съ его живыми радостями, съ его свѣтлымъ счастьемъ... и наконецъ этотъ спаситель, этотъ благородный, доблестный рыцарь! Кто онъ такой? Откуда явился? Кѣмъ посланъ ей на помощь?—задавала себѣ вопросы Марылька, вызывая въ своемъ воображеніи прекрасный образъ Богдана. По одеждѣ онъ, видимо, козацкій атаманъ, но по разговору, по обращенью—настоящій рыцарь. А кто знаетъ, быть можетъ онъ и есть какой-нибудь князь или графъ. Вѣдь многіе благородные шляхтичи часто ѣздятъ на Запорожье, чтобъ вмѣстѣ съ храбрыми козаками воевать противъ невѣрныхъ... Да... да... вѣдь онъ знаетъ отца ея... Откуда-бъ онъ зналъ его, еслибъ былъ простымъ козакомъ? И всѣ козаки относятся къ нему здѣсь съ такимъ почтеньемъ... Да, иначе и быть не можетъ: такой красавецъ, такой рыцарь, развѣ онъ могъ-бы быть простымъ козакомъ? Навѣрное онъ славный магнатъ, извѣстный на всю Польшу! И Марылька снова вызывала въ своемъ воображеньи красивое лице Богдана съ его благородными чертами и смѣлымъ огненнымъ взглядомъ. Но при воспоминаніи объ этомъ огненномъ взглядѣ, сердце ея начинало биться быстрѣй, и словно какая-то горячая волна пробѣгала по всему ея тѣлу. Марылька вспоминала, съ какимъ восторгомъ остановился Богданъ на порогѣ комнаты, увидѣвши ее, съ какой трогательной тревогой разспрашивалъ о прошедшемъ, съ какимъ сердечнымъ порывомъ клялся замѣнить ей отца, какъ цѣловалъ ея руку, какъ испугался при ея разсказѣ о Кафской жизни, какъ обжигалъ ее восторженнымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, и при каждомъ этомъ воспоминаніи горячая волна пробѣгала по тѣлу Марылки и заставляла биться ея сердце горячѣй... Да, онъ посланъ ей, какъ избавитель, какъ спаситель... Онъ поведетъ ее далеко, далеко, къ какому-то невѣдомому, но прекрасному счастью...

Какіе-то смутные призраки, вызванные разговоромъ съ этимъ красавцемъ козакомъ, вставали передъ ней; неясныя, сладкія мечты зарождались въ душѣ, миражные, невѣдомые образы то тускнѣли, то снова выплывали, яркіе и прекрасные, передъ Марылькой. Глаза ея слипались и снова открывались. Теплота, уютное, спокойное ложе и полная безопасность отгоняли воспоминанья пережитаго ужаса и навѣвали дивныя грезы... А чайку, между тѣмъ, покачивало, и эти равномѣрныя движенія убаюкивали Марыльку. Образы ея фантазіи сливались, принимали все болѣе и болѣе причудливыя формы, и среди нихъ являлся неотступно все тотъ-же красавецъ-козакъ. То передъ ней вставалъ онъ такимъ отважнымъ и прекраснымъ, какимъ она увидѣла его на пылавшей галерѣ, то ей казалось, что онъ любовно прижалъ ее къ своей груди и уноситъ далеко, далеко по снѣжной пустынѣ, то ей мерещилось, что онъ стоитъ въ порфирѣ, коронѣ, и она, Марылька, рядомъ съ нимъ, а вокругъ нихъ шумитъ и кричитъ восторженно все блестящее лыцарство...

Наконецъ, видѣнья всѣ потускнѣли, Марылька свернулась клубочкомъ, какъ кошечка, и забылась сладкимъ, юнымъ сномъ. И приснилось ей, что Богданъ стоитъ передъ ней на колѣняхъ и, охвативши ея голову руками, крѣпко, крѣпко прижимается къ ея губамъ. Отъ этого поцѣлуя какой-то огонь разливается у ней по жиламъ. Марылькѣ и жутко, и страшно, и сладко, и сердце замираетъ у ней въ груди...

Дружно гребли удальцы: не измѣняла козакамъ сила, только смѣны на гребкахъ учащались все больше. Галера была на виду, но чайка замѣтно выигрывала въ бѣгѣ. Уже солнце, перешедши за полдень, склонялось къ рубежу игравшаго изумрудами моря; уже этотъ рубежъ начиналъ зажигаться розовымъ отблескомъ, когда замѣтилъ дѣдъ, что вѣтеръ перемѣнилъ отчасти свое направленіе и какъ-будто-бы сталъ стихать. Два раза дернулъ дѣдъ за веревку, прикрѣплявшую пологъ паруса къ чайкѣ, и оба раза почесалъ себѣ съ досадой затылокъ. Хотя надутый парусъ не терялъ еще красоты своихъ формъ, но по немъ пробѣгали уже струйки какой-то сомнительной ряби, и изрѣдка начинали слышаться тревожныя хлопанья.

— А что, диду, стихаетъ?—спросилъ угрюмо Богданъ.

— Что-то похоже,—проворчалъ дѣдъ,—утомилась, спочивать хочетъ погода... выше еще тянетъ, чтобъ ей пусто было, а надъ водою слабѣетъ... Ишь!—дернулъ онъ еще разъ веревку.

— Погано,—замѣтилъ Богданъ,—это имъ на руку: у нихъ вѣдь, высокія мачты, что звоницы, а у насъ... Хоть бы до сумерокъ дотянуть.

— Да что-жъ? Часа два осталось, не больше... авось вытянемъ... лишь-бы не улегся вѣтеръ съ похмѣлья совсѣмъ.

Прошелъ часъ. Солнце уже начало окрашивать пурпуромъ далекій край моря. Огненная дорога протянулась по неоглядной, синѣющей дали, дробясь на верхушкахъ волнъ въ изумруды, алмазы и яхонты, утопая въ далекой пламенѣющей безднѣ. Вѣтеръ стихалъ и стихалъ. Парусъ, изморщенный, обвислый, колыхался уныло, издавая слабые звуки шороха, словно хрипы умирающаго больного... контуръ галеры яснѣлъ и увеличивался замѣтно для всѣхъ...

Вдругъ на носу галеры показалась струя бѣлаго дыма, и черезъ минуту что-то зашипѣло вдали и шлепнулось въ воду позади чайки, взбивъ цѣлый фонтанъ радужной пѣны... только теперь долетѣлъ отдаленный грохотъ и заставилъ козаковъ оглянуться.

— Ишь, уже кашляетъ!—замѣтили одни.

— Думала плюнуть, да не хватило духу,— улыбнулись другіе.

— А можетъ и намъ, батьку, отплюнуть?—поднялся на ноги черномазый козакъ, оскаливъ бѣлые, какъ перламутръ, зубы.

— Отплюнемъ, небось!—заломилъ шапку Богданъ,—далеко еще, не докинетъ.. А вы, братцы, поналяжьте на весла: вѣтеръ намъ измѣнилъ, да „байдуже“, и безъ него справимся: еще какой-либо часъ—и, хоть-бы имъ повылазило, насъ не увидятъ, а мы еще имъ, дьяволамъ, поднесемъ „червоного пивня“.

— Любо! Атаману слава!—крикнула вся дружина, и весла начали еще быстрѣй взлетать надъ ладьей и дробить въ жемчугъ темнѣвшія воды.

Но какъ ни напрягали своихъ силъ козаки, а конкурировать при такихъ обстоятельствахъ въ бѣгѣ съ галерой было невозможно: послѣднюю верхними парусами гналъ хорошо еще вѣтеръ, а чайка, сложивъ паруса, шла только на однихъ веслахъ. Блеснулъ во второй разъ огонь на галерѣ, загудѣло что-то вдали и рѣзко взбило волну весьма уже близко отъ кормы.

— А ну, „гармаше“, гукни теперь и имъ!—обратился Богданъ къ черномазому козаку.

Молча послѣдній навелъ небольшую, съ длиннымъ дуломъ, фальконетную пушку и, нѣсколько разъ пригибаясь и отклоняясь, провѣрилъ прицѣлъ и приложилъ къ пановкѣ фитиль: загрохоталъ выстрѣлъ, широкими кольцами побѣжалъ бѣлый дымъ по волнѣ. Затаивъ дыханіе, приставивъ руки къ глазамъ, уставились козаки зорко въ галеру. Вдругъ на носу у ней что-то сверкнуло, какія-то щепки полетѣли кругомъ и заметались, отскочивъ назадъ, черныя точки...

— Попало, попало!—крикнули весело козаки.—Молодецъ, цыганъ! Спасибо! Вали имъ еще другую галушку въ гостинецъ!

А солнце уже багровымъ шаромъ погружалось въ далекія, растопленныя червонными золотомъ, воды; еще какіе-нибудь полчаса и козаки уже могли быть покрыты благодѣтельной мглой. Но галера видимо насѣдала, пустивъ, кромѣ верхнихъ парусовъ, въ ходъ и весла.

Грянулъ еще выстрѣлъ съ чайки; но гаркнула въ отвѣтъ и галера: ядро съ страшнымъ свистомъ пронеслось надъ головами козаковъ, оторвавъ маковку мачты, и бултыхнулось далеко впереди, въ море.

— Ишь, каторжные!—погрозилъ кулакомъ дѣдъ,—таки „шкоду зробылы“!

— Да, близко уже клятые, пожалуй, не уйти намъ до полныхъ сумерокъ,—процѣдилъ сквозь зубы Богданъ.—А ну, хлопцы, по два на весла! Нажмите силушку! Солнце спряталось, ползетъ уже по волнамъ туманъ... Только „трошечки“, и имъ дуля!—Перебѣжалъ межъ рядами короткій смѣхъ; подсѣли къ гребцамъ еще козаки и чайка усиленными толчками начала быстрѣе скользить.

— А кто, панове-братове, охочій изъ васъ одурить „голомозаго“ „люлькой“?—возвысилъ голосъ Богданъ.

— Я, я, я!— раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Довольно двухъ: ты, Жукъ, и ты, Блошица,—указалъ Богданъ рукою на черномазаго и на рыжаго козаковъ,—вы въ этихъ „фигляхъ“ опытны! Возьмите сбитую доску и по короткому веслу, да еще по доброй охапкѣ просмоленной пакли, отплывите сейчасъ далеко въ сторону и, когда галера начнетъ приближаться, закурите „люльки“, заискрите кресаламы, а у насъ здѣсь, чтобъ и „люльки“ наверху не было,—подчеркнулъ онъ значительно.—Галера, замѣтивъ огонь, бросится за вами въ погоню, а мы тогда въ противоположную сторону, однимъ словомъ,—„круть-верть—въ черепочку смерть!“

— Знаемъ, знаемъ, батьку!—отозвались охотники.

— Важно!—ободрились всѣ въ чайкѣ.

— А коли галера наскочитъ,—продолжалъ Богданъ,—такъ вы скорѣе прячьтесь подъ ея крутые бока, да, прикрѣпивъ мѣстахъ въ двухъ, въ трехъ паклю, зажгите ее... Растеряются небось голомозые, не до васъ будетъ... Ну, а вы тогда ныркомъ да вплавь, душегубка будетъ на сторожѣ.

Торопливо спустили козаки нарочито приспособленную для этого, доску, усѣлись на ней и понеслись незамѣтною соломенкой въ сторону, а на чайкѣ все замолкло и умерло... Сумерки надвигались; но надвигался вмѣстѣ съ ними и грозный силуэтъ турецкой галеры.

Сумерки сгущались. Прогремѣлъ еще одинъ выстрѣлъ съ галеры, но ядро пронеслось стороной; чайка мертво молчала и про-

бовала незамѣтно измѣнить курсъ... Вдругъ Богданъ замѣтилъ, что галера начала поворачивать въ противоположную сторону.

— Клюетъ!—сказалъ онъ рулевому тихо.—Поворачивай смѣлѣй въ лѣвую руку, а вы, хлопцы, поналяжьте, только поосторожнѣе, еще „хвылыночку“,—и „ударимъ лыхомъ объ землю!“

— Можетъ объ море! Гдѣ тутъ земля!—захихикалъ дѣдъ, и ближайшіе весело улыбнулись, безпечная отвага и удаль подымали бодрость во всѣхъ, а рискъ минуты доставлялъ ѣдкое удовольствіе.

Когда донесся съ галеры до козаковъ трескъ мушкетовъ, то чайка была уже далеко въ сторонѣ, почти позади непріятельскаго судна.

— Ужъ теперь имъ не до насъ!—громко произнесъ наказной,—ударьте смѣлѣе въ весла, и гайда противъ вѣтру!

Дружно всплеснули весла, раздался упругій толчокъ, одинъ, другой, третій,—и чайка понеслась трепетно въ лиловую мглу. Силуэтъ галеры тонулъ вдали, расплываясь въ туманѣ колеблющимися очертаніями, а сумракъ ползъ и закрывалъ отчаянныхъ удальцовъ отъ преслѣдованій врага...

Прошло нѣсколько времени. Вѣтеръ совсѣмъ упалъ. Море ласково закачало бѣжавшую по зыби ладью. Кругомъ стало тихо и мглисто.

— Ну, друзья, теперь уже миновала опасность... Поблагодаримъ Господа! Хай кростъ Его ласка отъ бѣдъ нашихъ спасителей-братьевъ!—перекрестился Богданъ широкимъ крестомъ, а за нимъ обнажились набожно головы всѣхъ козаковъ и послышался сочувственный вздохъ.

— Смотрите, братцы, вонъ!—засуетился одинъ козакъ и привсталъ даже на гребкѣ.

Всѣ оглянулись и увидѣли далеко впереди, дрожавшее и расплывающееся кровавымъ свѣтомъ, въ туманѣ, пятно.

— Зажгли, ей-Богу, зажгли галеру!—хлопнулъ онъ энергично въ ладони.—Молодцы! Лыцари!

— Славно! Вотъ такъ потѣха!—заволновались кругомъ.

— Значитъ, дѣтки мои пока еще живы!—замѣтилъ радостно дѣдъ.

— Слушайте, братцы,—поднялъ голосъ Богданъ,—весла отставь! Теперь „по ночи“ чорта пухлаго насъ найти, да никакой безмозглый и не погонится... а нашимъ орламъ нужно дать знать, гдѣ мы. Такъ запалите кто паклю и на веслѣ поднимите повыше!

Подняли наскоро слѣпленный факелъ; черезъ небольшой промежутокъ времени зажгли и другой... А пожаръ на галерѣ не потухалъ, зарево становилось все ярче и ярче; мигающій, кровавый свѣтъ освѣ-

щалъ уже почти полъ горизонта и отражался зловѣщимъ трепетомъ въ поднебесьѣ.

Наконецъ, послышались невдалекѣ тихіе всплески, и на темно-красныхъ, сверкающихъ алыми бликами волнахъ показался челнокъ съ тремя фигурами.

— Наши, наши! — посыпались на встрѣчу имъ радостные возгласы!—Всѣ, слава Богу, цѣлы!

И добрые молодцы вскорѣ были пересажены изъ душегубки на чайку, при восторженныхъ кликахъ и объятіяхъ атамана и друзей...

Почти цѣлую ночь безъ устали гнали чайку козаки; сначала они забирали все въ сторону отъ пылавшей галеры, служившей имъ теперь маякомъ, а потомъ поворотили прямо на сѣверъ къ предполагаемому Буджацкому берегу. Когда передъ свѣтомъ маякъ совершенно исчезъ или, быть можетъ, погасъ, Богданъ приказалъ отдохнуть козакамъ, не смыкавшимъ три ночи глазъ и, поднявши парусъ, да поставивши по сиѣнамъ „вартовыхъ“, улегся самъ на свернутыхъ канатахъ, подложивъ „лантухъ“ съ сухарями подъ голову.

Прошла ночь совершенно спокойно. Къ разсвѣту опять посвѣжѣлъ вѣтеръ и парусъ снова принялъ граціозныя формы; чайка понеслась съ среднею скоростью, разрѣзывая и опережая угрюмыя волны. Наступилъ разсвѣтъ. Проснулись ободренные сномъ козаки, а еще раньше—Богданъ; онъ уже на разсвѣтѣ былъ у каюты, но панна спала, и онъ, умилившись издали ея чудной красой, на цыпочкахъ отошелъ отъ завѣтной двери наверхъ.

— Диду, какъ вы „миркуете“ относительно этой панны,— обратился какъ-то робко и тихо къ старцу Богданъ.—Вѣдь ей все-таки неудобно быть между нами ни въ женской, ни въ турецкой одежѣ... и какъ-то не „личитъ“, да и опасно—всякія встрѣчи могутъ быть: еще пока Богъ донесетъ до берега, а тамъ тоже по татарскимъ степямъ пока доберемся до родной границы—всего можетъ статься...

— А такъ, такъ, сынку, я и самъ объ этомъ подумывалъ,— уставился въ помостъ дѣдъ,—перерядить бы ее въ наше?

— Добре-бъ, да гдѣ его на такую „дытыну“ достанешь?

— Стой, сынку!—поднялъ голову дѣдъ, весело улыбнувшись.— Я между добычею галерною видѣлъ много дѣтскихъ уборовъ и турецкихъ, и нашихъ: должно быть собачьи невѣры для своихъ хлопцевъ везли.

— Расчудесно!—восторженно потеръ руки Богданъ.—Вотъ такъ хлопецъ будетъ, просто—чудо!

Вскорѣ было найдено между рухлядью нѣсколько подходящихъ паръ и обуви, и одежи и даже шапокъ; все это взялъ съ собою

Богданъ и, незамѣтно спустившись къ каютѣ, передалъ въ двери паннѣ, сообщивъ ей, что для удобства въ пути и для безопасности лучше нарядиться въ мужской костюмъ, тогда онъ-де представитъ ее „товарыству“ и поручитъ его защитѣ.

Когда запорожцы сидѣли за утреннимъ „сниданкомъ“ и уписывали сухари съ саломъ, Рябошапка сдѣлалъ батьку атаману знакъ, и Богданъ, спустившись внизъ, не замедлилъ ввести съ собою молоденькаго „джуру“. Взглянули козаки на атамана-батька съ этимъ хлопчикомъ и разинули рты отъ изумленія: Марылька въ новомъ нарядѣ была обворожительно хороша и своимъ задорливымъ выраженіемъ вызывала даже на суровыхъ лицахъ улыбку восторга.

— Панове-товарыство,—выдвинулъ Богданъ Марыльку немного впередъ,—вотъ вамъ и дитя нашего дорогого...—оборвалъ онъ рѣчь, спохватившись, и добавилъ, бросивши на всѣхъ многозначительный взглядъ,—родственница покровителя нашего, канцлера Осолинскаго... Любите-же ее и жалуйте: разъ спасли отъ смерти, такъ и доставьте отцу, либо дядьку въ невредимости.

— Головы положимъ, пане-атамане, а не дадимъ и волосинкѣ пропасть!—зашумѣли козаки.

— Я, пышное лыцарство, и мой отецъ,—поклонилась низко Марылька и вспыхнула вся яркимъ полымемъ,—будемъ вѣкъ помнить вашу ласку, а для меня это время, что Богъ мнѣ судилъ провесть съ вами, и эта славная одежа будутъ найлучшими воспоминаніями въ жизни.

— Слава „джурѣ“! Слава пышной козачкѣ!—замахали шапками запорожцы, привѣтствуя своего новаго товарища-гостя.

— Разумная головка, славная „дытынка“!—погладилъ дѣдъ по шелковистымъ кудрямъ Марыльку.—Садись вотъ сюда, возлѣ меня,—моимъ внукомъ будешь,—усадилъ онъ возлѣ себя счастливую отъ пріема паненку,—и не побрезгай нашимъ хлѣбомъ-солью... А что, дѣтки, хорошаго внука „придбалъ“?—обратился онъ къ „товарыству“, добродушно покачивая головой.

— Писаннаго, что и толковать!—отозвались одни.

— Такого бы и вспрыснуть не грѣхъ,—улыбнулись лукаво другіе.

— А что-жъ, коли слѣдъ, такъ и слѣдъ,—весело промолвилъ Богданъ, кивнувъ на кашевара; не смотря на все желаніе скрыть свою трепетавшую радость, она пробивалась у него и въ движеніяхъ, и въ очахъ и въ улыбкѣ.—Намучила вѣдь насъ минувшая бѣда до „знемоги“, такъ можно козаку и подкрѣпиться чарчиной, другой... да и нашимъ славнымъ „люлешникамъ“, что посвѣтили и голомозымъ и намъ,—нужно тоже, братцы, воздать честь.

— Слава, слава атаману-батьку!—воскликнули всѣ и загалдѣли, оживленно жестикулируя и смѣясь.

Выпили козаки по ковшу, по другому, закусили таранью, да и закурили свои походныя „люльки“.

— А ну, на весла братцы!—скомандовалъ Богданъ, становясь возлѣ рулевого.—По моему разсчету долженъ быть скоро и берегъ, такъ нельзя довѣрять чайку одному вѣтру, а то, при туманѣ, можетъ такъ шарахнуть о скалы, что и зубовъ не соберешь.

— И по моему, вотъ-вотъ долженъ быть берегъ,—всматривался во мглу дѣдъ,—такъ „на мене“ и парусъ убрать бы...

Время шло. Парусъ убрали. Гребцы осторожно гребли. Рулевой и Богданъ зорко смотрѣли впередъ. Дѣдъ съ своимъ новымъ внукомъ стоялъ на носу и слѣдилъ за волной.

— Стой! Берегъ!—крикнулъ неожиданно дѣдъ.—Волна пошла назадъ! Поворачивай впоперекъ и осторожно „рушай“!

Предостереженіе дѣда было въ пору: черезъ полчаса тщательныхъ изслѣдованій дна и мѣстности, чайка, наконецъ, пристала къ пустынному берегу; линія его, иззубренная обвалами, краснѣла и терялась въ туманѣ; невдалекѣ, на плоской возвышенности, было разбросано нѣсколько татарскихъ саклей; нѣкоторыя ютились у самаго моря.

— Смотри, не „Хаджибей“ ли?—пристально разсматривалъ дѣдъ этотъ поселокъ.

— Онъ и есть,—подтвердилъ Богданъ,—не „сгинула“ доля козачья! Лучшаго мѣста и придумать нельзя: и Очаковъ, и Кимбургъ позади, а до Аккермана далеко... По Каяльнику такъ вверхъ и двинемъ... Ужъ коли Богъ на морѣ помиловалъ, то „суходоломъ“ доведетъ насъ и до „кошевого“.

— Отчего не довесть, доведетъ,—отозвался черномазый козакъ,—только коней „чортма“, вотъ что досадно.

— А собственныя?—подмигнулъ дѣдъ,—„пишкы не мае замишкы“.

— Да,—улыбнулся Богданъ,—„non habetur subaqua pichotarum debes [1])!

— А, вотъ только,—почесалъ дѣдъ затылокъ,—гдѣ мы подѣнемъ войсковую добычу? Не зарыть ли гдѣ тутъ?

— Нѣтъ, диду,—отвѣтилъ Богданъ,—возьмемъ лучше съ собой: нужно въ Хаджибеѣ купить одну или двѣ арбы и коней, сколько

---

[1]) Не имѣя подводы, нужно ногами.—Въ давнее время бурсаки, ради остроумія, переводили нѣкоторыя русскія слова на латинскій языкъ такъ: sub—подъ, aqua—вода, а потому подвода—subaqua.

найдется... Ступай-ка ты, братъ, Черномазый, ты вѣдь по-татарски добре маракуешь, возьми съ собой еще кого для помощи, да переодѣньтесь въ басурманское, а то, какъ увидятъ христіанскую одежу, такъ всполошатся и знать дадутъ.

— Я мигомъ,—почесалъ усердно грудь и спину козакъ,—а ну-ка, Рябошапко,—обратился онъ къ одному изъ товарищей,—отыщи намъ важнецкую сбрую!

Переодѣлись Черномазый съ Рябошапкой, при общихъ остротахъ и смѣхѣ, а черезъ часъ, не больше, на берегу стояли уже двѣ высокія двухконныя арбы. Въ нихъ были сложены наскоро припасы и захваченная добыча. Богданъ предложилъ было и Марылькѣ сѣсть въ арбу, но панянка рѣшительно отъ этого отказалась и захотѣла, при общемъ одобреніи, раздѣлять съ козаками всѣ неудобства пути.

Окруживъ свои арбы, козаки, подъ прикрытіемъ тумана, двинулись вверхъ, придерживаясь береговъ длиннѣйшаго озера Каяльника. Безъ всякихъ приключеній, незамѣченные никѣмъ, достигли они устья впадающей въ озеро рѣки и сдѣлали небольшой привалъ. Сейчасъ были собраны изъ валежника костры, на нихъ кашевары устроили на треножникахъ „казаны“, и вскорѣ въ нихъ закипѣлъ кулишъ, разнося въ чистомъ воздухѣ аппетитный запахъ „подшкваренаго“ сала. Живописными группами разлеглись на „кереяхъ“ козаки, смакуя и затягиваясь своими носогрѣйками.

Передъ „подвечеркомъ“ козакамъ поднесено было по ковшу „оковытой“.

— Вспомянемъ, други,—сказалъ Богданъ,—нашихъ товарищей! Разметала ихъ „пригода“ и буря по морю... Уйдутъ-ли отъ лиха? Такъ выпьемъ же за ихъ долю, да за то, чтобъ послалъ Богъ намъ, братьямъ, вмѣстѣ собраться?

— Дай, Боже!—вздохнули всѣ искренно и осушили ковши.

Усталые, голодные, подавленные роковою неизвѣстностью за судьбу своихъ собратьевъ козаки принялись за кулишъ и, молча, хлебали его своими ложками, поддерживая ихъ кускомъ хлѣба.

— Кошевой, сдается, на Сарыколи,—не то спросилъ, не то замѣтилъ про себя, среди общаго молчанія, дѣдъ.

— Да мы туда и прямовать будемъ, обогнемъ Каяльникъ и туда,—отвѣтилъ, не глядя, Богданъ; онъ былъ погруженъ въ глубокія думы и бросалъ изъ-подлобья украдкой нѣжные взоры на восхитительное личико джуры, а тотъ уже успѣлъ завладѣть общими симпатіями. Ловкое подыгриваніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простота обращенія со всѣми красавца-хлопца обнаруживали въ немъ тонкій житейскій тактъ; бросаемыя имъ Богдану изрѣдка фразы дышали и

теплотой, и кокетствомъ, но не давали повода ни къ какой подозрительности, тѣмъ болѣе, что джура держался все время подлѣ дѣда.

Улучивъ минуту послѣ „подвечерка“, Марылька подошла тихо къ Богдану и шепотомъ обратилась къ нему:

— Исполнитъ-ли тато мою просьбу?

— Все, что только въ моей силѣ,—отвѣтилъ горячо Богданъ.

— Такъ вотъ что, мой дорогой спаситель: все можетъ статься... на насъ могутъ напасть.. Такъ, если это случится, то я умоляю пана: убей меня своею рукой, а не давай въ полонъ; я не хочу больше... слышишь, не хочу больше переносить позора послѣ встрѣчи съ моимъ татомъ... это невыносимо!

— О, моя дорогая доня, дитятко милое!—произнесъ взволнованнымъ голосомъ Богданъ.—Но къ чему такія мысли?

— Дѣло походное... Такъ убьешь меня, тато, если что?

— Никому не отдамъ тебя, вѣрь!—промолвилъ торжественно Богданъ и съ чувствомъ сжалъ нѣжную и тонкую руку.

Къ вечеру козаки подъѣхали къ степному лѣсочку „гайку“, за которымъ мѣстность понижалась видимо къ рѣкѣ. Еще не доѣзжая до „гайка“, замѣтилъ Богданъ движеніе какихъ-то точекъ вдали, а потому и рѣшилъ укрыться въ лѣску, покуда не будетъ сдѣлана точная рекогносцировка. Дѣдъ взялъ Черномазаго и отправился на опушку осмотрѣть долину, пока еще не зашло солнце. Вскорѣ онъ возвратился и сообщилъ, что въ долинѣ, у рѣки, кто-то стоитъ лагеремъ, по всей вѣроятности, татарскій загонъ.

— Нужно въ этомъ удостовѣриться,—сказалъ озабоченно Богданъ.—Кто, панове, пойдетъ на развѣдки?

— Да я-жъ.—похватился дѣдъ первый.—Биться не сдужаю, а развѣдать—развѣдаю: всѣ ихнія уловки знаю.

— Да вы-жъ, диду, не добачаете?

— Я съ собою молодыя очи возьму,—взглянулъ дѣдъ на Черномазаго.

— Спасибо за ласку,—весело вскрикнулъ тотъ.—Я васъ ни за что не покину.

Взяли козаки съ собой по краюхѣ хлѣба и отправились на развѣдки. За лѣскомъ начинался покатый спускъ къ рѣкѣ, усѣянный мелкимъ кустарникомъ; ползти между нимъ было чрезвычайно удобно и при наступавшихъ, все еще мглистыхъ сумеркахъ рѣшительно безопасно; въ десяти шагахъ наши развѣдчики не могли разглядѣть другъ друга, и только легкимъ свистомъ, напоминающимъ ночныхъ птицъ, удерживали между собой разстояніе, а при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ заползали въ кусты.

Ползутъ козаки, прислушиваясь да оглядываясь. Время тоже ползетъ; сумерки смѣнила темная ночь, а нѣтъ конца этой покатости: или истомились они, или сбились, не туда поползли? Но дѣдъ опытенъ и въ этомъ случаѣ маху не дастъ: онъ не разъ прикладываетъ ухо къ землѣ и слышитъ далеко, что на ней дѣется.

— Лагерь близко,—шепчетъ онъ подползшему къ нему Черномазу.—Я уже слышу говоръ и топотъ.

— Такъ тутъ скоро и разъѣзды вартовыхъ будутъ,—замѣтилъ Черномазый.

— Да, скоро, вотъ, кажись, сюда и приближается пара коней,—прислушивался къ землѣ дѣдъ, — именно сюда... Отползи, на случай, и спрячься въ кустахъ.

— Да ихъ тутъ почти нѣтъ, тамъ развѣ?—отползалъ торопливо Черномазый, присматриваясь напряженно кругомъ.

Между тѣмъ всадники приближались: уже ясно слышался въ ночной тишинѣ топотъ коней, а Черномазый искалъ торопливо куста и не находилъ.

„Чортъ ихъ знаетъ, куда провалились они!—мелькали у него въ головѣ тревожныя мысли.—Въ темнотѣ прямо могутъ наѣхать, лежа и не уклонишься, а они вотъ—вотъ близко“,—и Черномазый даже поднялся на ноги, уходя торопливыми шагами отъ приближающагося шума... Вдругъ ему показалась впереди какая-то широкая тѣнь, вродѣ куста, и онъ стремительно бросился въ нее; но не успѣлъ Черномазый войти въ этотъ кустъ, какъ раздался страшный трескучій шумъ со свистомъ... Молодой козакъ вскрикнулъ отъ неожиданности и присѣлъ. Только, по прошествіи нѣсколькихъ мгновеній, онъ догадался, что это было огромное стадо куропатокъ, всполошенное имъ на ночлегѣ; но эта догадка не поправила уже дѣла: крикъ его былъ услышанъ, и вартовые рысью пустились къ этому мѣсту.

Пробѣжала тонкая струйка мороза по спинѣ Черномазаго, и онъ поспѣшилъ залѣзть въ кустъ и затаить дыханіе, а всадники уже кружились на мѣстѣ, гдѣ притаились наши лазутчики.

— Тутъ вѣдь крикнулъ чортяка,—отозвался одинъ.

— Да, тутъ, чтобъ его вѣдьма накрыла,—отвѣтилъ другой.

Едва услыхалъ родную рѣчь дѣдъ, какъ схватился и закричалъ радостно:

— Свои, свои, сынку, свои!...

— Гдѣ? Что? Кто такіе?—подъѣхали изумленные всадники.

— Свои! Запорожцы изъ Хмеля „батавы“!

— Вотъ они кто! Кажись, дѣдъ Нетуды-хата?—присматривался одинъ, слѣзши съ коня.

— Онъ самый. Почеломкаемся, сыну!

И козаки начали обниматься.

Прибѣжалъ и Черномазый, весело привѣтствуя своихъ друзей.

— Да вы-то кто такіе?—спросилъ, наконецъ, дѣдъ.

— Мы изъ лагеря Пивтора-Кожуха.

— Такъ это онъ тутъ стоитъ?

— Онъ самый.

— Вотъ привелъ Господь!—перекрестился дѣдъ.— А мы то васъ по степи ищемъ!

— Только, братцы, бѣда,—сообщилъ одинъ изъ вартовыхъ,—умираетъ нашъ кошевой, лежитъ на смертной постели.

— Охъ, горе!—встревожился дѣдъ,—такъ поспѣшимъ же къ „наказному“ и сообщимъ ему все.

Вскорѣ козаки были разбужены радостнымъ извѣстіемъ, что у рѣки свой желанный лагерь, а вмѣстѣ и поражены были тѣмъ, что кошевой умираетъ. Не дожидая утра, всѣ двинулись поскорѣй присоединиться къ братьямъ, а Богданъ, выпросивши у „вартового“ коня, полетѣлъ туда первымъ.

Желтый, съ обрюзглымъ лицомъ и воспаленными глазами, лежалъ распростертый на кереѣ атаманъ; изголовьемъ ему, вмѣсто подушки, служило небольшое „барыльце“, прикрытое красной китайкой; надъ нимъ возвышалось малиновое знамя; сбоку лежала булава, а въ ногахъ скрещенные бунчуки. Не смотря на наступившую уже агонію, сознаніе еще не покидало „кошевого“, и онъ прощался мутнымъ, тоскливымъ взоромъ со стоявшею вокругъ старшиной, склонившею въ безотрадномъ молчаніи свои чубатыя головы. Неожиданный приходъ Богдана встрепенулъ изумленіемъ и старшину, и умирающаго атамана; у послѣдняго даже вспыхнули снова потухающіе глаза и оживились мертвѣющія черты. Богданъ обнялся молча съ старшиною и, устремивъ полные слезъ глаза на Пивтора-Кожуха, сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Что это ты задумалъ, друже мой любый?

— Да вотъ не поладилъ съ курносой... Доѣхала паниматка!—отвѣтилъ тотъ глухимъ, хриплымъ голосомъ, произнося невнятно слова.—Ну, да начхать! А какъ ты справился?

— Да и намъ, батьку, не „поталанило“,—вздохнулъ глубоко Богданъ,—буря страшная, невиданная, разметала чайки сейчасъ же за островомъ Тендеромъ такъ, что насъ собралась только меньшая половина, а остальные либо вернулись назадъ, либо на днѣ успокоились,—помяни, Господи, души ихъ!—перекрестился онъ набожно, а за нимъ и старшина.—Ну, мы, собравшись, таки сожгли двѣ турецкія галеры, но при страшныхъ туманахъ не могли держаться въ морѣ и подались отъ преслѣдованій къ Буджацкому берегу... Я вотъ

прибылъ со своей чайкой, а завтра или послѣ завтра будутъ вѣрно и всѣ остальные.

— Ну, что-жъ?—задыхался и хрипѣлъ все больше и больше кошевой,—доля, что баба: „дурна“ и „зрадлива“... И на томъ спасибо, когда-бъ только остальные хлопцы вернулись... А король и за двѣ галеры будетъ доволенъ, да, можетъ, еще братчики пустили какую на дно... Спѣши, Богдане, къ нему... онъ въ Каменцѣ... Похлопочи... передай, что его волю чинили... на погибель шли... такъ пусть смилуется... „зглянется“... А ты, Кривоносе, заступишь меня... подождешь здѣсь остальныхъ и отведешь войска въ Сичь... Туда нужно всѣ силы стянуть... Ярема вѣдь грозитъ.

Больной началъ метаться съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами; онъ видимо старался вдохнуть воздухъ и не могъ.

— Все исполнимъ,—сказалъ давящимся голосомъ Богданъ и отвернулся.

Кривоносъ стоялъ мрачной статуей, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ злобы на невидимаго врага, сжавши съ угрозою кулаки.

— Гараздъ, брате!—крикнулъ Кривоносъ и, вытянувъ саблю, добавилъ:—она будетъ „свидкомъ“.

Умирающій попробовалъ было улыбнуться, но страшная судорга искривила его лицо.

— Прощайте, не поминайте лихомъ!—едва слышнымъ шепотомъ произнесъ онъ, закатывая подъ лобъ глаза.

Потомъ вдругъ неожиданно, съ мгновенно воскресшею силою, онъ поднялся, сѣлъ и, устремивши впередъ безумныя очи, крикнулъ съ пѣной у рта:

— Что-жъ ты, безносая, думала испугать козака? Экая невидаль! Наплевать!—и онъ рухнулся навзничь.

Исполнили волю умершаго товарищи-козаки, распили за упокой души его бочку горилки и похоронили въ ней своего кошевого съ пѣснями, сложенными товарищами-друзьями для этого печальнаго случая.

Похоронивши кошевого атамана и разузнавши отъ прибывшихъ въ лагерь запорожцевъ, что всѣ „чайки“ благополучно спаслись отъ преслѣдованія, Богданъ поручилъ дальнѣйшую судьбу своихъ товарищей Кривоносу, а самъ, по настоянію старшины, поспѣшилъ въ Каменецъ. Сопровождаемый нѣсколькими проводниками, знавшими хорошо Буджацкую степь, Богданъ съ „джурой“ Марылькой, торопливо выѣхали изъ лагеря и направились прямо на сѣверо-западъ къ воротамъ, образуемымъ истокомъ двухъ рѣкъ—Кадыми и Ягорлыка, за которыми уже разстилался родной край—Украйна. Мили двѣ за Сарыколью еще тянулись легкія покатости, пересѣкаемыя неглубокими балками, а дальше раскинулась безконечная степь-равнина, при-

нявшая нашихъ путниковъ въ свои объятія. Прошлогодняя, некошенная и истоптанная трава, примятая только снѣгомъ, лежала теперь мягкими волнами и отливала всѣми тонами старой бронзы и золота; между ней бодро пробивались вверхъ бархатныя щетки свѣжей изумрудной зелени, игравшей въ иныхъ мѣстахъ цѣлыми пологами нѣжныхъ цвѣтовъ. Ласковый вѣтерокъ, напоенный ихъ ароматомъ, освѣжалъ живительно грудь и пробѣгалъ легкой волной по этимъ живымъ роскошнымъ коврамъ. Степь дышала и жила тысячью звуковъ: со всѣхъ сторонъ откликались перепела, „деркачи“,—журавли, стрекотали стрекозы, а между махровыми будяками жужжали шмели, откуда то издали доносился стонъ выпи... Жаворонки вылетали постоянно изъ-подъ ногъ коней и, стрѣлою поднявшись вверхъ, замирали съ радостною трелью въ лазури, а потомъ комочкомъ падали и ныряли въ зеленыхъ волнахъ травы; высоко, едва замѣтными точками парили широкими кругами степные орлы. И майское утро, и необъятный просторъ, и прелесть блистательныхъ красокъ не производили, впрочемъ, на нашихъ путниковъ чарующаго впечатлѣнія; молча, погруженные въ думы, ѣхали они крупною рысью по этому зеленому морю, не обращая вниманія на развертывающіяся передъ ихъ глазами красоты; одни лишь проводники зорко слѣдили по сторонамъ; но никакой подозрительный слѣдъ, никакой посторонній звукъ, кромѣ ликующей степи, не подымалъ въ нихъ тревоги.

Сжавъ брови и уставившись глазами въ шею коня, Богданъ думалъ о предстоящемъ свиданіи съ королемъ, и эти думы проходили легкимъ трепетомъ по его смущенной душѣ: онъ зналъ, что Владиславъ IV былъ рыцаремъ по убѣжденіямъ, доблестнымъ героемъ въ битвахъ и относился всегда съ большою любовью къ храброму козацкому войску и ко всему украинскому народу, но онъ зналъ также и то, что власть короля падала въ Польшѣ съ каждымъ годомъ, а вмѣсто нея выростало своеволіе и распущенность магнатскаго сейма. Это безправное положеніе давно уже тяготило короля: въ своеволіи шляхты, въ безсердечномъ угнетеніи народа онъ усматривалъ гибель отчизны, и всѣми силами старался противиться ему. Но что могъ онъ сдѣлать одинъ, безъ войска, безъ власти? О, если-бы онъ согласился опереться на насъ, думалъ Богданъ: сто тысячъ, двѣсти тысячъ войска собрали-бъ мы ему! Пускай бы тогда поспорило съ королемъ можновладное панство? Всѣ бы вмѣстѣ съ королемъ явились мы вооруженные въ сеймъ. И онъ уравнялъ бы насъ въ правахъ съ остальными дѣтьми отчизны, облегчилъ бы нашъ несчастный народъ, успокоилъ-бы нашу святую вѣру, и благо и справедливость водворились бы въ цѣлой странѣ! Даже жаркая краска бросилась въ лицо Богдану при одной мысли о возможности такого счастья,

дыханье сперлось въ его груди. Онъ обмахнулъ свое пылавшее лицо, облегчилъ грудь вздохомъ и продолжалъ дальше свои размышленія. И все это такъ возможно, такъ вѣроятно, только больше вѣры, больше энергіи, а силы найдутся: за одно слово короля всѣ пойдутъ, какъ одинъ... козаки, поспольство, да что козаки!—бабы съ рогачами, дѣти съ палками,—все подымется за нимъ, лишь-бы избавиться отъ панской „кормыги“. Ужъ и накипѣла-жъ эта ненависть въ груди у всѣхъ! Эхъ! только, захочетъ-ли король стать въ опасную борьбу съ сеймомъ, или побоится рискнуть послѣдними остатками своей власти? Правда, отъ имени короля были порученія козакамъ, исполненныя послѣдними добросовѣстно; но признаетъ-ли ихъ король за свои, или отречется—вотъ вопросъ, а если отречется, если это была лишь интрига его клевретовъ, то въ какомъ фальшивомъ положеніи очутится передъ его пресвѣтлой особой самъ Богданъ? При такомъ оборотѣ дѣлъ, его, конечно, не пощадитъ Конецпольскій, а что тогда станется съ семьей? Пока онъ былъ за нее совершенно спокоенъ: Ганна, преданная, рѣдкой души Ганна, замѣняла семьѣ его и хозяйку, и мать, а покровительство Конецпольскаго защищало имущество его отъ панскихъ наѣздовъ, но при неудачѣ все можетъ рушиться... Да это еще полъ-бѣды, а что онъ скажетъ козакамъ и народу? Вѣдь онъ же, Богданъ, и распинался за короля! Оттого-то въ эту минуту не за себя болѣлъ душою атаманъ, а за свою несчастную родину. Въ лицѣ короля она еще уповала найти себѣ покровителя; но если ея упованія оказались бы ложными, то тогда послѣдняя надежда рвалась и отчаянье водворилось бы въ обездоленномъ краѣ.

Среди всѣхъ сомнѣній, терзавшихъ Богдана, врѣзывались еще огненной ниткой въ его сердце думы про панну Марыльку. Богданъ не хотѣлъ и боялся сознаться, что этотъ прелестный, полувзрослый ребенокъ произвелъ на него, закаленнаго въ бою козака, неотразимое впечатлѣніе. И трогательная забота о судьбѣ этой панночки, и нѣжная привязанность къ ней, объяснялись и оправдывались имъ клятвою, данною умирающему товарищу,—замѣнить сироткѣ отца... Но тѣмъ не менѣе, всѣ эти чувства мутили его умъ труднымъ вопросомъ, пристроить ли ему Марыльку въ какой-либо магнатской семьѣ, или взять ее къ себѣ за родную дочь? Послѣднее положеніе льнуло къ его сердцу отрадой, но было неудобоисполнимо: согласится-ли панна промѣнять блестящую долю магнатки на скромную роль козачки, да и допустятъ-ли до этого паны, ея родичи? Нѣтъ, нужно выкинуть изъ головы весь этотъ чадъ,—и не приставалъ онъ козаку, и стыдно въ такія тяжкія минуты о пустякахъ думать! Вотъ только клятва, да жаль сильно сиротку... тутъ нѣтъ ничего

предосудительнаго... Что-жъ онъ доложитъ и объ этомъ королю, или канцлеру, и если они поручатъ ему, Богдану, опекунство, то онъ исполнитъ любовно и „щыро“ свой долгъ, и замѣнитъ ей, бѣдной, и отца, и друга... А если король на себя возьметъ покровительство, то тѣмъ самымъ разрѣшитъ его, Богдана, отъ клятвы... Вотъ о чемъ мучительно думалъ Богданъ, забывъ даже закурить свою походную люльку.

Марыльку также тревожила неизвѣстность и неопредѣленность ея дальнѣйшей судьбы. Найдетъ-ли она своего отца, гдѣ онъ? Мучительно вставалъ передъ нею этотъ вопросъ, и, чѣмъ больше они приближались къ родной границѣ, чѣмъ дальше оставляли за собою всѣ опасности, тѣмъ онъ неотразимѣе вонзался въ ея сердце и требовалъ отвѣта. Если найдется отецъ, тогда возвратятся для нея вновь свѣтлые, теплые дни ея улетѣвшаго дѣтства, а если нѣтъ? Холодъ пробѣгалъ змѣйкой по ея спинѣ. Неужели ее отдадутъ этому страшному дядѣ, этому зеленоглазому Чарнецкому? Или, быть можетъ, Богданъ возьметъ ее къ себѣ? Но кто онъ самъ? Козацкій атаманъ. Козакъ—не шляхтичъ, почти что хлопъ...— надувала она недовольно свои прелестныя губки. Хотя онъ и одѣтъ богато и въ обращеньи не похожъ на своихъ товарищей, а на настоящаго уродзонаго шляхтича, но—все-же—козакъ! Живетъ, вѣрно, въ хатѣ, безъ роскоши, безъ почета, пожалуй еще и безъ слугъ! Неужели-же она послѣ блеска и поклоненья, къ которымъ привыкла, должна будетъ жить, какъ простая козачка? О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—вспыхнула вся Марылька и подняла горделиво головку... А между тѣмъ и разстаться съ нимъ жалко... право,—продолжала она свои размышленія, бросая косые взгляды на прекрасное, мужественное лицо Богдана, погруженнаго въ глубокую задумчивость: такой красивый, статный, отважный и сильный... подымаетъ ее, какъ перышко... да и любитъ, и жалѣетъ ее, какъ доню,—улыбнулась сама себѣ Марылька, чувствуя въ глубинѣ своей тщеславной души, что то чувство, которое она угадывала въ душѣ козака, было для нея и горячѣе, и обаятельнѣе чувства отца... О, да одинъ взглядъ ея синихъ глазъ заставлялъ мѣняться лицо этого отважнаго рыцаря... Марылька сознавала это, и это сознаніе доставляло ей огромное удовольствіе. Да, хорошо-бы имѣть его всегда при себѣ, покорять однимъ взглядомъ, чувствовать, какъ вздрагиваетъ его рука отъ прикосновенья ея руки, ласкать его... да и ласкать... но хата... хата!—вспомнила опять Марылька и снова вспыхнула отъ оскорбленной гордости:—она, Марылька, уродзонная шляхтянка... о, въ такомъ случаѣ, лучше ужъ было ей оставаться въ Кафѣ, чѣмъ погубить свою жизнь въ козацкой хатѣ! Однако, покуда онъ единственный ея покровитель и лучше ужъ

остаться до времени у него, чѣмъ попасть въ руки Чарнецкаго. Погруженные такъ каждый въ свои сомнѣнья, мысли и предположенья, Богданъ и Марылька продолжали молчаливо свой путь.

Когда, на другой день, путники обогнули въ истокахъ Ягорлыкъ—рѣчку, то Богданъ остановилъ коня, снялъ шапку и осѣнилъ себя широкимъ крестомъ.

— Возблагодаримъ, братцы, Бога,—произнесъ онъ торжественно,—что укрылъ насъ отъ напастей и сподобилъ невредимыми узрѣть родной край. Это ужъ наша христіанская, святая земля!—Витай-же насъ, своихъ дѣтокъ, мать родная! Да пошлетъ намъ Господь въ дѣлахъ поспѣшеніе, а тебѣ, безталанной, утѣху!

Всѣ сняли шапки и набожно перекрестились.

— Тато,—обратилась Марылька къ Богдану, спустя нѣсколько времени,—вотъ теперь мы уже у себя дома, такъ ты, пане, не откажешься, какъ и обѣщалъ, отыскать мнѣ моего отца? Вѣдь твое слово крѣпко?

— Я его никогда не ломалъ,—вздохнулъ Богданъ и загадочно посмотрѣлъ на Марильку,—но если, не взираючи на всѣ усилія...

— Ай, и не говори, тато!—прервала его Марылька, всплеснувъ руками.—Ты найдешь, ты все для меня сдѣлаешь, я тебѣ одному на всемъ свѣтѣ. тебѣ только и вѣрю...

— Родненькая моя, спасибо,—прошепталъ тронутый Богданъ,—я докажу... Только видишь-ли, нужно Милосерднаго волѣ кориться...

Хотѣлъ онъ было сообщить ей о смерти отца, но, взглянувъ въ эти чудные, переполненные слезами глаза, пожалѣлъ ее и замялъ рѣчь.

— Въ чемъ кориться?—переспросила испуганная Марылька, широко раскрывъ свои синіе и глубокіе, какъ лѣсныя озера, глаза.

— Да, во всякихъ бѣдахъ и невзгодахъ, какія намъ Господь посылаетъ,—уклончиво отвѣтилъ Богданъ, смотря въ сторону,—иное-то лихо сразу покажется „неподужнымъ“, жестокимъ, а глянешь—и отошло, да еще за собою накликало счастье. Ничего-то мы не вѣдаемъ, что ждетъ насъ завтра—и это благо, а то отчаянье сокрушило-бы насъ... Вотъ и ты, кажись, ужъ была въ омутѣ, а не повези тебя на продажу въ Царьградъ,—никто бы къ тебѣ не явился на помощь!

— Мой отецъ не забылъ-бы меня.

— Забыть-бы не забылъ, да что толку? Гдѣ искать? Свѣтъ, вѣдь, широкій! Только случай могъ натолкнуть... Да и то ты едва не погибла.

— Ай!—закрыла Марылька глаза,—и не вспоминай пане!.. Я не могу забыть этого ужаса.

— То-то, голубко моя, коли Господь вырвалъ тебя изъ пекла, значитъ, надъ тобой Его милость, значитъ, Онъ бережетъ тебя для блага, для счастья...

— Господи!—вскрикнула искренно, радостно, совсѣмъ по-дѣтски Марылька,—не нужно мнѣ никакого счастья, лишь-бы при мнѣ были оба мои татуни...

— Ну, одинъ на лицо,—улыбнулся восхищенный Богданъ,—а другого будемъ искать...

— А пока найдемъ, панъ будетъ мнѣ и за пана, и за тата,—сдвинула Марылька на бекрень шапку.

— Эхъ, квиточко моя,—вздохнулъ незамѣтно Богданъ,—это ты говоришь здѣсь, въ степи, будучи еще чистой дытынкой, а когда выростешь въ блескѣ, да нѣгѣ, когда блеснешь царицей въ салонахъ, да наслушаешься сладкихъ рѣчей отъ вельможъ, то и забудешь своего козака-тата, постыдишься даже и вспомнить о немъ.

— Никогда, никогда, никогда!—запротестовала Марылька,—и въ голосѣ ея послышалась обида, а на рѣсницахъ задрожала слеза,—развѣ я такая? Ничего мнѣ не нужно,—оборвала она горячую рѣчь, а въ головѣ ея, между тѣмъ, промелькнуло невольно,—а, впрочемъ, салоны и магнаты,—это тоже должно быть заманчиво.

— Дай Богъ!—сверкнулъ глазами Богданъ,—а на щыромъ словѣ, прости!

— Батьку-атамане!—прервалъ ихъ разговоръ неожиданно прискакавшій козакъ,—проводники спрашиваютъ, куда держать путь: на Баръ, или на Ушицу?

—На Баръ-бы хорошо,—протянулъ Богданъ, соображая,—Богуна увидѣть, разузнать, что дѣлается, какъ его справа? Да кругъ большой, короля упустить можно... Нѣтъ! торопиться нужно,—сказалъ онъ рѣшительно,—пусть на Каменецъ ведутъ кратчайшей дорогой...

За Ягорлыкомъ сразу измѣнился характеръ степи. Равнина стала волнистой, начали попадаться широкія, отлогія котловины,—вдали на горизонтѣ слѣва показалась синяя полоска приднѣстровскихъ горъ. Чѣмъ далѣе подвигались наши путники на сѣверо-западъ, тѣмъ чаще стали имъ перерѣзывать путь глубокія долины; эти долины съ мягкими склонами, по мѣрѣ приближенія къ Днѣстру, обращались въ крутые овраги, съ ущельями, съ каменными глыбами, съ стремнинами, поросшими грабомъ и дубомъ, съ нагорными рѣченками, прыгающими глубоко внизу по каменнымъ ступенямъ.

Иногда на самомъ днѣ оврага, за нависшими скалами, за группой густыхъ тополей ютилась и пряталась уединенная хатка или небольшой хуторокъ; здѣсь наши путники и останавливались либо на „попасъ“, либо на короткій ночлегъ. Недружелюбно и подозрительно принимали сначала хозяева этихъ хатокъ гостей, прячась отъ нихъ въ сосѣднихъ лѣсахъ; но, развѣдавши, что это свои козаки, а не панская дворня, возвращались охотно домой и радушно угощали путниковъ всѣмъ, чѣмъ могли. Богданъ разспрашивалъ ихъ, конечно, про мѣстное положеніе дѣлъ, про доходившіе до нихъ слухи относительно мѣропріятій пановъ,—и вездѣ получалъ неутѣшительныя извѣстія. Всѣ эти поселки въ дикихъ, незахваченныхъ еще панскими руками мѣстахъ были основаны бѣглецами отъ панской неволи, которая въ большихъ слободахъ уже начала уничтожать всѣ договорныя льготы переселенцевъ и нагло обращать „подсусидковъ“ въ рабовъ; протесты послѣднихъ подавлялись вездѣ нахлынувшими жолнерами, а своихъ козаковъ для защиты уже не появлялось: такъ вотъ люди и разбѣжались—то основывать вольные хутора, то искать „ватажковъ“ для вольнаго промысла, и только лишь многосемейные покорились до поры, до времени своей долѣ.

Поселившіеся въ оврагахъ бѣглецы мало, впрочемъ, знали о позднѣйшихъ событіяхъ: они вели скрытую, отшельническую жизнь, проникая изрѣдка, воровскимъ способомъ, въ мѣстечки за необходимыми припасами, а потому ни про Богуна, ни про Нечая ничего не слыхали; одно только могли они сообщить, что людъ вообще притихъ и замолкъ.

Богданъ, впрочемъ, и не старался особенно выпытывать обо всемъ у хуторянъ-бѣглецовъ: онъ спѣшилъ въ Каменецъ и весь былъ поглощенъ интересомъ предстоящаго свиданья съ королемъ. Путники, понукаемые имъ, ѣхали такъ торопливо, что на пятый день показалась уже на горизонтѣ каменецкая крѣпостная скала.

Издали эта неприступная крѣпость казалась какимъ-то колосальнымъ поршнемъ, торчащимъ въ черной дырѣ гигантской, широко-раскинувшейся воронки; но, по мѣрѣ приближенія къ ней, пологіе края котловины сливались съ дальними горизонтами, а скала выростала и выростала, становясь господствующей надъ ближайшими окрестностями.

Когда путники подъѣхали къ самому краю страшнаго обрыва, что окружалъ пропастью грозную скалу, они окаменѣли на мѣстѣ, пораженные необычайнымъ явленіемъ.

Дикая, невиданная картина разила мрачной красотой умъ и давила унынiемъ сердце. Какіе-то страшные геологическіе перевороты сыграли здѣсь грозную шутку, раскололи зіяющей трещиной скалы и выдвинули изъ средины бездны колоссальную глыбу. Базаль-

товый утесъ цилиндрической формы съ источенными и почернѣвшими отъ времени боками, мрачно поднимался со дна глубокаго оврага и возвышался усѣченной вершиной саженъ на пять надъ окружающими его противоположными берегами ущелья. Эта пропасть съ совершенно отвѣсными ребрами, глубиной до сорока саженъ и шириной почти столько же, правильнымъ замкнутымъ кольцемъ окружала утесъ. Рѣка Смотричъ, ворвавшись въ это глубокое, круглое ущелье, билась бѣшено съ пѣной о нависшія надъ ней скалы и, обогнувъ ихъ, неслась по мелко-каменистому дну, по „рыни“, къ Днѣстру. На плоской вершинѣ этого утеса, имѣющей въ діаметрѣ до 300 сажней, сидѣла неприступная, грозная крѣпость.

Круглыя башни, зубчатые „муры“ висѣли надъ пропастью и мрачно глядѣли своими черными амбразурами на окрестность. Ни зелени, ни деревъ на этомъ черномъ камнѣ не было видно нигдѣ; только сѣроватый мохъ старческими лишаями покрывалъ подножія скалъ, да свѣшивался въ иныхъ мѣстахъ безпорядочными прядями внизъ. Изъ-за „муровъ“ выглядывали красными пятнами черепичныя кровли, а межъ ними возвышались и ярко бѣлѣли на чистой лазури стройныя спицы минаретовъ и готическія стрѣлы костеловъ. Въ одномъ только мѣстѣ, по дорогѣ къ Хотину, перекинутъ былъ черезъ эту пропасть каменный мостъ; онъ лежалъ на каменныхъ сводахъ, возвышавшихся со дна пропасти лишь до половины высоты окружающихъ скалъ, такъ что къ нему нужно было сначала спускаться по крутой, узкой тропинкѣ, высѣченной зигзагами въ скалѣ, и подыматься по такой же скалѣ вверхъ на противоположной сторонѣ оврага. Съ внѣшней стороны у начала спуска къ мосту возвышались двѣ грозныя, сторожевыя башни, окруженныя „мурами“ да рвами и соединенныя тайникомъ съ главной крѣпостью; у самаго моста при входѣ и при выходѣ стояло тоже по круглой башнѣ, черезъ которыя и шелъ узкій проѣздъ, замыкавшійся желѣзными брамами.

Съ замираніемъ сердца подъѣхалъ Богданъ къ сторожевой башнѣ и робко спросилъ у „вартового“: — здѣсь-ли еще пребываетъ его ясность, король? А когда „вартовой“ отвѣтилъ ему утвердительно, то радости его не было границъ: первая и весьма большая удача предвѣщала ему и остальныя. Перекрестившись подъ плащемъ, онъ нырнулъ подъ темныя своды крѣпостной башни и, переѣхавъ мостъ и въѣздную браму, остановился на небольшой тѣсной площадкѣ въ самой крѣпости, поджидая своихъ товарищей и вдыхая въ облегченную грудь удушливый запахъ чеснока, смѣшанный съ какимъ-то жирнымъ угаромъ. Издали доносился къ нему стукъ колесъ и копытъ, глухой говоръ, смѣшанный съ визгливымъ крикомъ торговокъ, а вблизы звенѣли въ кузницахъ удары молотовъ и шумѣли мѣха.

Не успѣлъ остановиться Богданъ и подумать, куда бы направиться, какъ незамѣтно изъ сосѣднихъ переулковъ его окружила толпа евреевъ въ лапсердакахъ, ермолкахъ, худыхъ, босыхъ и оборванныхъ; они осадили его цѣлымъ роемъ вопросовъ, просьбъ, и предложеній, пересыпая эту атаку боевыми схватками между собою.

— Ясневельможный пане, проше, я покажу отличную квартиру,—хватался одинъ за стремя.

— Пане грабе, сколько пану нужно покоевъ? Три, четыре, пять? У меня дешево, пышно!—останавливалъ другой коня за узду.

— Пане княже, я палацъ даю, палацъ!—кричалъ третій, отталкивая съ бранью перваго,—что ты понимаешь! Вѣдь это ясно-освѣценый, а ты—думкопфъ!

— Не слушай его, пане: онъ зухъ!

— Ахъ ты, шельма!—схватывались они за пейсы, а четвертый, оттолкнувши бойцевъ, лѣзъ уже почти къ карманамъ Богдана.—Пане, пане! Купи у меня шапку и бурку, „сличныя“... даромъ отдамъ!

— У меня, у меня, ясный пане, и сбруя, и сѣдла, и мушкеты, и кожи, и мыдла, и полотна, и сливы... и такое, что панъ только пальцы оближетъ.

— Геть! На бокъ!—крикнулъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнья Богданъ, махнувъ нагайкой, и повернулъ со спутниками налѣво въ переулокъ, рѣшившись пріютиться у своего пріятеля, даже родича по женѣ, пана Случевскаго, который былъ въ Каменцѣ бургомистромъ. Недалеко, за переулкомъ, стоялъ во дворѣ и каменный, одноэтажный домъ этого пана; туда и заѣхали всадники.

Хозяева были страшно изумлены пріѣздомъ Богдана, котораго считали уже, по слухамъ, погибшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовались ему искренно. Богданъ представилъ своимъ своякамъ джуру Марыльку, объяснивъ, что она дочь польскаго магната и спасена имъ изъ плѣна невѣрныхъ. Интересная гостья была сейчасъ-же заключена хозяйкой въ объятія и отведена на женскую половину для перемѣны костюма и для приведенія ея въ свойственный ей, пышный, восхитительный видъ; а Богданъ пошелъ оправиться съ дороги на половину Случевскаго; простые же козаки были помѣщены въ „офицынахъ“.

Черезъ часъ, или два, когда сумерки уже повисли надъ Каменцемъ дремотно-сѣрымъ покрываломъ, а въ покояхъ пана Случевскаго зажглись въ массивныхъ шандалахъ восковыя свѣчи, все общество собралось въ обширной свѣтлицѣ, обставленной съ нѣкоторой претензіей на моду, вторгавшуюся уже изъ чужеземщины и въ захолустья: между старинной, массивной мебелью стоялъ случайно затесавшійся комодъ съ бронзовыми украшеніями и перламутровыми ин-

крустаціями, между рядами иконъ помѣстилось внизу, поддерживаемое амурами и нимфами зеркало; между рамами старинныхъ портретовъ висѣла гравюра, изображавшая эпизодъ изъ игривыхъ похожденій Юпитера...

Всѣ усѣлись за дубовый, покрытый нѣсколькими скатертями столъ, и принялись съ аппетитомъ за обильную вечерю. Марылька сдѣлалась сразу предметомъ общаго восхищенія. Въ дѣвичьемъ роскошномъ, польскомъ нарядѣ, съ изящно убранной головкой, она теперь блистала новой, освѣженной красой; ни въ живыхъ краскахъ лица, ни въ блескѣ глазъ, ни въ граціи ея движеній не сказывалось никакого утомленія, а, напротивъ, играла и била ключемъ молодая, цвѣтущая жизнь. Марылька сразу почувствовала въ этомъ салонѣ свою силу и прикоснулась къ яду наслажденія властвовать надъ сердцами. Съ дѣтскою наивностью и врожденнымъ кокетствомъ, она увлекательно разсказывала о своихъ приключеніяхъ, то трогая слушателей описаніемъ трагическихъ эпизодовъ и искренностью чувства къ благородному рыцарскому подвигу ея спасителя, то смѣша ихъ до слезъ игривыми вставками разныхъ случайностей. Почувствовавъ себя внѣ опасности и въ родной обстановкѣ, Марылька сразу приняла увѣренный тонъ, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ фамильярности, которая, впрочемъ, не только не производила непріятнаго впечатлѣнія, а даже поднимала ее въ глазахъ семьи бургомистра, какъ магнатку. Взрослая, молоденькая дочь ихъ, нарядившая гостью, просто не могла оторвать отъ нея своихъ глазъ. Марылька платила ей за это милостивой улыбкой и посвящала, ради возникшей пріязни, въ какія-то интимныя сообщенія. Къ концу ужина между ними завязался долгій, таинственный разговоръ.

Панъ Случевскій разспрашивалъ, между тѣмъ, Богдана объ его похожденіяхъ, не скрывая отчасти своихъ шляхетскихъ симпатій и удивляясь „нелѣпымъ“ претензіямъ козаковъ, неумѣнью ихъ ладить съ мосцивыми панами, которые все-таки внесли свѣтъ въ эти дикіе края. Богданъ, зная политическія убѣжденія своего дальняго родича, не желалъ съ нимъ вступать въ безполезный споръ, а замѣтилъ лишь, между прочимъ, уклончиво:

— Эхъ, свате, свате! Не мы идемъ на погибель шляхетству, а, вы!

— Какъ такъ?—вытаращилъ глаза Случевскій.

— А такъ. Недомыслящее шляхетство и его однодумцы желаютъ повернуть весь вольный народъ въ рабовъ, въ свое быдло, а вѣдь этотъ народъ есть споконвѣчный господарь и рабочая сила этой земли. Такъ какъ же ты думаешь, свате, если-бъ насъ съ тобой выгоняли изъ нашей, кровью и потомъ орошенной земли, такъ мы бы ее добровольно уступили и поклонились бы любовно нашимъ гра-

бителямъ? Нѣтъ! Трупы наши можетъ выволокли-бъ, но не насъ... А если бы изъ насъ какой-либо „курополохъ“ и остался живымъ, то шляхетскій панъ нашелъ бы себѣ въ немъ вѣчнаго, непримиримаго врага... А ты прикинь-ка разумомъ, сколько такихъ враговъ пришлось бы на пана? Вотъ смотри,—Богданъ взялъ въ горсть поджареннаго „смаженнаго“ гороху и нѣсколько фасолинъ, положивъ послѣднія сверху, онъ встряхнулъ горстью, и фасоли исчезли между горохомъ,—а ну, поди, поищи теперь твою фасоль!

— Ловко!—усмѣхнулся Случевскій. Пани переглянулись, а Марылька съ испугомъ остановила глаза на Богданѣ. Что старался доказать Богданъ, она себѣ не уяснила, но изъ его словъ она поняла двѣ мысли, которыя ее и испугали, и изумили: во первыхъ то, что Богданъ считаетъ быдло властителями земли, а во вторыхъ желаетъ что-то весьма недоброе шляхетству.

— Видишь ли, свате,—продолжалъ, между тѣмъ, Богданъ снисходительнымъ тономъ,—для того, чтобы шляхетство жило и пановало, нужно, чтобы оно было въ дружбѣ съ народомъ, чтобъ оно ему было полезнымъ просвѣтителемъ и помощникомъ, защитникомъ даже его правъ, тогда и шляхетство будетъ имѣть отъ народа пользу, даже и „маетности“ панскія дадутъ больше прибыли... Вѣрно! Ты вотъ, свате, заѣзжай, „съ ласки“, въ мой Субботовъ, такъ увидишь, какое это золотое дно, а у меня ни рабовъ, ни подневольнаго люду нѣтъ!

— Такъ и есть,—подумала про себя Марылька:—ни рабовъ, ни подневольнаго люду, значитъ простая козацкая хата; одначе говоритъ самъ—золотое дно... ну, а все-таки,—надула она губки и начала прислушиваться къ дальнѣйшему разговору.

— Да ты, свате, голова, что и толковать,—подливалъ въ кубки меду Случевскій,—жалко, что ты съ нашимъ канцлеромъ не потолкуешь: онъ, говорятъ, тоже что-то противъ вольныхъ сеймовъ, противъ магнатства.

— Развѣ ясneосвѣцоный панъ Оссолинскій здѣсь?—спросилъ Богданъ и обмѣнялся взглядомъ съ Марылькой.

— Если сегодня не выѣхалъ, потому что завтра отъѣзжаетъ и его ясность король.

— Завтра? Чтожъ это я?—поднялся со стула Богданъ и сталъ тревожно прощаться съ хозяевами,—простите, мнѣ дорога минута... Я къ Оссолинскому.

Марылька также приподнялась невольно со своего мѣста и поблѣднѣла.

На дворѣ стояла ночь. По небу ползли прядями облака; кое-гдѣ между ними сверкали еще тусклыя звѣзды. Богданъ шелъ то-

ропливо по узкой кривой улицѣ, пустынной и мрачной; сердце его сжималось непонятною тревогой: въ первый разъ ему придется поговорить съ канцлеромъ о дѣлахъ лично,—оправдаются ли завѣтныя ожиданія, или разсѣются послѣднія надежды? А если даже не приметъ?... Досада разбирала Богдана за убитое время у свата, и онъ поспѣшно шагалъ, нахлобучивъ сивую шапку и завернувшись въ керею.

Вотъ и торговая площадь, обставленная высокими „каменицами“ (каменными домами), съ лавками и подвалами въ первыхъ этажахъ; теперь широкія, кованныя двери закрыты; подъ сводчатыми нишами лежали черными пятнами косматыя тѣни, и площадь спала, окутанная сгущавшимся мракомъ. Было тихо и глухо; изрѣдка нарушалъ тишину лишь далекій лай собакъ, или съ высокой замковой башни прорѣзывалъ сонный воздухъ окрикъ часоваго „вар-туй“, на который долеталъ изъ-за турецкаго моста едва слышный откликъ „вар-туй!“

Самая башня возвышалась надъ всѣми строеніями въ углу площади; корона ея грозно чернѣла зубцами на небѣ; между ними свѣтился теперь мигающимъ свѣтомъ фонарь. У подножія башни зіяло черной пастью отверстіе, закрытое внутри желѣзною брамой; справа и слѣва примыкалъ къ башнѣ высокій „муръ“ (каменная стѣна), прорѣзанный узкими бойницами; черезъ извѣстные промежутки высились на немъ круглыя башенки. Теперь въ темнотѣ все это укрѣпленіе, съ одноглазымъ фонаремъ на вершинѣ, казалось колоссальнымъ сидящимъ циклопомъ. Богданъ перерѣзалъ площадь и направился къ башнѣ; приблизившись, онъ схватилъ рукою висящій у входа молотокъ и нѣсколько разъ ударилъ имъ въ желѣзный щитъ на кованной „брамѣ“. Небольшая форточка отворилась; въ нее ворвался красноватый отблескъ внутренняго фонаря и показалось въ шишакѣ сердитое, съ торчащими усами лицо.

— Кой тамъ чортъ звякаетъ?—зарычалъ низкій, бульдожій голосъ.

— Не чортъ, а хрещеный козакъ,—отвѣтилъ спокойно Богданъ.

— А, сто сотъ „дьябловъ“! Какого бѣса нужно?—хрипѣлъ басъ.

— Ясноосвѣцонаго... пана канцлера...

За „брамой“ послышался сдержанный шопотъ, къ которому присоединились и другіе голоса.

— А по какому праву и по какой „потребѣ“ „вацпанъ“ можетъ въ такой поздній часъ тревожить его княжью мосць?—спросилъ уже теноръ.

— По неотложной,—отвѣтилъ Богданъ.

— А какія тому доказательства?

— Пусть доложитъ панъ его княжеской милости, что чигиринскій сотникъ Хмельницкій ждетъ его распоряженій, и если ясновельможный панъ канцлеръ велитъ меня впустить, то это и будетъ лучшимъ доказательствомъ.

Аргументъ, очевидно, подѣйствовалъ на стражниковъ: послѣ короткаго совѣщанія, кто-то крикнулъ изъ-за брамы:

— Пусть панъ ждетъ!—и вслѣдъ затѣмъ раздались удаляющіеся шаги.

Черезъ нѣсколько минутъ „брама“ была открыта, и Богданъ послѣдовалъ за гайдукомъ, черезъ узкій съ полукруглымъ сводомъ проходъ, на замковый дворъ; послѣдній освѣщался еще однимъ фонаремъ, висѣвшимъ на толстомъ шестѣ, усаженномъ вокругъ желѣзными кольцами. Прямо противъ „брамы“, внутри замкнутаго круга крѣпостной стѣны, къ грозному укрѣпленію, нависшему бойницами надъ пропастью, примыкало неуклюжею черепахой зданіе, въ которомъ помѣщались жилые покои для коменданта и крѣпостного старшины; справа и слѣва подъ „мурами“ ютились конюшни, амбары, кладовыя, погреба и жилья для гарнизона и дворни. Теперь комендантская квартира была занята королемъ и его свитой. Узкія рѣшетчатыя окна, закрытыя внутренними ставнями, свѣтились еще тонкими линіями черезъ щели. Передъ крыльцомъ и у самаго входа стояли на „вартѣ“ тяжело вооруженные латники.

Богданъ вошелъ по каменнымъ, широкимъ ступенямъ въ просторныя сѣни и, повернувъ за провожатымъ въ дверь налѣво, остановился въ небольшой комнатѣ, освѣщенной висячею люстрой, съ низенькими диванами у стѣнъ; тамъ сидѣли два молоденькихъ козачка, вскочившихъ съ мѣстъ при его входѣ. Провожатый проскользнулъ въ боковую дверь, оставивъ Богдана одного, и черезъ мигъ, отдернувъ занавѣсъ у главной двери, торжественно произнесъ:

— Его ясная мосць проситъ пана войти.

Богданъ поспѣшно сбросилъ керею на руки козачка и, оправивши чуприну, вошелъ не безъ смущенія въ слѣдующій обширный покой. Царственная роскошь ему бросилась сразу въ глаза; окна и двери были задрапированы дорогимъ штофомъ; во весь каменный полъ лежалъ пушистый цареградскій коверъ; складная золоченая мебель была обита венеційскимъ „аксамитомъ“ и „блаватасомъ“; масса инкрустированныхъ табуретовъ и низкихъ пуховыхъ, покрытыхъ „златоглавомъ“, диванъ стояла въ искусственномъ безпорядкѣ; на нихъ лежали тамъ и сямъ съ драгоцѣнными вышивками подушки; диковинной иноземной работы столы были завалены планами и бумагами; на столахъ сверкали множествомъ огней массивные серебряные канделябры; между ними искрились золотые жбаны, кубки, ковши; по угламъ

свѣтлицы возвышались высокіе, бронзовые консоли; на мраморныхъ колонкахъ курились восточные ароматы...

Богданъ не успѣлъ оглянуться, какъ на встрѣчу къ нему съ протянутыми привѣтливо руками вышелъ изысканно, по французской модѣ, хотя и нѣсколько моложаво одѣтый магнатъ. Съ перваго взгляда ему нельзя было дать и сорока пяти лѣтъ,—такъ молодили его косметическія средства, особенно вечеромъ. Пріятныя, немного расплывшіяся его черты оживлялись снисходительно-привѣтливой улыбкой; но въ нѣсколько сжатыхъ черныхъ бровяхъ таилась надменность и сознаніе своего величія. Бѣлая, гладко бритая, выхоленная кожа лица отливала атласомъ; красиво отброшенные назадъ, завитые, подозрительно-темные волосы придавали выпуклому лбу матовую блѣдность; въ синихъ, умныхъ глазахъ, нѣсколько прищуренныхъ и обрамленныхъ сѣтью морщинъ, видны были слѣды усталости и пресыщенія, хотя подъ лѣнивымъ ихъ взглядомъ вѣчно теплилась искра затаенной пытливости. Во всей его еще стройной фигурѣ было много живости и изысканной, свѣтской ловкости. На правой сторонѣ груди у вельможи сверкала брилліантовая звѣзда.

Осолинскій, сдѣлавши жестъ, обозначавшій готовность принять даже въ объятія козака, тѣмъ не менѣе руки ему не подалъ, а выразилъ только гостепріимную радость.

— Весьма радъ, наконецъ, видѣть пана сотника... Его милость король тоже будетъ доволенъ...

— Да хранитъ Господь найяснѣйшаго нашего круля и вашу княжью мосць!—поклонился низко Богданъ, прижавъ къ груди правую руку.

— Спасибо, спасибо, пане!—вспыхнулъ канцлеръ. Его пріятно пощекотало величанье княжескимъ титуломъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ Италіи, противъ котораго поднимали цѣлую бурю „уродзоные“ княжескіе роды.—Ну, что пріятнаго намъ скажетъ панъ-сотникъ? До короля доходили только смутные слухи.

— Его „маестатъ“ намъ святыня; наши дѣянія и надежды у пресвѣтлыхъ ногъ королевской мосци,—произнесъ съ вѣрноподданническимъ чувствомъ Богданъ.

— Такія мысли достойны великой похвалы,—пронизалъ козака взглядомъ вельможа,—и если-бы всѣ ихъ питали, то крѣпость государства была-бы незыблема.

— За себя и за своихъ собратьевъ я могу передъ княжьей милостью поручиться,—взглянулъ смѣло Богданъ въ прищуренные глаза магната,—и если наше бытіе угодно найяснѣйшей волѣ, то козакамъ остается только радоваться и благодарить Вседержителя.

— Дай Богъ!—опустилъ глаза канцлеръ.—Но какъ только согласовать возстанія ваши противъ закона и порядка, ergo и противъ источника ихъ и главы?

— Клянусь Богомъ,—горячо отвѣтилъ Богданъ,—мои собратья не обнажали противъ закона и порядка меча, а они защищали грудью законъ и поднимали мечъ противъ его нарушителей, будучи убѣждены, что таковые суть враги не только порядка и блага, но и зиждителя ихъ, нашего верховнаго владыки и батька... Его пресвѣтлымъ именемъ и за его великое право клали свои буйныя головы козаки.

— Виватъ!—сдѣлалъ одобрительный жестъ рукою вельможа,—весьма остроумно; но какими-же аргументами объяснитъ панъ нападеніе козаковъ на границы союзныхъ народовъ, черезъ что нарушаются мирные договоры Посполитой Рѣчи и накликаютъ на отечество всѣ ужасы и бѣды войны?

Богданъ въ свою очередь посмотрѣлъ пристально въ глаза пану канцлеру; послѣдній не выдержалъ козачьяго взгляда и опустилъ глаза, вспыхнувъ едва замѣтнымъ румянцемъ.

— Съ мирными сосѣдями козаки никогда не нарушали своевольно „панскихъ“ трактатовъ,—послѣ большой паузы заговорилъ убѣжденно Богданъ,—но развѣ невѣрныхъ разбойниковъ-бусурманъ и татаръ можно называть мирными сосѣдями? Они не признаютъ ни правъ нашего государства, ни его границъ; они постоянно врываются, какъ „хижые“ волки, въ предѣлы отечества... несутъ ему смерть и руину, забираютъ гражданъ въ полонъ... Такъ мы защищаемъ только границы нашего государства и на свою грудь принимаемъ удары не мирнаго сосѣда, а врага, не допуская его до сердца великой Польши.

— За одну такую голову, какъ у пана,—развелъ руками въ восторгѣ вельможа,—можно многое его собратьямъ простить.

— Княжья мосць очень милостива,—смутился Богданъ.

— Suum cuique,—развелъ руками Оссолинскій.—Одначе... пусть панъ присядетъ и разскажетъ подробнѣе о всемъ случившемся въ эти полгода

Почтительно, но не подобострастно опустился Богданъ на ближайшій табуретъ, а канцлеръ полуразвалился на подушкахъ дивана и приказалъ козачку подать „венгржины“.

Богданъ разсказалъ о морскомъ походѣ, вызванномъ, якобы, грозившимъ западной окраинѣ со стороны Буджака нападеніемъ, которое парализовали козаки, разсказалъ о страшной бурѣ, разметавшей чайки и воспрепятствовавшей предположенному набѣгу на берега Анатоліи, разсказалъ о морскихъ битвахъ и трофеяхъ, между прочимъ, и о Марылькѣ.

Оссолинскій все это слушалъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ, не сводя проницательныхъ глазъ съ Богдана и попивая небольшими глотками вино.

— Успѣхъ всякаго дѣла въ рукѣ Божіей,—замѣтилъ, наконецъ, канцлеръ,—а ваши поступки освѣщаются мнѣ теперь благонамѣренными побужденіями, которыя не идутъ въ разрѣзъ ни съ интересами Рѣчи Посполитой, ни съ высокими королевскими стремленіями; нужно только яснѣе поставить на видъ движеніе Пивтора Кожуха, и его королевская мосць окажетъ тебѣ, пане, благоволеніе. Мы уже имѣемъ и нѣкоторыя послѣдствія вашихъ походовъ: получена въ посольской нашей избѣ вѣская нота Высокой Порты о козацкихъ разбояхъ, требующая отъ Рѣчи Посполитой крупныхъ денежныхъ выплатъ, оскорбительныхъ для чести государства. Нужно и передъ сеймомъ оправдать воинственныя движенія козаковъ, тогда требованіе Порты выростетъ въ „casus belli“, вслѣдствіе чего намъ необходимо быть насторожѣ и заблаговременно готовиться къ оборонѣ.

— Мы всѣ къ оборонѣ королевской чести и блага нашей „ойчизны“ готовы!—воскликнулъ Богданъ.—Пусть ясный князь скажетъ только слово, и несмѣтныя силы могутъ „повстать“ на Украйнѣ.

— На вашу вѣрность и преданность король и его сподвижники надѣются,—произнесъ Оссолинскій,—но дѣйствительно-ли такую чрезмѣрную поддержку можетъ оказать отечеству Украйна?

— У насъ, ясный княже, гдѣ „кракъ“, тамъ и козакъ, а гдѣ „байракъ“, тамъ сто козаковъ.

— Мнѣ это весьма пріятно знать,—потеръ себѣ руки вельможа,—это даетъ больше твердости и увѣренности, а въ панской преданности король, кажется, ошибаться не можетъ.

— Свидѣтель тому всемогущій Богъ!—поднялъ два пальца Богданъ, порываясь торжественно встать.

— Вѣрно, вѣрно!—дотронулся слегка Оссолинскій до плеча Хмельницкаго, удерживая его на мѣстѣ.

— Всякое желаніе нашего милостиваго короля,—продолжалъ пылко Богданъ,—и ясноосвѣщеннаго князя, противъ кого-бы оно направлено ни было, мы поддержимъ своими костьми.

— Спасибо, спасибо!—прервалъ бурный потокъ рѣчи Богдана вельможа и, улыбнувшись, прибавилъ: панъ юношески пылокъ,—а потомъ сразу перемѣнилъ тему бесѣды, вспомнивъ о спасенной панянкѣ.

— Эта Марылька меня очень заинтересовала,—началъ онъ легкимъ, игривымъ тономъ,—она, быть можетъ даже дальняя родственница намъ... по женѣ... Помнится, что у отца ея было громадное состояніе и, за лишеніемъ правъ этого „баниты“, кѣмъ-то похищено; но

если прямая наслѣдница есть, то eo ipso она можетъ домогаться его возврата... Да, да! А за сироту я возьмусь хлопотать и даже доложу объ этомъ королю... Во всякомъ случаѣ панскій поступокъ доблестенъ и благороденъ.

У Богдана при послѣднихъ словахъ почему-то сжалось до боли сердце: ему было-бы пріятнѣе услышать отъ канцлера полное безучастіе къ судьбѣ Марыльки.

— Какого возраста она?—прищурилъ глаза вельможа и отпилъ лѣниво глотокъ дорогого вина.

— Лѣтъ пятнадцати... еще дитя,—старался равнодушно отвѣтить Богданъ, но голосъ ему измѣнялъ.

— И обѣщаетъ быть дурнушкой или сносна личикомъ?

— Необычайно... изумительно!—невольно сорвалось съ языка у Богдана, но онъ, желая замять проявленіе своего восторга, добавилъ небрежно: впрочемъ, мы, грубые воины, плохіе знатоки красоты женской и цѣнить ее не умѣемъ; вотъ, если-бы ваша княжья мосць показали мнѣ какой-либо клинокъ, то въ оцѣнкѣ его знатокомъ-бы я былъ безошибочнымъ.

— Такъ, такъ, пане,—улыбнулся лукаво канцлеръ и поправилъ рукою разсыпавшіяся на лбу кудри,—я эту панну приму въ свою семью; она будетъ пригрѣта и воспитана согласно своему общественному положенію... Я выхлопочу ея имущество, а жена устроитъ ея судьбу.

— Сиротка должна Бога благодарить,—поперхнулся словомъ козакъ,—за такое счастье... почетъ.

— Дай Богъ!—загадочно замѣтилъ панъ канцлеръ, и послѣ долгой паузы быстро спросилъ:—она гдѣ теперь, эта панна?

— Здѣсь, въ Каменцѣ, у моего свата, бургомистра Случевскаго.

— А! прекрасно! Я за ней пришлю „повозъ“ съ моею дочерью.

У Богдана словно оборвалось что въ груди. Оссолинскій вынулъ золотую табакерку, украшенную портретомъ Жигмонта и осыпанную алмазами, досталъ изъ нея щепотку ароматическаго табаку и, медленно нюхая, наблюдалъ смущеніе козака и изучалъ вмѣстѣ съ тѣмъ его характеръ.

„Пылкость и искренность“—подчеркнулъ онъ въ умѣ свои наблюденія и этимъ выводомъ остался доволенъ,—положиться на него, кажется, можно.

— Да, теперь вотъ о чемъ поговорить я хочу съ паномъ сотникомъ,—обмахнулъ канцлеръ платкомъ носъ и началъ вертѣть табакерку между пальцами.—Видишь-ли, пане, установленные го-

сударствомъ и утвержденные верховною властью законы и учрежденія суть краеугольные камни, на которыхъ зиждется общее благо... И король, помазанникъ Божій, стоитъ стражемъ и охранителемъ ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ блюдетъ, чтобъ учрежденія и законы не уклонялись отъ путей, указанныхъ священною волей, и чинили бы въ отечествѣ правду и благо... Это, такъ сказать, двѣ силы, исходящія изъ одного источника, поддерживающія другъ друга и возвращающіяся къ исходному началу... Оссолинскій говорилъ изысканно, съ ораторскими пріемами, любуясь самъ своимъ краснорѣчіемъ, а Хмельницкій, нѣсколько нагнувшись впередъ, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, сознавая горько, что старая лисица только путаетъ слѣды и, маня хвостомъ, заметаетъ ихъ.

— Но вѣдь всѣмъ извѣстно, — продолжалъ канцлеръ, что errare humanum est и что общество, даже самое преданнѣйшее „ойчизнѣ“, можетъ въ своихъ мысляхъ и поступкахъ ошибаться и уклоняться отъ истины, какъ низшія сословія, такъ и высшія, какъ козаки, такъ и благородная шляхта, ибо человѣческая природа несовершенна и мы всѣ бродимъ въ темнотѣ, обуреваемые страстями. Только поставленный превыше всѣхъ Богомъ и нашими институціями, только тотъ можетъ съ высоты созерцать и истину, озаренную свѣтомъ, и наши заблужденія, таящіяся во мракѣ,—Оссолинскій заложилъ ногу на ногу и, поправивъ подушки, облокотился на нихъ поудобнѣе,—а потому каждый гражданинъ, и въ отдѣльности, и въ „громадѣ“, долженъ свято чтить высокую личность мѵропомазанника, не только охраняя власть его отъ всякихъ на нее покушеній, но и возвеличивая ее, памятуя твердо, что утвержденіе въ силѣ этой власти укрѣпляетъ въ правдѣ и значеніи всѣ институціи нашей славной Рѣчи-Посполитой, а съ умаленіемъ и уничтоженіемъ ея расшатываются скрѣпы „ойчизны“... Своеволія и самоуправства не суть глашатаи свободы, а суть прорицатели ея паденія и общей гибели!

Ораторъ остановился, слѣдя за произведеннымъ впечатлѣніемъ, и потянулся освѣжить горло живительною влагой.

— Клянусь Богомъ, святая правда въ словахъ вашей мосци,—воспользовался паузой Богданъ, желая подчеркнуть и вывести на свѣтъ мысль Оссолинскаго,—безъ пана не можетъ нигдѣ быть порядка, и надъ міромъ есть всеблагій и единосущный Панъ; одному пану, какъ на небѣ, такъ и на землѣ, должны мы кориться и слова его „послухать“, и это послушаніе за честь и за благо; но имѣть на спинѣ, кромѣ пана, сотню „пидпанковъ“ и всякому кланяться—заболитъ шея, да не будешь знать, кого и слушаться: одинъ на другого натравлять станетъ. У насъ и пословица есть:

„пана вважай, а пидпанкивъ мынай", потому что „не такъ паны, якъ ти пидпанкы".

— Хотя не мой, но остроумный выводъ,—засмѣялся вельможа, сдѣлавъ рукою одобрительный жестъ,—панъ своеобразно развилъ мою мысль и подтвердилъ еще разъ, что въ выборѣ нужной для насъ головы я не ошибся... Не смущайся, пане, не смущайся... Кому же лучше и знать жесткія рукавицы этихъ „пидпанковъ", какъ не вамъ? Не безъизвѣстно, конечно, пану, что для успѣшной борьбы со зломъ нужно, чтобы доброе начало имѣло перевѣсъ силы, равно и для отстоянія закона и блага въ отечествѣ нужно, чтобы мы, смиривъ свою гордыню... признали бы... королевскую власть священной... Во всѣхъ иноземныхъ державахъ она утверждена на прочныхъ началахъ и служитъ источникомъ величія, силы и преуспѣянія народовъ... Связь съ этими „моцарствами" не только полезна для насъ, но и необходима... Вотъ, напримѣръ, король и къ вамъ, порицая ваши самоуправія,—быть можетъ и вызванныя самоуправствами другихъ и слабостью закона—питаетъ сердечныя чувства, уважая въ васъ вѣрныхъ поборниковъ его священныхъ правъ и цѣлости государственной... но, тѣмъ не менѣе, лично удовлетворить вашей челобитной не могъ... Вѣдь, король только въ военное время имѣетъ власть самолично распоряжаться,—подчеркнулъ Оссолинскій, сдѣлавъ небольшую паузу,—а въ мирное время все вершитъ сеймъ... ну, а шляхетный сеймъ до такой степени подозрителенъ и придирчивъ, что даже кричитъ противъ институціи орденовъ, учрежденныхъ во всѣхъ иноземныхъ державахъ, боясь, чтобы и эта награда не находилась въ рукахъ короля, чтобы онъ, какъ выражаются, не могъ привлекать къ себѣ „цяцьками" приверженцевъ...

— Да и у насъ это понимаютъ лучшія головы,—замѣтилъ Хмельницкій,—но трудно внушить простолюдину, чтобы король, коронованная, Богомъ помазанная глава, не имѣлъ въ рукахъ власти обуздать насиліе благородной шляхты; народъ въ этомъ видитъ потворство короля и отождествляетъ его волю съ своеволіемъ буйнымъ...

— Это то и есть во всей мистеріи самое грустное,—искренно вздохнулъ канцлеръ,—здѣсь у насъ нѣтъ опоръ, и мы ищемъ ихъ за предѣлами отечества, т. е. ищемъ союзовъ къ предстоящей войнѣ,—поправился онъ, смутившись—хотя война есть большое разорительное бѣдствіе для страны и нежелательна ни королю, ни Рѣчи-Посполитой, но бываютъ неизбѣжныя обстоятельства,—вѣдь вотъ и теперь идутъ враждебные набѣги на наши окраины... Ну, такъ королю нужно заблаговременно думать и готовиться ко всему, какъ внутри государства, такъ и внѣ его... тѣмъ болѣе, что въ

военное время онъ становится единымъ диктаторомъ,—протянулъ Оссолинскій,—полновластнымъ раздавателемъ всякаго рода привилегій своимъ вѣрнымъ союзникамъ... Однимъ словомъ, какъ велики права, такъ велика и отвѣтственность... почему его королевская мосць долженъ озаботиться... послать всюду преданныхъ и вѣрныхъ людей...—поперхнулся отъ нервнаго волненія канцлеръ и, откашлявшись, понюхалъ еще табаку,—такъ вотъ для этихъ разслѣдованій и соисканій,—добавилъ онъ торопливо,—намъ нужны умныя, знакомыя съ придворными хитростями головы... Можно ли разсчитывать намъ по чести на пана сотника?

Богданъ стремительно поднялся со своего мѣста, обнажилъ свою саблю и, положивъ ее на руки, произнесъ торжественно, дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— Клянусь этой святыней, врученною мнѣ подъ Смоленскомъ моимъ „найизлюбленнѣйшимъ“ паномъ, найяснѣйшимъ теперешнимъ королемъ, клянусь передъ лицомъ всемогущаго Бога, что всю мою душу положу для блага короля, для осуществленія его начертаній и для счастія моего народа, не щадя послѣдней капли крови!

— Amen!—произнесъ канцлеръ.—Благодарю и за короля, и за себя!—подошелъ онъ къ Богдану и пожалъ ему искренно руку. Такъ, значитъ, панъ нашъ!—наполнилъ онъ изъ кувшина кубокъ Богдана, поднялъ свой и чокнулся съ нимъ звонко.—Да поможетъ намъ Богъ и да хранитъ отъ бѣдъ наше правое дѣло!

Богданъ опорожнилъ, не переводя духу, свой кубокъ.

— Ну, а какъ панъ...—подошелъ опять канцлеръ къ Хмельницкому—не связанъ ли онъ теперь? Можемъ-ли мы распорядиться съ мѣста его услугами? Надобность вѣдь неотложна...

— Мои личныя нужды, княжья милость, не могутъ идти въ разсчетъ съ нуждами общественными, а кольми паче съ „потребами“ нашего батька-короля,но я бы молилъ облегчить и теперь хоть немного участь козаковъ; они бы и въ малой ласкѣ увидѣли надежду... благодарности не было-бъ и конца...

— По-рыцарски, дружелюбно,—улыбнулся панъ канцлеръ,—все, что пока возможно, будетъ сдѣлано... Король радъ... Но... я употреблю всѣ усилія, а пана мы заполонимъ сразу и съумѣемъ оцѣнить его преданность... Сегодня я отпускаю пана сотника, а на завтра прошу рано прибыть сюда и сопровождать короля до Хотина.

У Богдана мелькнула мысль, что канцлеръ хочетъ оставить его при себѣ; при этомъ почему-то безсознательно сверкнулъ предъ нимъ образъ Марыльки.

— До Хотина или немного дальше,—продолжалъ, что-то сообразивши, магнатъ,—тамъ я вручу пану и письма, и полномочія,

и инструкціи, а король лично передастъ свои желанія и ввѣритъ грамоты... Пану предстоитъ большое путешествіе: и къ австрійскому родственному двору, и въ Венецію къ нунцію Тьеполо, и къ герцогу Мазарини въ Парижъ... похлопотать тамъ, заключить интимные союзы, нанять войска... Мы ввѣряемъ, пане, твоей рыцарской чести большую государственную тайну и полагаемся вполнѣ на твой умъ и на твое преданное, честное сердце,—протянулъ онъ руку Богдану.

Послѣдній, ошеломленный неожиданнымъ порученіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и польщенный высокимъ довѣріемъ, прикоснулся губами къ плечу канцлера и съ низкимъ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

Взволнованный наплывомъ неожиданыхъ впечатлѣній, остановился за „брамой“ Богданъ широко вдохнуть грудью струю свѣжаго воздуху.

На западѣ стояла уже туча черной стѣной; безпрестанныя молніи бороздили ее и освѣщали на мигъ фосфорическимъ свѣтомъ и высокія крыши спящаго города, и грозные контуры надвигавшейся тучи... Небо словно мигало зловѣщимъ, чудовищнымъ глазомъ...

— Да, туда, подъ эти грозы и „блискавицы“ влечетъ тебя доля, козаче,—мелькали въ горячей головѣ Богдана налетавшія бурею мысли,—и не будетъ тебѣ успокоенія, пока не перестанетъ это сердце колотиться въ груди... Что же сулишь ты мнѣ, грозная туча,—или понесешь меня на крыльяхъ бури, возвѣстить моему краю надежду, или сразишь подъ перунами мою мятежную душу?

Порывистый вѣтеръ пахнулъ Богдану въ лицо, онъ сплылъ ему шапку на встрѣчу и торопливо пошелъ домой.

Итакъ выѣзжать, выѣзжать немедленно, не заѣхавши даже въ Субботовъ, домой. Эхъ, и гдѣ это у козака его домъ?—вздохнулъ Богданъ:—чистое поле—его дворище, темный боръ—хата. Но что-же будетъ съ его семьей? До сихъ поръ онъ не получалъ о ней извѣстій, что съ ними?.. Не случилось-ли чего? Зная, что его нѣтъ дома, развѣ трудно затѣять наѣздъ... Во всѣ эти послѣднія треволненія онъ даже забылъ думать объ этомъ: какъ и чѣмъ-бы онъ могъ помочь!—Богданъ провелъ досадливо рукой по волосамъ:—эхъ, всѣ мы въ волѣ Божьей!—вздохнулъ онъ, стараясь успокоить себя отъ тревожныхъ мыслей.—Онъ, милосердный заступникъ, не оставитъ ихъ. Да вѣдь нельзя и отказаться отъ порученья короля: не для себя вѣдь, для блага отчизны: въ этой войнѣ единое спасенье всего края... такъ можно-ли даже ставить на вѣсы съ нимъ заботы о своей семьѣ? Да и что-же можетъ имъ угрожать?—Ганна навѣрное переѣхала къ нимъ, а съ нею и Золотаренко, опять-же и Ганджа тамъ вмѣстѣ съ ними. Дастъ Богъ досмотрятъ. Да и онъ же не вѣкъ тамъ въ чужихъ земляхъ мытарствовать будетъ: устроитъ все,

да и домой!—утѣшалъ себя Богданъ, чувствуя, какъ въ душѣ его, не смотря на всѣ доказательства разума, не смотря на надежды, возникающія изъ его будущей поѣздки, не улегалась горечь отъ предстоящей разлуки... съ кѣмъ?—съ семьей? съ Ганной? съ больной женой? Но вѣдь съ ними онъ разстался давно и чувство этой разлуки уже притупилось въ его душѣ... Съ Марылькой? Но что мнѣ до нея!—перебилъ самъ себя Богданъ:—слава Богу, что удалось исполнить данное товарищу слово и пристроить у такихъ важныхъ пановъ! Нѣтъ, вотъ домой, отдохнуть хотѣлось, повидаться со всѣми,—объяснилъ онъ себѣ свою непонятную тоску, вызывая въ воображеніи мирныя картины Субботовской жизни, больную жену, дѣтей, Ганну. Но образъ Ганны являлся ему печальный и блѣдный, а большіе сѣрые глаза ея, словно съ нѣмымъ укоромъ, смотрѣли въ его глаза. Эхъ, Ганно, золотая душа моя!—вздохнулъ глубоко Богданъ, почувствовавъ въ своемъ сердцѣ приливъ нѣжной признательности къ этой чудной дѣвушкѣ, такъ беззавѣтно преданной ему и его семьѣ. И почему-то вдругъ, рядомъ съ образомъ Ганны, печальнымъ и блѣднымъ, всталъ яркій образъ Марыльки съ ея золотистыми волнами волосъ, съ ея синими глубокими глазами, жаркимъ румянцемъ на щекахъ, съ ея сверкающей улыбкой и звонкой, серебристой рѣчью.—Эхъ, что это я въ самомъ дѣлѣ, „съ глузду ссунулся“ что-ли! —оборвалъ себя вслухъ Богданъ, сердито взъерошивая волосы.—Надо домой написать, повѣстить обо всемъ,—продолжалъ онъ свои размышленія:—только черезъ кого передать? Эхъ, если-бъ Морозенко былъ теперь со мною! Да гдѣ-то онъ бѣдняга, быть можетъ и на свѣтѣ его нѣтъ, а можетъ взяли въ неволю татаре... жалко, жалко хлопца, равно какъ сына родного!—Богданъ глубоко задумался и не замѣтилъ, какъ дошелъ до дома своего родича.

Прошедши на конюшню, гдѣ стояли его лошади и спали прибывшіе съ нимъ козаки, онъ разбудилъ одного изъ нихъ.

— Вставай, Рябошапко,—обратился онъ къ нему, когда разбуженный козакъ былъ наконецъ въ состояніи понять обращенныя къ нему слова: готовься въ дорогу: сейчасъ дамъ тебѣ „листы“, поѣдешь ко мнѣ въ Субботово. Я думаю, какъ ѣхать ты знаешь?

— Знаю, знаю,—улыбнулся Рябошапка,—да тутъ еще и одинъ человѣкъ есть знакомый изъ Чигирина, Чмыремъ зовутъ.

— Чмыремъ? А знаю, знаю,—обрадовался Богданъ,—такъ ты вотъ приведи его ко мнѣ, а самъ готовься. Утромъ рано поѣдешь.

Отдавъ приказанія и другимъ козакамъ быть готовыми двинуться чуть свѣтъ въ путь, Богданъ отправился въ домъ и принялся торопливо писать Ганнѣ и Ганджѣ письма, а потомъ пришелъ и Чмырь. Онъ передалъ Богдану, что въ Субботовѣ пока, насколько

онъ могъ знать, обстояло благополучно. Въ горячей бесѣдѣ съ нимъ Богданъ не замѣчалъ ни раскатовъ грома, ни ослѣпительныхъ молній, ни бури; впрочемъ, туча коснулась крыломъ только Каменца, и ее смѣнило свѣжее, бодрое, ликующее утро.

Богданъ вышелъ на крыльцо и совершилъ краткую молитву къ востоку; козаки стояли уже на дворѣ съ готовыми, осѣдланными конями, когда вышелъ сонный бурмистръ, не могшій сообразить, что все это значитъ? Въ короткихъ словахъ передалъ Богданъ свату требованіе канцлера и поручилъ ему доглядѣть сиротку Марылку, пока не возьметъ ее семья Оссолинскаго. Богданъ все это передавалъ оторопѣвшему хозяину нервно, сбивчиво и не совсѣмъ понятно, спѣша скрыть свое непослушное волненіе и уйти отъ тяжелаго прощанія съ Марылкой; но это ему не удалось: Марылка цѣлую ночь не спала въ непонятной тревогѣ и теперь уже стояла блѣдная, трепещущая въ сѣняхъ, прислушиваясь къ ужасной для нея вѣсти.—Такъ значитъ Богданъ не хочетъ отыскать ея отца, или его вовсе нѣтъ на свѣтѣ? Кому онъ отдаетъ ее? Неизвѣстному ей канцлеру Оссолинскому? О, Господи, что-то будетъ съ нею?

Пане, пане!—рванулась она къ Богдану,—не бросай меня! Я не могу безъ тебя!..—хватала она его за руки, заливаясь слезами и прижимаясь къ груди.—Мнѣ страшно одной... все чужіе... лучше умереть... я боюсь... Не кидай меня!

— Марылько... „дытыно моя любая“,—успокаивалъ ее рвущимся голосомъ Богданъ,—и въ груди его что-то дрожало и билось,—успокойся... это на малое время... Я до Хотина только... провожу короля, а можетъ быть вмѣстѣ и тебя повезутъ въ Хотинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—билась Марылка у него на груди.—Сердце мое чуетъ обманъ... тоска давитъ... Опять чужіе, недобрые люди: ни ласки, ни теплаго слова,.. одна, на цѣломъ свѣтѣ одна... ни матери, ни отца роднаго!—захлебнулась Марылька, и слезы покатились ручьями изъ ея синихъ, объятыхъ страхомъ, очей.

— Клянусь, что какъ дитя... тебя .. до смерти... всѣхъ замѣню!—путался Богданъ въ словахъ, лаская головку Марылки.

— Пане, ты назвался мнѣ вторымъ татомъ,—вздрагивала она всѣмъ тѣломъ по-дѣтски,—зачѣмъ-же отталкиваешь свою „доню“? Отчего не хочешь отыскать ей родного отца, отчего отдаешь чужимъ людямъ?!—Въ своемъ ужасѣ передъ новой неизвѣстностью судьбы, Марылка уже забывала и то, что жить у козака пришлось-бы въ простой хатѣ безъ роскоши, безъ почета, безъ слугъ, а у канцлера, у магната и вѣроятно родича... Но Богданъ былъ у нея теперь единственнымъ близкимъ искренно-преданнымъ ей человѣкомъ и разстаться съ нимъ, потерять свою послѣднюю опору, казалось ей ужаснымъ.—

Нѣтъ-же у меня никого, кромѣ тебя... никто меня такъ жалѣть и любить не будетъ!—упала она къ нему на грудь и обняла его руками за шею.

— Вотъ передъ небомъ, не покину тебя!—бормоталъ Богданъ, цѣлуя ея шелковистые волосы.

— Такъ тато меня не броситъ?—улыбнулась уже сквозь слезы панянка, отбросивъ назадъ головку—а какъ я буду тата любить,—больше всего, всего на свѣтѣ!

— „Квиточко“,—оборвался словомъ Богданъ, чувствуя, что какая-то горячая струя зажгла ему грудь и подступила къ горлу комкомъ.—Сейчасъ нельзя... тебя, голубка, досмотрятъ здѣсь, какъ родную, а въ Хотинѣ вмѣстѣ уже...

— Обманъ, обманъ!—завопила Марылька и поблѣднѣла смертельно.—Лучше убей меня!—вскрикнула она и упала безъ чувствъ на крѣпкія козачьи руки.

Богданъ передалъ ее свату и, крикнувши: „Пригрѣйте сиротку!“—вскочилъ на коня и исчезъ за воротами...

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1846—1877 г.г.).

Предисловіе.

За послѣдніе годы въ нашей журнальной литературѣ замѣтно обнаруживается общее стремленіе къ обнародованію памятниковъ автобіографическаго характера. Почти въ каждомъ журналѣ помѣщаются записки, дневники, мемуары, воспоминанія, письма и т. д. различныхъ лицъ, занимавшихъ то или другое мѣсто въ области науки, искусства, литературы. Безъ сомнѣнія, такое направленіе русской журналистики обусловливается требованіями времени: въ концѣ столѣтія сама собою является потребность выяснить сущность, постепенную послѣдовательность и взаимную связь отдѣльныхъ историческихъ моментовъ, изъ которыхъ сложилось одно цѣлое, обнимающее собою весь періодъ. Памятники автобіографическаго характера, какъ первоисточники, представляютъ собою наиболѣе цѣнный и годный матеріалъ для рѣшенія этой задачи; самое же рѣшеніе ея лежитъ на обязанности исторической критики.

Помѣщаемыя ниже 113 писемъ Пантелеймона Александровича Кулиша къ извѣстному профессору О. М. Бодянскому ка-

саются эпохи, представляющей собою одну изъ интересныхъ страницъ исторіи русской литературы. Большинство ихъ относится къ 1846—57 гг., т. е. періоду, непосредственно предшествовавшему шестидесятымъ годамъ, когда въ воздухѣ уже носилось предчувствіе великихъ реформъ, когда обновленное Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открыло, подъ редакціей Бодянскаго, усиленную дѣятельность, окончившуюся такъ называемой „флетчеровской исторіей"; когда въ области науки, литературы и искусства стали появляться и развиваться новыя, доселѣ неизвѣстныя направленія. Жизнь П. А. Кулиша, какъ сотрудника въ Обществѣ Исторіи и Древностей, готовившагося къ учено-литературной карьерѣ, и стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ Бодянскому, тѣсно соприкасалась съ общимъ ходомъ событій того времени, что, разумѣется, не могло не повліять и на содержаніе писемъ. Въ послѣднихъ невольно отразились и тѣ историческія условія, среди которыхъ развивалась учено-литературная дѣятельность П. А., и тѣ характерныя черты, изъ которыхъ слагается его обликъ, какъ общественнаго дѣятеля и человѣка. Съ этой точки зрѣнія и опредѣляется значеніе писемъ въ качествѣ историческихъ матеріаловъ.

Не входя въ подробный разборъ и оцѣнку писемъ П. А., мы постараемся отмѣтить существенныя черты ихъ содержанія.— Въ 1845 году О. М. Бодянскій былъ избранъ секретаремъ Общества Исторіи и Древностей, а съ 1846 г. труды Общества начинаютъ издаваться въ новой формѣ—въ формѣ „Чтеній". Дѣятельная и энергичная личность Бодянскаго сгруппировала около себя кружокъ лицъ, (къ числу которыхъ принадлежалъ и П. А. Кулишъ), готовыхъ съ самоотверженіемъ служить наукѣ (ср. ниже письмо № 36). Вполнѣ понятно, что переписка ихъ съ своимъ руководителемъ отражала на себѣ всѣ тѣ колебанія, которыя выдерживала ихъ дѣятельность, даже помимо Чтеній. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о цензурѣ. Въ письмахъ Кулиша мы встрѣчаемъ не мало интересныхъ замѣчаній по этому вопросу (ср. пис. №№ 5, 6, 17, 35, 64—66, 74, 97). Сюда же примыкалъ вопросъ о количествѣ и качествѣ даль-

нѣйшихъ работъ. По письмамъ легко можно прослѣдить тотъ путь, которымъ прошли литературные труды П. А., увидавшіе свѣтъ (ср. 1, 2, 4, 5 и слѣд.), и не предназначавшіеся къ скорому напечатанію (95), а также — различные планы, многимъ изъ которыхъ совершенно не суждено было осуществиться. Въ качествѣ примѣра въ послѣднемъ отношеніи укажемъ на намѣреніе П. А. Кулиша перевести Одиссею на малороссійскій языкъ, оставленное по совѣту Бодянскаго (33, 34). Наконецъ, литературныя связи и широкое знакомство П. А. положили также свой отпечатокъ на всю переписку. Здѣсь мы встрѣчаемъ не мало свѣдѣній о другихъ писателяхъ (1, 5, 27, 108 и др.) и различныхъ новостей, касающихся общаго теченія литературной жизни (62—64, 83, 85). Недоразумѣніе между П. А. Кулишемъ и И. И. Срезневскимъ изъза сборника украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ первымъ и присвоенныхъ вторымъ (4, 7, 24, 25, 27, 30, 33, 79), является лишь иллюстраціей къ тѣмъ жалобамъ, которыя нерѣдко срываются у автора писемъ по поводу тѣхъ или другихъ событій. Впрочемъ, отзывъ П. А. о „цыганѣ“ Погодинѣ (37) доказываетъ, что жалобы и подозрѣнія его были не всегда справедливы (ср. „Рус. Архивъ“, 1892, XI, 301, прим.). Нельзя, кажется, назвать безпристрастнымъ и отношеніе автора къ редакціи „Современника“ (64).

Черезъ всю переписку проходятъ двѣ основныя черты, характеризующія Кулиша, какъ дѣятеля на учено-литературномъ поприщѣ: съ одной стороны украинофильство, съ другой—широкое разнообразіе дѣятельности. „Святая старосвищина“ всегда стояла у П. А. на первомъ планѣ, а заботы о поддержаніи малороссійской литературы—были его повседневными заботами. Повидимому, Бодянскій въ своихъ письмахъ нѣсколько сдерживалъ энергичные порывы П. А. — въ этомъ направленіи. Этимъ увлеченіемъ всѣмъ роднымъ у П. А. объясняются всѣ мелочные переговоры о способѣ печатанія, заботы о паэркахъ, значкахъ, удареніяхъ, правописаніи и т. д. (5, 7, 12 и др). Замѣчательно, что это увлеченіе соединялось съ необыкновенной энергіей и

усиленной дѣятельностью. Авторъ писемъ записываетъ украинскія пѣсни и думы, сличаетъ лѣтописи, печатаетъ самостоятельныя ученыя статьи, романы, повѣсти, стихи, книжки для дѣтей, занимается переводами, изучаетъ иностранные языки (польскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій, испанскій, латинскій, арабскій), издаетъ сочиненія другихъ авторовъ, редактируетъ журналъ, собираетъ рукописи, заводитъ собственную типографію и т. д., находя досугъ для занятія сельскимъ хозяйствомъ и физическимъ трудомъ.

Такая усиленная дѣятельность является тѣмъ болѣе непонятною, что П. А., какъ человѣка, нельзя было назвать счастливымъ по крайней мѣрѣ въ періодъ, къ которому относятся письма. „Гдѣ тутъ везетъ?! Я долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рельсовъ“... (95). П. А. далеко не располагалъ свободными денежными средствами (57) и, судя по письмамъ, не отличался богатымъ здоровьемъ (70—72). „Часто хвораю, Здоровье мое сильно разстроено“—писалъ онъ еще въ 1847 году (23). Неудавшаяся поѣздка за границу, арестъ, запрещеніе печатать свои произведенія и водвореніе на жительство въ Тулу навсегда испортили блестяще начатую карьеру. Правда, въ своихъ письмахъ авторъ никогда не говоритъ подробно объ этой тяжелой исторіи. „Насъ не поняли, не оцѣнили, грубо ошиблись въ духѣ нашихъ дѣйствій—это не наша бѣда“. (36). Прошло три года тяжелой жизни въ Тулѣ, и П. А., получивъ амнистію (51), уѣхалъ въ Петербургъ, унося въ своей душѣ горькое сознаніе разбитыхъ надеждъ. А затѣмъ началась скитальческая жизнь съ переѣздами изъ одного края Россіи въ другой,—жизнь, далеко нелишенная бѣдствій, несчастій, неудачъ, непредвидѣнныхъ случайностей. „Живительное впечатлѣніе„ Петербурга (80) уничтожалось въ этой жизни его климатомъ и болотной цивилизаціей (76), прелесть сельской природы отравляли мелочныя хлопоты помѣщичьей, „панской“ жизни и „дрязги деревенщины“ (88). Вѣроятно, такое стеченіе житейскихъ обстоятельствъ и разумѣлъ П. А, говоря, что ему не везетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рель-

совъ. „Тяжело рубить дрова тому, кто умѣетъ написать картину или отлить статую, но таково наше время, что вѣрнѣе можно зашибить копѣйку рубкою дровъ, нежели произведеніями фантазіи,—по крайней мѣрѣ вѣрнѣе для меня“ (80). Подобные мотивы звучатъ въ письмахъ очень нерѣдко, но при всѣхъ неудачахъ П. А. „оставался самимъ собою“.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о подлинникѣ, съ котораго печатаются помѣщаемыя ниже письма. Онъ представляетъ собою томикъ въ почтовый листъ (разнаго формата), на 283 листкахъ, исписанныхъ четкимъ, довольно красивымъ почеркомъ, въ бумажномъ переплетѣ. Въ наше собраніе эти письма поступили вмѣстѣ съ остальными рукописями О. М. Бодянскаго. Сохранились они хорошо; при переплетѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, который, впрочемъ, выдержанъ не вездѣ. На каждомъ письмѣ рукою О. М. Бодянскаго сдѣлана помѣта—когда получено. Небольшая часть этихъ писемъ, въ видѣ выдержекъ, была напечатана нами въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1892 годъ (№ 11; стр. 291—304). Ниже помѣщаются всѣ имѣющіяся въ указанной рукописи письма, за исключеніемъ очень немногихъ (не болѣе 12), отличающихся краткостью, узко-дѣловымъ или чисто-семейнымъ характеромъ.

Но не является ли изданіе этихъ писемъ, какъ матеріала для оцѣнки личности, преждевременнымъ? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются слова самого Пантелеймона Александровича: „Будущее время постоитъ само за себя; не бойтесь: его не собьете ранними воззрѣніями, ибо magna est veritas et praevalebit“.

А. Титовъ.

1.

Милостивый Государь
Осипъ Максимовичъ!

Посылаю Вамъ начало Лѣтописи Самовидца; слѣдующія тетрадки Вы получите немедленно, какъ только начнется ея печатаніе. Я долг-

женъ удержать ихъ на нѣкоторое время у себя, пока еще моя *Черная Рада* лежитъ у меня въ брульонѣ: иногда понадобится заглянуть въ этотъ источникъ.

Я хочу издать Украинскій альманахъ (придумайте заглавіе). Шевченко прислалъ удивительныя четыре стихотворенія. Онъ дѣлаетъ чудеса съ языкомъ украинскимъ. Надѣюсь, что и Вы не откажететь украсить изданіе Вашимъ именемъ. Нѣтъ ли у Васъ какого нибудь небольшого стихотворенія, или разсказа, или чего нибудь ученаго на украинскомъ языкѣ. Задача въ томъ, чтобы украинскій языкъ поднять на степень литературнаго. Шевченко переложилъ 136 и 149 псалмы съ блистательнымъ успѣхомъ (не одни только эти, но и другіе у него). Я написалъ Черную Раду по-украински и помѣщу въ альманахѣ нѣсколько главъ. Странно думать, что народъ, такъ дѣятельно участвовавшій въ событіяхъ рода человѣческаго, не въ состояніи былъ разсказать о своей жизни въ историческомъ романѣ! Чужбинскій также прислалъ два стихотворенія. Метлинскій (Могила) и Костомаровъ (Галка) тоже.

О Шевченкѣ разсказываютъ чудеса. Онъ, говорятъ, написалъ поэму *Іоаннъ Гуссъ* и множество стихотвореній, которыя Малороссіяне знаютъ уже наизусть. Вы, я думаю, знаете, что онъ теперь въ Кіевѣ. Служитъ при Арх. Коммиссіи, получаетъ 1000 руб. жалованья. Этому нужно радоваться, потому-что Коммиссія посылаетъ его безпрестанно въ разныя мѣста Южной Россіи для снятія старинныхъ памятниковъ, а это должно современемъ доставить ему шекспировское знаніе людей, обычаевъ и проч.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1846, мая 23 С.-Петерб.

Я позабылъ Вамъ сказать, что *Лѣтопись Самовидца* переписана мною съ двухъ списковъ. Одинъ принадлежалъ Митропол. Евгенію (переписанный, впрочемъ, небрежно и разнымъ почеркомъ), а другой Н. Э. Писареву старинный, писанный лѣтъ 80 или 100 назадъ.

2.

Милостивый Государь,
Іосифъ Максимовичъ!

Я думаю, Вы получили отправленное Вамъ продолженіе *Лѣтописи Самовидца* вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими рукописями. Теперь посылаю Вамъ написанную мною для дѣтей Исторію Малороссіи. Посредствомъ этой дѣтской книжки я имѣлъ намѣреніе предложить знатокамъ нашей исторіи нѣсколько мыслей, извлеченныхъ изъ изученія источниковъ историческихъ и самаго Украинскаго народа.

Я желалъ-бы возбудить ею *pro* и *contra*, чтобы, такимъ образомъ, окончательно рѣшить нѣкоторые вопросы, опредѣляющіе значеніе Украинцевъ въ нравственной дѣятельности Славянскаго міра. Я увѣренъ, что никто лучше Васъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, не можетъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ этого сочиненія, почему покорнѣйше прошу Васъ сдѣлать ему полный разборъ и напечатать въ какомъ нибудь журналѣ или, по крайней мѣрѣ, сообщить мнѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ прошу Васъ имѣть въ виду одну истину и не щадить меня ни мало. Вступивъ въ храмъ исторической правды, я чувствую въ душѣ такое благоговѣніе, что совершенно забываю о своей личности. Говорю искренно, вѣрьте мнѣ. При Вашихъ благородныхъ усиліяхъ обнародовать всѣ наши историческіе источники, книжка моя можетъ служить проблемою того великаго труда, какой долженъ исполнить будущій историкъ Украйны. Знаю хорошо, что я коснулся не всѣхъ еще тезисовъ: отчасти обстоятельства сдѣлать это мнѣ не позволили, отчасти это не совмѣщалось съ объемомъ и назначеніемъ (кромѣ сказаннаго уже) моей книжки. Рецензенты могутъ распространить объемъ Украинской исторіи, если только мой трудъ будетъ имѣть дѣйствіе камня, брошеннаго на подвижную поверхность воды.

Ожидаю Вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1846, іюля 16 Нов. Деревня возлѣ Петерб.

Адресуйте на имя Петра Александр. Плетнева въ Университетъ.

3.

Милостивый Государь,
Осипъ Максимовичъ!

Отъ всей души благодарю Васъ за вкладъ въ альманахъ, хотя, можетъ быть, я имъ и не воспользуюсь. Академія Наукъ хочетъ послать меня за границу для усовершенствованія въ Славянскихъ языкахъ, и ожиданіе конца этого дѣла заставляетъ меня ничего не предпринимать.

Посылаю Вамъ *Лѣтопись Самовидца*, сколько у меня переписано. Этого станетъ для октябрьской книжки, а, между тѣмъ, я распоряжусь, чтобы Вамъ дослали изъ Кіева.

Посылаю еще *Лѣтопись*, какъ думаю, *Священника Максима Плиски*, а, можетъ быть, она только повторена Плискою. Во всякомъ случаѣ она послѣ «Исторіи откуду козаки и пр.» или «Исторіи о началѣ применованія козакъ» (которой начало напечатано въ Зап. Стар.) изъ извѣстныхъ мнѣ старшая. *Лѣтопись Грабянки* (которой начало также посылаю) уже по ней написана. Эту послѣднюю Маркевичъ называетъ *Писаревскою*, по имени того, кто ему сообщилъ, но это не годится, когда извѣстно имя лѣтописца.

Еще есть у меня въ Кіевѣ небольшая, но замѣчательная лѣтопись о первыхъ годахъ гетманства Хмѣльницкаго. Доставлю и ту. Отъ Вашихъ подвиговъ я въ восторгѣ и готовъ сдѣлать Вамъ въ помощь все, что въ состояніи только сдѣлать. Если дѣло мое о поѣздкѣ за границу рѣшится, то въ Сентябрѣ я буду проѣздомъ въ Москвѣ и тогда поговоримъ о многомъ. Между прочимъ, Вы мнѣ позволите заглянуть и въ открытые для Васъ архивы.

Если Общество Ист. и Др. дѣлаетъ вознагражденіе экземплярами каждому вкладчику, то позвольте и мнѣ этимъ воспользоваться. Я думаю, что бумага стоитъ недорого въ Москвѣ и что я не отягощу Общества, если попрошу отпустить для меня 300 экземпляровъ Лѣтописи Самовидца. Я Вамъ скажу, для чего они мнѣ нужны.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1846, іюня 26 С.-Петерб.

Еще разъ благодарю Васъ за рôдну мову: ажъ на сердцѣ полегшае, якъ почуешь, що наши писменû (а въ ихъ то и вся сила) не забувають и не цураються рôдного слова.

Прошу передать г. Козачковскому мой почтительный поклонъ.

4.

Милостивый Государь,
Іосифъ Максимовичъ!

Принимая въ соображеніе Вашу необыкновенную дѣятельность, я боюсь, чтобъ Вы слишкомъ скоро не израсходовали своей жизни. Поэтому прошу Васъ экономничать ею такъ, чтобы Вы могли прожить двадцать лѣтъ, а остаткомъ, пожалуй, можно и пожертвовать.

Я давно уже написалъ въ Кіевъ, чтобы дослали Вамъ конецъ Лѣтописи Самовидца; но Костомаровъ ѣздилъ въ Крымъ и долженъ возвратиться только въ началѣ августа. Сегодня я опять писалъ къ нему и надѣюсь, что онъ скоро вамъ доставитъ. А, можетъ быть, Вы еще прежде получите отъ Юзефовича, которому я также писалъ, да и сегодня напишу. Въ спискѣ Юзефовича, переписанномъ съ Евгеньевскаго и другого стариннаго подъ моимъ руководствомъ, Вы найдете отмѣтку, до которыхъ именно поръ Лѣтопись писана Самовидцемъ.

Оттиски мои явятся въ широкихъ и тонкихъ брошюркахъ. Если это не составитъ особаго затрудненія, то нельзя-ли разложить наборъ буквъ въ страницы небольшія, наприм., въ 12 или 16 долю листа. Тогда вышли бы книжки пріятнаго вида. Впрочемъ, не придавайте большой важности этому желанію.

О лѣтописяхъ Плиски, Грабянки и другихъ мы потолкуемъ въ Москвѣ. А Вы, между тѣмъ, собирайте всѣ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма простыя компиляціи съ добавкою или перемѣною нѣкоторыхъ фразъ. Зачѣмъ же каждую печатать? Нужно только перечитать вмѣстѣ и убѣдиться, что это одно и тоже. Тогда указать варіанты да и все тутъ. Моя лѣтопись Плиски, видно, ближе къ подлиннику, а, можетъ быть, и вѣрная съ него копія. У Маркевича есть отмѣны въ фразахъ, но порядокъ изложенія совершенно тотъ-же. Грабянка (это не родственникъ Гребёнки) основалъ свои *Дѣйствія о*

презѣльной брани[1]) также на этой Лѣтописи. Итакъ, когда получите отъ Маркевича лѣтопись *Плиски* или Фроловскую (онъ называетъ её по обыкновенной своей безалаберности и такъ и такъ), Вы можете убѣдиться, что нѣкоторыхъ лѣтописей вполнѣ печатать нѣтъ необходимости. Впрочемъ, прошу Васъ не стѣсняться моими замѣчаніями а дѣйствовать вслѣдствіе собственныхъ изслѣдованій.

О Плискѣ я ничего не знаю, кромѣ того, что онъ былъ священникомъ Фроловскаго монастыря, слѣдовательно писалъ не прежде 1712 года, когда этотъ монастырь перенесенъ былъ съ Печерска на Подолъ и по имени церкви, при которой устроенъ, названъ Фроловскимъ. Впрочемъ, можетъ быть, Плиска былъ священникомъ и въ дѣвичьемъ Печерскомъ монастырѣ, или былъ только продолжателемъ этой лѣтописи. Если можно, займите свои станки какою-либо другою работою до 1-го ноября. Я познакомлюсь съ Бантышъ-Каменскимъ и у него и чрезъ него достану еще нѣсколько лѣтописей; кромѣ того я выпишу Вамъ нѣсколько лѣтописей изъ Кіева и Харькова, а проѣзжая чрезъ Москву, проживу въ ней недѣлю и составлю родъ изслѣдованія о лѣтописяхъ, на которомъ основываясь, можно будетъ приступить къ систематическому печатанію лѣтописей. По инструкціи я долженъ ѣхать въ Варшаву. Тамъ у Стороженка достану еще нѣсколько лѣтописей. Есть еще у меня готовый для печати переводъ съ латинскаго польскаго историка Грондскаго, пользовавшагося изустною бесѣдою Ивана Выговскаго по удаленіи этого послѣдняго отъ гетманства. Это большой томъ. Напишите, входитъ-ли въ кругъ вашей дѣятельности изданіе рѣдкихъ печатныхъ книгъ въ переводѣ? Въ Кіевѣ, по моему распоряженію, переводится также и Пасторій. Еще нужно перевести Рудовскаго и Коховскаго. Потомъ я намѣренъ собрать всѣ польскіе мемуары и издать въ переводѣ. Не выслушавъ обѣихъ сторонъ, нельзя знать истины. А до сихъ поръ историки заглядывали въ источники мало.

Вы еще не знаете, что я, Срезневскій, Метлинскій и Костомаровъ соединили свои сборники Укр. пѣсенъ въ одинъ, и теперь занимаемся указаніемъ всѣхъ варіантовъ по разнымъ спискамъ, такъ чтобы ни одно слово не погибло. На Максимовича мало надежды. Онъ и самъ не издаетъ и своей коллекціи изъ рукъ не выпуститъ. Но Вы, я увѣренъ, присоединитесь къ намъ. Въ такомъ случаѣ подъ каждою пѣснею прошу васъ означить уѣздъ, въ которомъ она запи-

[1]) Маркевичъ называетъ эту лѣтопись Писаревскою. Онъ не зналъ, кто написалъ ее.

сана и кѣмъ, если можно, и прислать ваши пѣсни мнѣ. Я однѣ изъ нихъ пошлю Срезневскому, который взялся приготовить къ печати историческія пѣсни, а другія одному весьма дѣльному молодому человѣку, которому, отъѣзжая за границу, я передаю храненіе и продолженіе своего труда. По возвращеніи изъ-за границы я пересмотрю все изданіе, прибавлю свои объясненія, напишу введеніе и издамъ подъ именемъ пяти издателей, разумѣется, если Вамъ угодно будетъ съ нами соединиться. Для славянъ и то уже будетъ здѣсь явленіемъ отраднымъ, что пять профессоровъ различныхъ университетовъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ, дѣйствуютъ, какъ одна душа!

Вы не могли придумать ничего пріятнѣйшаго для меня, какъ отдѣленіе въ журналѣ Общества для славянскихъ произведеній. Въ такомъ случаѣ я сообщу Вамъ сокровища, о которыхъ существованіи вы и не думали. Это народныя историческія и фантастическія преданія, записанныя мною стенографически и представляющія образцы высокой красоты простого слова. Онѣ уже пропущены цензурою и составляютъ такой томъ, что въ одномъ номерѣ, при Вашей мелкой печати, займутъ значительное мѣсто. Кромѣ того, если хотите, я напечатаю въ Вашемъ журналѣ и свою Черную Раду на украинскомъ языкѣ. Для славянъ она должна быть интересна, какъ по языку, такъ и по изображенію нравовъ и обычаевъ украинскихъ. Теперъ опять пришла мнѣ на мысль 12 доля листа. Хорошо было бы, если бы и преданія мои, и Черная Рада явились въ такомъ форматѣ. Напишите мнѣ, возможно-ли это?—О прочихъ вкладахъ въ мой альманахъ ничего любопытнаго не скажу. Шевченко прислалъ три превосходныя стихотворенія, хороши и Чужбинскаго стихи, но прозы нѣтъ. Я надѣюсь достать неизданныя украинскія повѣсти Квѣтки, а послѣ него никто не писалъ хорошо въ прозѣ, хотя послѣ него можно бы сдѣлать важный шагъ впередъ.—Преданія мои вы получите очень скоро. Я возьму ихъ на дняхъ изъ цензуры.

Оттиски Лѣтописи Самовидца покорнѣйше прошу васъ раздѣлить такъ: 150 прислать въ Петербургъ на имя Плетнева, 100 экз. послать въ Кіевъ на имя Его Высокородія Михаила Владиміровича Юзефовича, а 50 экз.—въ Харьковъ на имя Срезневскаго. Если Общество не можетъ разсылать безденежно, я за пересылку заплачу. Если общество имѣетъ право разсылать безденежно, то покорнѣйше прошу изъ числа 50 Харьковскихъ экземпляровъ послать 5 экз. въ Чигиринъ на имя Михайла Антоновича Грабовскаго.

Лѣтопись Грабянки вы получите полную. Гербъ Малороссійскій на печатяхъ, а портретъ Хмѣльницкаго извѣстенъ. Въ подлинникѣ, съ котораго я списывалъ, этихъ рисунковъ не было.

Въ Тифлисѣ польскій поэтъ Лада-Заблоцкій переводитъ Украинскія пѣсни на французскій языкъ. Я сообщилъ ему, какіе могъ, матеріалы для введенія и для текста. Если можно послать за печатью Общества, пошлите ему на извѣстный срокъ: 1) Вашу книжку о Славянской поэзіи, 2) Томъ арабесокъ, въ которомъ есть статья о малор. пѣсняхъ, 3) Малороссійскія и Червонноруссія народныя пѣсни и думы (Лукашевича), 4) Первое изданіе пѣсенъ Максимовича и 5) Вацлава зъ Олеска. Онъ человѣкъ вѣрнѣйшій и за исправное возвращеніе книгъ я отвѣчаю головою. Его изданіе выйдетъ въ Парижѣ и сдѣлаетъ нашу поэзію и исторію (введеніе будетъ обширное) извѣстною въ цѣлой Европѣ, что непремѣнно нужно.

Вашъ отъ всей души П. Кулѣшъ.

1846, авг. 21 С.-Петерб.

Адресъ: Ивану Васильевичу Росковшенку, инспектору тифлиской гимназіи, для передачи Ѳ. И. Ладѣ-Заблоцкому, въ Тифлисъ.

5.

С.-Петерб. 1846, авг. 31.

Милостивый Государь,
Іосифъ Максимовичъ!

Вверяю Вамъ мое сокровище съ такимъ чувствомъ, съ какимъ мать передаетъ свое дитя на руки мужу. Знаю, что Вы оцѣните его по достоинству, сбережете и въ дѣло употребите, какъ нельзя лучше. Если хотите напечатать всѣ эти преданія въ одномъ нумерѣ, печатайте; если въ нѣсколькихъ—и на это я согласенъ, только-бы оттиски для меня были сдѣланы въ томъ порядкѣ, въ какомъ эти преданія расположены въ рукописи. Ударенія, если можно, нужно означить на каждомъ словѣ. При сравнительномъ изученіи славянскихъ языковъ это будетъ важнымъ пособіемъ для иностранцевъ. При томъ-же этимъ рѣзче означится физіономія нашего языка. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ я не успѣлъ поставить ударенiй: перечитывая ихъ, Вы сами потрудитесь поставить. Если нѣтъ важныхъ препятствій, прошу Васъ со-

блюсти мое правописаніе, даже въ случаѣ-бы оно противорѣчило Вашей системѣ, съ оговоркою, что оно употреблено только по желанію моему. Рукопись Моя переписана весьма тщательно. Я сохранялъ частности выговора, свойственныя разнымъ провинціямъ, поэтому, если гдѣ будетъ казаться и ошибка, лучше печатайте какъ въ рукописи, кромѣ такихъ случаевъ, когда бы явно было, что это недосмотръ Значки (ʌ) у меня разставлены вездѣ, и Вы нигдѣ ихъ больше не прибавляйте. Наконецъ, пользуясь обыкновенно Вашею снисходительностію къ Вашимъ сотрудникамъ, я покорнѣйше прошу Васъ: 1, если нѣтъ важнаго затрудненія, для моихъ 300 оттисковъ велѣть разложить наборъ въ небольшія страницы въ одинъ столбецъ (объ этомъ см. въ концѣ письма); 2, поспѣшить печатаніемъ моихъ преданій, чтобы я могъ захватить ихъ нѣсколько экземпляровъ въ Малороссію и за границу, гдѣ, посредствомъ этой книжки мнѣ удобнѣе будетъ знакомиться съ разными лицами; 3, перечитать ихъ по полученіи и объявить мнѣ Ваше мнѣніе о нихъ.

Сборникъ мой заключалъ еще одинъ отдѣлъ *религіозный*, но цензоръ не пропустилъ безъ духовной цензуры. Прилагаю этотъ отдѣлъ и прошу Васъ покорнѣйше, если можно, найти свѣтскаго или духовнаго цензора хоть для статьи: *Путешествіе по другому свѣту*, замѣчательной по сродству ея съ легендами, вошедшими въ *Божественную Комедію* Данта.

Я написалъ еще разъ 29 августа въ Кіевъ о доставленіи Вамъ *Лѣтописи Самовидца*, и если они Вамъ скоро не вышлютъ, то я не знаю, что и дѣлать: придется ждать до тѣхъ поръ, пока я достигну Кіева, исторгну ее изъ рукъ нечестивыхъ и пришлю Вамъ. Люди ужасно не вѣрны! Это вѣдь друзья мои, которые для меня дѣлаютъ всё, когда я съ ними (можетъ быть, изъ одной робости), а за глаза совсѣмъ другіе люди. Между тѣмъ считаютъ себя любителями Исторіи, даже дѣятелями на историческомъ поприщѣ. Это просто фарисеи, которые *глаголютъ и не творятъ*. Впрочемъ, еще я надѣюсь, что Вы получите около 20 сентября. Если же не получите къ концу сентября, это значитъ, что только я могу доставить эту Лѣтопись изъ Кіева. Видите-ли, Костомаровъ получилъ каѳедру русской Исторіи въ Университетѣ, такъ считаетъ себя въ правѣ, готовясь къ первымъ лекціямъ, быть глухимъ и нѣмымъ ко всѣмъ людямъ. Настоящая квочка—курица, или лучше сказать *сѣдуха*!

Вашъ П. Кулѣшъ.

Подъ именемъ *переверстки* я не разумѣю удлиненія строкъ. Строки должны оставаться такія-же, только изъ каждаго столбца особая страница, а не въ два столбца. Разумѣется столбцы нужно разрывать по величинѣ страницъ.—Прошу Васъ, какъ только получите *Лѣт. Самов.*, тотчасъ меня о томъ увѣдомить. Сдѣлайте это для моего спокойствія. Мнѣ очень совѣстно передъ Вами за моихъ друзей. Я не таковъ и презираю людей, такъ дѣйствующихъ. Сент. 1, 1846.

Уже посылка Ваша была запита, какъ я, начавши рыться зачѣмъ-то въ своихъ бумагахъ, нашелъ еще двѣ вещи. Одна неважная: отрывокъ записокъ Шафонскаго, могущій служить Вамъ для какой нибудь повѣрки (онъ списанъ со списка, принадлежащаго Харьковской Университетской библіотекѣ); другая довольно курьезная вещь: полемическая поэма въ разговорахъ, защищающая Малороссіянъ отъ нападковъ чиновниковъ Великороссійскихъ, которые съ учрежденіемъ въ Глуховѣ Коллегіи, налѣзли въ Малороссію и дѣлали нашимъ дѣдамъ множество прижимокъ и оскорбленій. Стихи поспорятъ съ Тредьяковскаго борзописаніемъ.

П. К.

Я буду въ Москвѣ около 1-го ноября. *Адресъ* мой смотрите на пакетѣ моего письма. Этакъ я скорѣе буду получать Ваши письма.

1846, сент. 1, послѣ обѣда.

Распечатываю еще разъ свое письмо, чтобы отвѣчать Вамъ на сейчасъ только полученное. Я не помню, чтобы я сдѣлалъ какой нибудь пропускъ, кромѣ *гетманскихъ статей*. Это дѣло важное, и конечно пропускъ нужно пополнить, иначе я бы самъ никогда не простилъ себѣ такого поступка. Я давно писалъ и совсѣмъ не помню. Прочія лѣтописи издавайте какъ знаете. Конечно, намъ, не зная Вашихъ обстоятельствъ, трудно судить.—О переводахъ я похлопочу и распоряжусь какъ слѣдуетъ въ Кіевѣ—Отказъ въ сообщеніи мнѣ пѣсенъ не только не огорчаетъ меня, но восхищаетъ. Печатайте! (Только, ради Бога, отмѣчайте, гдѣ какая пѣсня записана и не составляйте изъ двухъ одной). Можетъ быть, и я склоню Срезневскаго и Костомарова передать Вамъ нашъ сборникъ. Нельзя-ли составить смѣту въ типографіи, сколько потребуетъ денегъ переверстка моихъ преданій въ небольшія страницы? Я заплачу изъ своего кармана при проѣздѣ чрезъ Москву. Пожалуйста вышлите Ладѣ-Заблоцкому что можете. Этого

человѣка нужно ободрить. Великое дѣло сообщительность между писателями! О моихъ преданіяхъ прошу Васъ отвѣчать, не откладывая, когда Вы будете ихъ печатать. Да еще увѣдомьте меня, какія Вы имѣете лѣтописи и другіе матеріалы. Вчера былъ достопамятный день совершеннаго окончанія перваго на украинскомъ языкѣ историческаго романа *Черная Рада*, который къ Вашимъ услугамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Этнографическій элементъ въ повѣсти Гоголя „Заколдованное мѣсто“. Въ повѣсти Гоголя «Заколдованное мѣсто» разсказъ ведется не самимъ авторомъ, а внукомъ, повѣствующимъ о приключеніяхъ своего дѣда. Въ продолженіе разсказа внукъ неоднократно называетъ дѣда «старый хрѣнъ, хитрая бестія», а однажды обращается къ нему съ вопросомъ: «куда тебя, дѣдъ, черти носили?» Да и самъ старикъ, нечаянно облитый помоями, сравниваетъ себя съ свиньей, приготовленной къ Рождеству. Конечно, такіе отзывы внука о дѣдѣ и дѣда о самомъ себѣ несогласны ни съ чувствомъ собственнаго достоинства малорусса, ни съ почтительными и нѣжными отношеніями малорусскаго ребенка къ старшимъ родственникамъ, ни съ народными понятіями о приличіи. Но, несмотря на неправильное представленіе малорусскихъ родственныхъ отношеній и общій невѣрный тонъ разсказа, повѣсть Гоголя заключаетъ въ себѣ прекрасныя частности. Особенно художественно изображеніе самого заколдованнаго поля съ лѣсомъ, очеркомъ голубятни за нимъ, гумномъ, сѣрѣющимъ въ неясномъ освѣщеніи безлунной ночи, и дорожкой, затерянной среди могилъ. Здѣсь долго блуждалъ бѣдный дѣдъ, разыскивая кладъ, пока не откопалъ наконецъ какую-то гадость въ казанѣ. Съ этимъ же мѣстомъ повѣсти связанъ и этнографическій ея интересъ, такъ какъ заколдованное поле Гоголя тождественно съ проклятыми или «обморочными» мѣстами народныхъ разсказовъ. Обморочныя мѣста по народнымъ понятіямъ обладаютъ особой силой потемнять сознаніе случайно зашедшаго на нихъ человѣка до невозможности найти выходъ. Случается, что человѣкъ кружитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ всю ночь или ищетъ воловъ, которые лежатъ здѣсь же возлѣ повозки. «У Снитыни, разсказывалъ старикъ Николай Ивахненко, де майданъ,

жывъ козакъ Ярема; такъ тамъ сюды повернысь—гора, лисъ; туды—упять тежъ. Не вхопышъ тропы куды йты. Дойдесся до тихъ пиръ, що никуды и дитця. А образумысся—те упять мисто ривне.» Женщина села Бѣлозерокъ, херсонской губ., разсказавъ о томъ, какъ блуждала всю ночь на такомъ проклятомъ мѣстѣ, добавила: «водыло и нашого огородныка у цихъ вербахъ. Пишовъ винъ изъ нашои хаты сумеркамы, а прыйшовъ на огородъ ажъ на другый день, а одъ насъ до його тилькы леваду перейты, да треба, бачыте, цимъ клятымъ мистомъ йты» [1]). Обморочное мѣсто проклятое, потому что на немъ «або вишальныкъ, або утопленыкъ захованъ», «на ему ночи шапка у гору йде и у день суморочно.» Слѣдуетъ еще добавить, что въ народныхъ разсказахъ обморочныя мѣста не связаны необходимо съ кладами, которыхъ можетъ въ нихъ и не скрываться, и что на такія мѣста чаще наводятъ особые полночные духи: полуничка, мара [2]), или черти въ различныхъ образахъ, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ:

1.

Пишлы мы полуныць рвать. Ходылы, ходылы по лису, нигде не найдемъ и кажемъ: «ходимъ на кочугуры.» Ввійшлы въ той лисъ, находымъ долынку, въ тій долынци така трава стоить велыка, а въ тій трави знайшлы полуныць. Понарывалы глечыкы и платочкы, уже никуды рвать. Выйшлы зъ тіи долынкы, пишлы до дому, оглянулысь, колы мы упьять у долынци. Тоди мы и думаемъ: «що се воно за долынка? Куды жъ намъ иты теперъ? Ходимъ же осюды, бо намъ сюды иты до дому». Пишлы упять. Ишлы, ишлы довго, оглянулысь: упьять у тій долынци: полуныць лежыть, якъ постиль, а мы вже на йихъ и не дывымся, уже намъ нехочецця йихъ и рвать. Вибять мы байдуже. Выйшлы мы вибять изъ тіи долыны, упять пишлы. Ишлы, ишлы, оглянулысь—упять у долынци. Посидалы тай плачемъ. Ну, хочъ Богу молыцця. Давай Богу молыцця, поклоны побылы, выйшлы зъ тіи долыны. Найшлы заразъ и дорожку и дойшлы до дому.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья Секлетіи Супрягиной, 23 л).

---

[1]) Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, херс. губ., Черняевской. Харьк. 93 г. стр. 3.

[2]) Полуничка—душа дѣвушки, проклятой матерью. Мара заводитъ людей въ опасное мѣсто (Чуб. Труд. Этногр. Эксп. т. 1. С.-Пет. 72 г., вып. 1., стр. 196); она живетъ на кладбищѣ и душитъ людей (Романовъ. Бѣлор. сб. вып. 4. Вит. 91 г., стр. 7) Состояніе потемненнаго сознанія передаютъ глаголомъ *марыть, обмарыло*. Морокъ—заколдовываетъ умъ, и человѣкъ ходитъ какъ сумасшедшій (Чуб. Ibid).

2.

Плелы мы зъ батькомъ хливъ у Лытвякахъ. Писля вечери зибралысь до дому. Пишлы на Вовчу долыну, найшлы середъ острова озеро. Я до того озера пидступаю, пидступаю, колы якъ шелесну зъ прыпичка, гусы якъ закрычать. Батько пытае: «чы ты тамъ жывый?»— «Жывый. Ажъ тоди вже розибралы дило, що то Сула—обмарыло.

(Отъ коз. с. Волчка Ал. Ковна).

3.

Йихавъ я зъ парубкомъ у городъ у двохъ на казенный лисъ, а не стовповою. Зъйихалы на долыну. На долыни дви дорози. Не розибралы мы которою йихать. Выйихалы на гору зъ долыны, збылыся зъ дорогы и йиздылы мы, стало на свитъ благословыцця; уйихалы у яръ конякою. Яръ глыбокый, страшный, по-надъ яромъ лисъ, тилько небо выдно. Выпрягли коня, положилы ёму сина, а самы вылизлы вверху яру, ходымъ, шукаемъ дорогы по лису. Розвыднылось уже намъ, а мы все ще дорогы шукаемъ. Поки шукалы, що вже не знайдемъ ни дорогы, ни того яру зъ кобылою. Сталы мы хрестыцця, зійшлы на другу долыну, прыйшлы ажъ до Бекету долыною; ставъ парубокъ плакать. Сторожъ почувъ насъ; такъ въйихать въ той яръ въйихалы а выйихать не можно, и той сторожъ казавъ: «се такый яръ, мени прычта вже развивъ зъ чотыри у сёму яру була. Заведе нечыста сыла. Давай мы кобылу тягты по стини у гору на вижкахъ и сани давай тягты. Запригъ парубокъ кобылу и пойихавъ до сторожа, а я пишовъ у городъ.

(Въ 94 г. отъ кр. с. Хитцовъ, К. Фурсы.)

4.

Йихавъ чоловикъ зъ горилкою изъ Лубень до дому, у Хитци, шляхомъ. Отъ ему звертать зъ шляху на свое село. Шось пойихало попередъ его зъ звонкомъ. Винъ поты йихавъ за тимъ звонкомъ, поки въйихавъ у такый яръ, шо вже не выйиде. Шо его робыть? Остановывся, стоить, стоить, не розбере дила де винъ. Колы впьять звеныть и шось каже: «поганяй! чого ты стоишь?» Винъ упять ставъ поганять та съ того яру та на шляхъ,—колы въйихавъ у бекетъ. Перехрестывсь, просыть Бога: «Господы мылостывый! выведы мене звидсиля. Колыбъ я горилку пывъ, горилкы не пывъ, набравъ тилькы. Такъ воно его до сьвиту водыло. Винъ занедужавъ.

(Въ 96 г. отъ кр. м. Снѣтина Катерины Приходьковой).

5.

До одного чоловика прыйшло въ ночи тай гукае: «Пантелемоне! выйды сюды!» Винъ сказавъ: «заразъ выйду». Дывыцця, шо знакомый чоловикъ. Пишлы вдвохъ на поле. Прыйшлы до яру. Пантелемону показуецця, що стоить домъ. Той каже: «закурымъ тутъ, Пантелемоне». Давъ ему табаку и бумажны. Винъ узявъ, поховавъ у карманъ. Той говорыть: «ходимъ дальше, у мене дило». Прыйшлы у домъ и той каже: «сядь, Пантелемоне, на сему стули, а я справлюсь по дилу». Досыдився той Пантелемонъ, покы розвыднылось; тоди глянувъ, колы сыдыть у такому яру, шо саженей пять у нызъ, а саженей два у гору, а винъ на плыти пидъ стиною. Ставъ винъ крычать: «рятуйте!» Люды йшлы въ Городыще, почулы, углядилы, шо неможна вытягты; вернувсь одынъ чоловикъ до дому, узявъ верёвку и вытяглы его видтиль. Сталы пытать: «хто тебе завивъ?» — «Знакомый», каже Пантелемонъ,—навирно нечыстый.

(Отъ кр. Ф. Копаня, с. Хитцовъ)

6.

Пойихавъ мій братъ и батько у лисъ рубать дерево опивночи. Нарубалы и наклалы на вызъ, и каже батько братови: «стій, я пиду та осёго дубка зрубаю». Зрубалы воны того дубка, узялы на плечи, давай несты его и носяцця съ тимъ дубкомъ, потимъ давай гукать. Обзываецця назадъ йихъ: «чого ты гукаешъ?» Воны унять кажуть ему: «чы то ты, Иване?» Той каже: «я». Прыходять воны до его:— «Покынь дубка, каже той, та ходимъ до воза». Батько покынулы дубокъ, сталы йты за нымъ. Воны йшлы изъ верству за нымъ усе, потимъ догадалысь, шо то веде йихъ нечыста сыла. Вона переводыть батька черезъ ту дорогу, шо на городъ иде. Давай батько хрестыцця; и довела вона йихъ до потока, якъ ихне йихъ, воны попалы у ковбаню и ковбанылысь тамъ до самого свита, а якъ стало розвыдняцця, воны выйшлы на поле мокри одъ того миста, де визъ, версть за пьять. Прыходять батько пидъ лисъ, колы братъ дубы поскыдавъ, а самъ выйихавъ у чужу леваду, выпрягъ кобылу и тамъ ночувавъ. Воны тоди запрягты кобылу и въ обидню пору прыйихалы до дому безъ нычого.

(Въ 94 г. отъ кр. д. Хитцовъ К. Фурси).

7.

Два парубка гуляло на досьвиткахъ до пивночи, потимъ пишлы до дому. Одынъ пишовъ до себе въ двиръ, а другый—на Радькову гору, де багато людей *обмарює*. Выйшовъ винъ на шпыль и дывыцця тымъ яромъ, шо въ село. Проты его иде парубокъ и пытае его: «чы ты не боисся черезъ цю гору иты?» Винъ отвича: «хиба я маленькый, щобъ боявся иты?» — «Тутъ, каже той парубокъ, шо стрився, «двое жинокъ йшлы съ поля и бачылы, шо два чоловикы сыдять надъ яромъ на плыти и колышуцця». Побалакалы, и той парубокъ пишовъ собы напызъ, а другый дывыцця, чы не хытаецця що. Нищо не хыталось, а йшло тимъ яромъ два чоловикы и гукають на парубка: «подожды Иване!» А Ивану здалось, шо то идуть два его товарыши. Изійшлысь воны до мисця уси тры и сталы балакать.

— «Ходимъ», кажуть ти два парубкы, «до Кашубкы на досьвиткы; тамъ парубкы бьють Олексія». Повелы воны того парубка изъ собою яромъ. Якъ зачалы его водыть, та обводылы усю «Спчь» (такый яръ) «Дигтярыну», и въ «Пивневу»; и прыйшовъ винъ до дому сьвитомъ.

(Въ 94 г. отъ кр. с. Хитцовъ, Дмитрія Погорѣлого, 34 л).

8.

Дядына була въ строку. Клала табакъ и сыдила до дванадцяты часовъ. Ій не пускалы до дому, казалы: «пизно вже, не иды». А воно мисячно на двори, вона не послухала, пишла. Иде, колы чуе, щось на «головыныхъ левадахъ» спивае. Якъ почне спивать, та стане мовъ выгукувать. А вона и собы давай гукать. Воно гукне и вона собы. Якъ пиднялась буря,—дядына давай тикать. Якъ бы далеко одъ дому, то було бъ зъ нигъ звалыло и закотыло, ато блызько. Дядына и втекла въ хату.—То полунычка, дочка, що маты ій прокляла. Якъ опивночи, вона и спива.

(Записано въ 1893. г отъ козачкы Надежды Бугаевой, 17 л., с. Литвяковъ).

9.

Женщына спала и у сни ій прывыдылось, мовъ бы ій дочка, що була въ строку, гукае: «одчыны мамо!» Выйшла вона одчынять—нема никого. Колы ось за дворомъ чуты: «мамо, я ось де». Выйшла вона за двиръ, пыта: «де ты Уляно!» «Я ось, ось!» озываецця дальше. Дійшла маты на те мисто, ажъ ще дальшъ, у берези, озываеця: «идить, мамо,

сюды, я тутъ зъ дивчатамы», та реготыть, сміеця. «Я тутъ рукы та ногы мыю,—помыйте и вы, мамо». Вона туды опустылась, мовъ ногы мыть, а воно іи за косу, та въ Сулу. Волочыло, волочыло... що вона пидведеця, то вона іи въ груды. Да призало по потылыци, тай каже: «не выходь ночнои добы на двиръ, поки пивень не заспива!» —Таке якъ дивка, або молодыця.

В. Милорадовичъ.

(Въ 1893 г. отъ кр. м. Снѣтина, Ник. Ивахненка, 65 л).

Риторическій учитель Черниговскаго коллегіума монахъ Гавріилъ Искра и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской академіи Георгіемъ Конисскимъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ученики Черниговскаго коллегіума, пользуясь близостью Кіева, довольно часто для продолженія своего образованія переходили въ Кіевскую академію, бывшую въ то время въ большой славѣ. Такіе переходы стали даже обычнымъ явленіемъ, когда въ курсъ наукъ Кіевской академіи митр. Рафаилъ Заборовскій въ 1738 году ввелъ преподаваніе еврейскаго, греческаго и нѣмецкаго языковъ (чего въ ту пору не было въ коллегіумахъ).

Само собою понятно, что, при полномъ почти тожествѣ тогдашняго учебнаго курса Черниговскаго коллегіума и Кіевской академіи, ученики перваго, переходя въ послѣднюю, были опредѣляемы здѣсь въ «школу» (классъ), соотвѣтствовавшую ихъ успѣхамъ въ коллегіумѣ. Иначе, конечно, и нѣ могло быть... Но въ 1749 году имѣлъ мѣсто случай такого рода.

10-го сентября этого года учитель риторическаго класса Черниговскаго коллегіума монахъ Гавріилъ Искра препроводилъ изъ своего коллегіума ученика синтаксимы Петра Минца въ Кіевъ для поступленія прямо въ философскій (минуя піитическій и риторическій) классъ академіи. Кліента своего онъ снабдилъ паспортомъ и письмомъ къ префекту Кіевской академіи іеромонаху Георгію Конисскому. Въ письмѣ онъ просилъ Конисскаго принять отправляющагося въ Кіевъ «къ наученію иностранныхъ языковъ» Минца, какъ уже «діалектики обученнаго отъ мене самого» —Искры, «на филозофію».

Въ концѣ сентября Минецъ прибылъ въ Кіевъ, явился въ академію и представилъ Георгію Конисскому свой паспортъ и рекомендательное письмо Искры. На вопросъ Конисскаго, почему паспортъ не за обычною подписью префекта, а за подписью учителя, Минецъ

отвѣчалъ, что при отъѣздѣ его изъ Чернигова префектъ коллегіума былъ въ отсутствіи. Не заподозривъ справедливости такого объясненія и съ полною довѣрчивостью отнесшись къ письму Искры, Конисскій ввелъ Минца безъ всякаго экзамена въ философскій классъ.

Вдругъ въ срединѣ октября Георгій Конисскій получаетъ письмо отъ префекта черниговскаго коллегіума іеромонаха Сильвестра Новопольскаго съ увѣдомленіемъ, что «родимець полку черниговского, мѣстечка Мени, Петро, прозваніемъ Минецъ», обучавшійся въ теченіе лишь двухъ лѣтъ въ коллегіумѣ черниговскомъ інфимы, грамматики и синтаксимы и вовсе не проходившій піитики и реторики, оставивъ коллегіумъ «безъ обичнаго за ученіе благодаренія» и не получивъ паспорта, обманнымъ образомъ проникъ въ академію и поступилъ въ философскій классъ. Увѣдомляя объ этомъ Конисскаго, черниговскій префектъ выражалъ увѣренность, что «тая неслыханная обмана въ предвосхищеніи философическаго на себе не по достоинству имени, по благоразсужденію вашего преподобія, не минетъ пресѣктися общаго школнаго звонка оглашеніемъ, да и протчіи страхъ имуть».

Послѣ этого Георгій Конисскій счелъ необходимымъ проэкзаменовать Минца. Въ своей келіи онъ далъ ему для перевода двѣ небольшихъ «эпѣстолы», одну на русскомъ языкѣ и другую на латинскомъ. Переводы, представленные Минцемъ, оказались весьма неудовлетворительными. На устномъ же испытаніи Минецъ вынужденъ былъ уже откровенно сознаться, что онъ не обучался ни піитикѣ, ни риторикѣ, а лишь во время каникулъ подъ руководствомъ Искры изучалъ діалектику. Но и въ ней, какъ обнаружилось на испытаніи, онъ «ни мало не смыслилъ».

Открывши такимъ образомъ обманъ, Конисскій наказалъ Минца 50-ю или 60-ю ударами розогъ въ своей келіи, предоставивъ ему все-таки право оставаться въ академіи, соотвѣтственно его познаніямъ, въ синтаксическомъ классѣ. Но Минецъ, очевидно, не былъ «искателемъ совершенного знанія науки», а потому, взявши свидѣтельство, выбылъ изъ академіи.

Искра, узнавши объ участи Минца, задумалъ отомстить Георгію Конисскому. Съ этою цѣлью 14 декабря онъ подалъ такое заявленіе митрополиту кіевскому Тимоѳею Щербацкому.

«Сего 1749 года, сентября 10 дня, соизволилось мнѣ было въ академію ясне въ Богу преосвященства вашего клѣнта моего Петра Минца ради обученія языковъ, да при онихъ философіи вислушалъ бы, послать; которой мой клѣнтъ ординалнихъ школъ отъ мене са-

маго, яко и діалектики наизустъ обученъ и остроти ради, не малой ползи надежденъ: за моеручнимъ листомъ (котораго и копію къ вашему ясне въ Богу преосвященству посилаю) отцемъ префектомъ тамошнимъ Георгіемъ Конѣскимъ сентября 22 апробованъ зъ діалектики и принятъ. Толко *невѣдомо почему* онъ, отецъ префектъ, *неповинною* онаго Петра Минца не токмо отъ академіи публѣчне отрешивъ и обезславилъ безсовѣстно, но и безбожно, тиранско, ни Бога ни людей не боясь, прошедшаго октября 25 дня младолѣтнаго нещадно мучилъ и тиранско всего здравия лишилъ, которой толко что живъ привезенъ обратно и при самомъ здравія лишеніи въ болѣзни находится..: Того ради... о обидѣ крайней клѣента моего, безсовѣстно учиненной, на крайное мое безчестие здѣланной, съ покорностію моею доношу и... отцу префекту Конѣскому немедля архипастирско повелѣть на сие... учинить отвѣтствіе прошу».

Сверхъ ожиданія Искра погубилъ этимъ заявленіемъ лишь самого себя.

Митр. Тимоѳей Щербацкій 19 декабря препроводилъ заявленіе Искры къ Георгію Конисскому, требуя отъ него «противо ...жалобы (Искры) ...отвѣтъ учинить». На это 21 декабря Конисскій представилъ митрополиту слѣдующее объясненіе:

1. Означенній въ письмѣ помянутого риторическаго Чернѣговскаго учителя Искры Петро Минецъ пришолъ было съ Чернѣгова въ Кіевъ послѣднихъ сентября сего 1749 года съ писмомъ ко мнѣ отъ помянутого учителя Искры таковымъ, каковаго онъ Искра копію къ вашему ясне въ Богу преосвященству сообщилъ; и въ семъ единомъ пунктѣ помянутый учитель Искра праведно вашему ясне въ Богу преосвященству донесъ, сказуя: яко сонзволилось ему (будто высокой якой персонѣ) въ Академію вашего ясне въ Богу преосвященства Кіевскую означеннаго Минца прислать.

2. Оный Петро Минецъ не толко съ писмомъ помянутимъ его риторического учителя Искры, ко мнѣ писанимъ пришелъ въ Кіевъ, но и съ пашепортомъ, въ силѣ якобы указа Ея Імператорскаго Величества написаннимъ, печатію Коллегіятицкою Чернѣговскою и рукою его, риторическаго учителя Искри, закрѣпленнимъ, оный же пашепортъ (какъ съ нижеслѣдующаго покажется) былъ подложный, и сего онъ учитель Искра въ писмѣ своемъ къ вашему ясне въ Богу преосвященству не помянулъ.

3. Вѣдая я, что пашепорти студентамъ ординално выдаются за рукою префектовъ, спрашивалъ показанного Минца, для чего помяну-

тій пашепортъ не за рукою префекта тамошнего, но за рукою риторическаго учителя; и онъ, Петро Минецъ, объявилъ: якобы префектъ на той часъ, когда онъ съ Чернѣгова въ Кіевъ шолъ, былъ въ отсутствіи и потому якобы вмѣсто его, префекта, риторическій учитель Искра за своею рукою пашепортъ ему Минцу выдалъ.

4. Увѣрившись я на помянутомъ его риторическаго учителя Искры (не такъ особу, какъ званіе его Искры учителское разсуждая) ко мнѣ писанномъ письмѣ, означенного Минца ни въ Діалектики, ни въ другомъ ученіи не аппробовалъ тогда, сначала прихода его, но отложивши *examen* ему Минцу учинить между школьными ексерціціамы, въвелъ его Минца, по рекомендаціи его риторическаго учителя Искри, въ философію.

5. Означенный Минецъ прописанъ въ письмѣ Искриномъ, будто съ намѣреніемъ обучатися иностранныхъ языковъ посланъ въ академію вашего ясне въ Богу преосвященства, но онъ, залѣцившися на философію, ни на какую иностранныхъ языковъ школу не ходилъ.

6. Октября среднихъ чиселъ сего 1749 года префектъ Чернѣговского Коллегіума Іеромонахъ Силвестръ Новополскій писмомъ чрезъ отца духовника настоящого Катедралнаго вашего ясне въ Богу преосвященства Іосифа Буринского ко мнѣ присланнымъ, объявилъ мнѣ, что означенный Минецъ, въ школахъ Чернѣговскихъ трактовавши толко аналогію, інфѣму, грамматику и синтаксиму, не обучившися же ни поэтики, ни реторики, безъ обычнаго за ученіе благодаренія и якобы безъ пашепорта (не вѣдая, что пашепортъ мимо его, префекта, при печати коллегіятицкой, невѣдомо какимъ образомъ у его префекта похищенной, означенному Минцу, какъ выше показалось, онъ, риторическій учитель Искра, видалъ) обманно, не бывалимъ никогда образцемъ, пришедши зде въ Кіевъ, въ философію залѣцился, и притомъ объявленіи онъ префектъ Чернѣговскихъ школъ полѣтично требовалъ, дабы означенный Минецъ за обману таковую не оставленъ былъ безъ публѣчного зде подъ звонкомъ наказанія, какое писмо его, префекта Чернѣговского, и другое о томъ же, послѣжде мною полученное, такожъ и третое ко учителю академіи Вашего ясне въ Богу преосвященства іеромонаху Георгію писанное, при семъ прилагаю.

7. По полученіи таковаго отъ префекта Чернѣговского писма, экзаминовалъ я нарочно означеннаго Минца въ келіи своей даннимі ему Минцу двома маленкимы епѣстолами, съ которыхъ едину велѣлъ ему Минцу перевесть съ руского язика на латинскій, а другую съ латинского на рускій, и тіе имъ Минцемъ учиненніе переводи, какъ

мнѣ мнится, не точію въ риторики, но и въ синтаксимѣ годитись не могутъ, которіе при семъ же съ картою, собственноручно имъ Минцемъ писанною, зде прилагаю.

8. По такомъ, чрезъ переводи эпѣстолъ, и другомъ, устномъ отъ мене учиненномъ экзаминѣ, признался онъ Минецъ, что ни поэтики, ни риторики не обучался, а діалектики якобы чрезъ вакаціи минувшіе у помянутого риторическаго учителя Искры обучался, которой такожъ по аппробаціи ни мало не смислилъ. И изъ сего видимо, что помянутій учитель риторическій Искра неправедно въ своей жалобѣ показалъ, якобы онъ, Минецъ, имъ, Искрою, какъ другихъ ординарныхъ школъ, такъ и діалектики наизустъ обученъ; а буди праведно и въ незазорной совѣсти сіе онъ учитель Искра показалъ, то уже не ученика, но самого учителя искуство разсуждать, которому такій невѣжа и несмислъ судился быть доволно ординарнихъ ученій обученъ.

9. Означенный Минецъ за обману таковую необычную въ отходѣ съ Чернѣгова префекту тамошнему, а въ приходѣ въ Кіевъ мнѣ, нижайшому, ученную, особливо за обносимій имъ Минцемъ подложній пашепортъ наказанъ въ келіи моей розгами плягъ[1]) взялъ или пятьдесятъ, или по крайней мѣрѣ шестьдесятъ, а не болше. По якомъ наказаніи давалъ я ему Минцу на волю, ежели бы хотѣлъ обучатися въ академіи вашего ясне въ Богу преосвященства, и хотѣлъ его промовать по достоинству въ синтаксиму, но онъ не схотѣлъ, почему зъ даннимъ пристойнимъ свидѣтельствомъ зъ академіи отпущенъ, и потому паки онъ, риторическій учитель Искра, на душу солгалъ, прописавши, якобы я Минца означенного публѣчне отъ академіи отрѣшивъ и обезславилъ.

10. Пашепортъ оній подложній, за полученіемъ мною повторителнаго отъ префекта Чернѣговского писанія, при писмѣ моемъ чрезъ нарочнаго, съ Чернѣгова бывшаго ходака, къ префекту Чернѣговскому отосланъ.

Ясне въ Богу преосвященнѣйшій владыко! Ежели сей мой съ обманщикомъ Минцемъ поступокъ судится быти высокому вашего преосвященства благоразсмотренію за правилній, прошу всенижайше вашего ясне въ Богу преосвященства о знатной мнѣ отъ помянутого учителя риторическаго монаха Искры учиненной обидѣ, что онъ какъ въ писмѣ своемъ къ вашему ясне въ Богу преосвященству, такъ и въ протестѣ

[1]) Plaga — лат. = ударъ.

нѣякомсь поминаемомъ [1]). учинилъ мене безсовѣстникомъ, безбожникомъ, тиряниномъ и мучителемъ, такожъ и о обманѣ, Минцемъ какъ инструментомъ, имъ же учителемъ риторическимъ Искрою какъ первѣйшою и главною причиною устроенной, архипастирскимъ своимъ писаніемъ преосвященнѣйшому Чернѣговскому сообщить, дабы хотя не за мене,—ибо я мою обиду виноватому, ежели вину свою признаетъ, доброхотно оставлю,—однакъ за общій обществу студенскому вредъ, которій съ оказанной сей обмани въ велико можетъ возрасти; ибо ежели въ суровѣ древѣ сіе творится, въ сусѣ что будетъ? ежелы учителѣ стали обманніе пашепорти видавать, то какъ не будутъ ученикы обманнихъ писемъ притворять и свое злодѣйство тѣмы прикривать? За то принамнѣй помянутій риторическій учитель монахъ Искра не остался бы безъ приличнаго наказанія. О семъ всенижайше просить» (слѣдуетъ подпись Конисскаго). Теперь стало яснымъ, что подложный паспортъ Минцу выдалъ Искра, а не кто другой.

Митр. Щербацкій, сильно раздраженный такимъ низкимъ поступкомъ со стороны Искры и еще болѣе его жалобою на Конисскаго, которою онъ «напрасно и невинно опорочилъ» послѣдняго, «самъ въ пороки оказавшись», передалъ все дѣло Черниговскому епископу, прося его «надлежащое учинить наказаніе» Искрѣ за «напрасно нанесенное» имъ префекту Конисскому «безчестіе и за общій обществу студенскому вредъ... дабы впредъ и другимъ такова зла чинить не было повадно».

Черниговская духовная консисторія, разбиравшая это дѣло по порученію своего епископа, опредѣлила отрѣшить Искру отъ учительства въ коллегіумѣ и, снявши съ него клобукъ, заточить на мѣсяцъ въ монастырь.

Такъ безславно закончилось четырехлѣтнее педагогическое поприще Искры въ Черниговскомъ коллегіумѣ!

Какъ человѣкъ безъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, Искра однако не признавалъ себя виновнымъ и достойнымъ такого наказанія. Онъ сейчасъ же началъ искать средствъ къ оправданію. «Для представленія о своемъ утѣсненіи» онъ хочетъ ѣхать въ Синодъ, проситъ консисторію отпустить его туда; но получаетъ отказъ. Чрезъ нѣкоторое время ходатайствуетъ предъ тою же консисторіею объ отпускѣ въ г. Глуховъ (резиденцію малороссійскихъ гетмановъ), угро-

[1]) Объ этомъ „протестѣ“ Искра какъ бы мимоходомъ обмолвился въ своемъ письмѣ къ митрополиту.

жая, что, если и на этотъ разъ консисторія не удовлетворитъ его, онъ уѣдетъ въ Глуховъ безъ паспорта. Консисторія опять не даетъ ему отпуска. Искра послѣ этого уѣзжаетъ безъ всякаго вида въ Глуховъ. Здѣсь 8-го декабря 1751 года онъ добился аудіэнціи у гетмана графа К. Разумовскаго и подалъ ему жалобу на своихъ якобы обидчиковъ, прося его защиты, въ виду отсутствія въ то время епископа на Черниговской каѳедрѣ.

Графъ К. Разумовскій, не знавшій, за что Искра подвергся удаленію изъ коллегіума, отнесся къ нему съ участіемъ и 11-го декабря письменно просилъ митр. Щербацкаго «принять (его—Искру) подъ свою защиту и охраненіе, и къ прожитію и полученію ему надлежащого препитанія опредѣлить способное мѣсто».

Лишь уступая ходатайству гетмана, кіевская консисторія 20 декабря 1751 г. постановила принять извѣстнаго ей монаха Гавріила Искру «въ катедру его преосвященства *на время*», *впредь до вызова его* черниговскою консисторіею *обратно въ Черниговъ*. Это было малымъ утѣшеніемъ для Искры, потому что въ перспективѣ для него былъ оставленъ тотъ самый Черниговъ, въ которомъ уже нельзя было ему разсчитывать на что либо хорошее послѣ всего, тамъ съ нимъ случившагося. Поэтому онъ не разъ просилъ митр. Тимоѳея оставить его «вовся (совсѣмъ, навсегда) въ своей вісокомилостивой протекціи, чтобъ не обратно бъ въ Чернѣговъ ворочатся» ему. «... Я и такъ,—писалъ онъ митрополиту,—доволними бѣдствіями утѣснен[illegible] обѣжденъ въ томъ Чернѣговѣ, и впредъ вовся не желаетъ духъ мой воротится въ Чернѣговъ»... Но митр. Щербацкій, помнившій поступокъ Искры, оставлялъ всѣ его подобныя просьбы безъ вниманія. Не долго, впрочемъ, пришлось Искрѣ думать объ измѣненіи своего положенія. Скоро наступила для него та страшная минута, предотвратить которую онъ старался всѣми силами.

13-го августа 1752 г. Искра въ нетрезвомъ видѣ безъ всякаго повода побилъ послушника Софійскаго монастыря Прокопа Волчанскаго. Волчанскій подалъ на него жалобу въ кіевскую консисторію. Разобравъ дѣло, консисторія постановила отправить Искру въ Черниговъ.

Искра былъ внѣ себя, узнавши о такомъ приговорѣ... Въ какомъ-то злобномъ изступленіи онъ бросается изъ консисторіи на монастырскій дворъ, кричитъ и «протестуетъ высочайшимъ именемъ». Его ловятъ, чтобы «въ колодки забивать», а онъ бросается «къ грудямъ отца писаря катедральнаго Досиѳея (вѣроятно, Галяховскаго)»

и бранитъ всѣхъ отборною бранью. Наконецъ, его наказываютъ «барбарами ударовъ до 30» и отправляютъ въ ненавистный Черниговъ.

Черниговская консисторія, по отсутствію вновь назначеннаго епископа Ираклія, еще не прибывшаго на мѣсто, не знала, что дѣлать съ Искрою, и препроводила его обратно въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ тѣмъ временемъ производилось слѣдствіе по поводу жалобы Волчанскаго. Оно обнаружило новыя продерзости Искры. Оказалось, что Искра, живя въ Кіевѣ, занимался составленіемъ подложныхъ писемъ ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Напр., онъ написалъ отсюда подложное «донощеніе» къ гетману гр. К. Разумовскому отъ имени братіи Черниговскаго Троицкаго монастыря съ представленіемъ двухъ кандидатовъ на архимандрію въ этотъ монастырь: іеромонаха Исаакія Еяку и самого себя—Искру. Въ такомъ родѣ были и другія его письма, направленныя къ тому, чтобы добиться архимандритства въ Черниговѣ. 24 августа Кіевская консисторія обязала Искру дать подписку въ томъ, что «за силу Духовнаго Регламента, пѣра и чернила въ келіи своей не держатиметъ и никакихъ писемъ и ничего и никому писать не будетъ... а буди бы онъ Искра противъ вышеписанного въ чемъ погрѣшилъ, то долженъ подлежать по силѣ указовъ штрафу и истязанію».

Видя, что всѣ планы рушились (у Искры былъ планъ стать архимандритомъ Черниговскаго Троицкаго монастыря; объ этомъ онъ велъ переписку съ вліятельнѣйшими монахами монастыря и посылалъ письма ко всей братіи его, что и было открыто) и что за нихъ придется жестоко поплатиться, Искра 9-го сентября 1752 г. «безвѣстно бѣжалъ изъ Кіева». 15-го сентября митр. Щербацкій увѣдомилъ объ этомъ графа К. Разумовскаго, какъ ходатайствовавшаго когда-то за Искру.

Какъ и гдѣ окончилась судьба Искры, не извѣстно.

Д. Вишневскій.

Къ исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи. Въ № 10—11 Подольск. Епар. Вѣдомостей за настоящій годъ помѣщенъ любопытный очеркъ прежней жизни сельскаго духовенства въ Подоліи. Приводимъ отрывки изъ этого очерка. Еще въ 1831 г. большинство священниковъ далѣе простой грамотности не шло въ своемъ образованіи. Такой малообразованный священникъ былъ по преиму-

ществу только требоисправителемъ и, кромѣ церковно-богослужебныхъ книгъ, едва-ли бралъ въ руки какую другую книгу; въ свободное отъ требоисправленій время онъ занимался хозяйствомъ и скотоводствомъ. По своему образованію онъ стоялъ почти на одномъ уровнѣ съ своими прихожанами, отличаясь отъ нихъ только умѣніемъ читать и писать. Если простой крестьянинъ при своемъ невѣжествѣ исполненъ былъ предразсудковъ и суевѣрій, то этихъ недостатковъ не лишенъ былъ въ нѣкоторой степени и его священникъ.

Если мужская половина сельскаго духовенства встарину не гонялась за образованіемъ, то тѣмъ менѣе женская половина могла быть заинтересована въ этомъ дѣлѣ. Жены священниковъ большею частью были безграмотны, не умѣя ни читать, ни писать; въ рѣдкихъ священническихъ семействахъ встрѣчались грамотныя дочери. Если священникъ рѣшался дать дочерямъ образованіе въ предѣлахъ грамотности, то въ этомъ случаѣ необходимо входила и польская грамотность. Въ систему домашняго образованія священнической дочери входило—выучиться читать и писать по-русски и по-польски и затѣмъ рукодѣльныя работы, отъ дѣланія чулокъ до изящныхъ работъ вышиванья по канвѣ. Если дочь священника прошла эту систему образованія, тогда она получала титло: edukowana panienka. Такое воспитаніе встарину получалось въ бѣдныхъ дворянскихъ семьяхъ, главы которыхъ занимали разныя должности при дворахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, но, разумѣется, русская грамотность здѣсь исключалась. Большинство же дочерей священниковъ, если не были вовсе безграмотны, то ограничивались умѣньемъ читать по-славянски, чтобы могли разбирать молитвенникъ; рукодѣльныя работы ихъ останавливались на низшей ступени: пріучались прясть нити, шить бѣлье и дѣлать чулки; за то въ ихъ рукахъ домашнее женское хозяйство достигало большихъ результатовъ. Въ такой семьѣ по части бѣлья ничего не было покупнаго: холстовъ выдѣлывалось, въ такомъ количествѣ, что не только вся семья въ изобиліи пользовалась бѣльемъ изъ своего холста, но еще была возможность продавать домашній холстъ; не знали того, что нужно нанимать портниху для шитья бѣлья на членовъ семьи: все это приготовляли сами дочери священниковъ; равнымъ образомъ не имѣли понятія о томъ, что нужно покупать чулки: все это изготовлялось дома изъ собственнаго матеріала; ковры домашніе, какъ и нити для нихъ, изъ собственной овечьей шерсти приготовлялись дома; вообще дочери священниковъ тогда были опытныя и трудолюбивыя рукодѣльницы.

Можетъ покажется страннымъ, что въ систему домашняго образованія, кромѣ русской грамоты, обязательно входило знаніе и польской грамоты; повидимому, послѣднее не вызывалось потребностями скромной домашней жизни дочерей священниковъ. Это объясняется тѣмъ, что высшая интеллигенція въ здѣшнемъ краѣ въ то время была польская. Въ городахъ чиновники были поляки, въ селахъ помѣщики и ихъ оффиціалисты—тоже поляки. Низшую интеллигенцію въ селахъ составляло православное духовенство. По общему закону политической жизни народовъ низшая интеллигенція подчиняется высшей; люди низшей интеллигенціи стараются подражать нравамъ и обычаямъ высшей интеллигенціи и стараются усвоить ея языкъ, не оставляя въ то же время своего роднаго языка. Кромѣ того, семьи священниковъ входили въ знакомство съ семьями помѣщичьихъ оффиціалистовъ которые, какъ и ихъ патроны, были поляки. Водя знакомство съ польскими семействами, семья священника должна была знать польскій языкъ, иначе и разговора нельзя было вести въ польской семьѣ. Обыкновенный же языкъ, употреблявшійся въ семьѣ священниковъ, былъ народный—малороссійскій, но нельзя было разсчитывать, чтобы гордый полякъ, считающій себя владычествующимъ въ здѣшнемъ краѣ, могъ говорить съ членами семьи священника по-малороссійски; такой уступки онъ никогда-бы не сдѣлалъ; да и вышлобы какъ-то не элегатно употреблять въ гостиной малорусскую рѣчь, которая считалась презрѣннымъ хлопскимъ языкомъ. Вотъ причина, почему семья священника, желая водить знакомство съ польской семьей, должна была выучиться польскому языку. Польскій языкъ въ семьѣ священниковъ считался какъ-бы салоннымъ языкомъ. Не только въ гостяхъ въ польской семьѣ члены семьи священника говорили по-польски, но даже принимая у себя гостей поляковъ, должны были дѣлать уступку и говорить съ ними по-польски, и не только съ ними, но даже между собою въ присутствіи гостей поляковъ. И странное выходило явленіе: собрались у священника гости изъ духовныхъ лицъ, говорятъ между собою по-малороссійски, но вотъ случайно вошелъ въ ихъ кругъ хоть одинъ полякъ, и рѣчь вдругъ перемѣняется: всѣ духовныя лица, въ угоду поляку, говорятъ по-польски какъ съ нимъ, такъ и между собою.

Въ старину, при дѣдахъ и отцахъ, установились близкія отношенія между священникомъ и его прихожанами-сельскими крестьянами. Этому содѣйствовали особыя историческія обстоятельства края. Здѣсь рѣзко различались двѣ національности: польская—господствующая и

русская—подчиненная. Пришлая польская національность не довольствовалась политической подчиненностью русской національности, но хотѣла подчинить ее и въ религіозномъ отношеніи. Не находя возможности сразу обратить русскихъ аборигеновъ въ римское католичество, поляки создали для нихъ пресловутую унію. Отсюда возникла вѣковая борьба между поляками и русскими изъ за религіи. При такомъ положеніи естественно должно было возникнуть большее сближеніе между священникомъ и прихожанами, чѣмъ это бываетъ при другихъ обстоятельствахъ. Священникъ и прихожане должны были общими силами защищать права своей вѣры и церкви, чтобы отстоять вѣру своихъ отцевъ отъ враждебнаго посягательства на нее польскаго правительства; а для этого священнику и прихожанамъ нужно было сблизиться между собою и объединиться. И дѣйствительно, священникъ встарину стоялъ близко къ своимъ прихожанамъ: онъ былъ, по характеру своихъ отношеній къ прихожанамъ, первымъ членомъ церковной общины, а не начальникомъ ея. Онъ не стѣснялся бывать въ гостяхъ у болѣе почетныхъ и зажиточныхъ своихъ прихожанъ, если его приглашали по поводу совершенія церковныхъ требъ—крещенія, погребенія, какіе случаи и доселѣ обставляются у крестьянъ соотвѣтственными угощеніями. И жена священника не отказывалась принять участіе, хотя на короткое время, въ семейномъ торжествѣ почетнаго прихожанина, и особенно въ такъ называемыхъ громадскихъ обѣдахъ, которые устраивались въ память какого-нибудь важнаго событія въ селѣ или поминальные дни, на каковые обѣды прихожане имѣли обыкновеніе приглашать болѣе почетныхъ лицъ своего села, не принадлежащихъ къ ихъ корпораціи.

Къ біографіи Митрополита Кіевскаго Самуила. Извѣстно, что Кіевскій митрополитъ *Самуилъ* (Миславскій) принадлежитъ къ числу выдающихся іерарховъ Кіевской митрополіи. Вотъ поэтому мы считаемъ своимъ долгомъ на страницахъ *«Кіевской Старины»* сообщить найденное нами среди архивныхъ документовъ письмо Григорія Теплова къ епископу Могилевскому, въ которомъ идетъ рѣчь о пребываніи въ 1768 году тогда бывшаго архимандритомъ Самуила на чредѣ служенія въ Петербургѣ. Письмо это, какъ увидятъ читатели, нѣсколькими штрихами характеризуетъ и многообъемлющую и разностороннюю дѣятельность Императрицы Екатерины Великой.

«Преосвященнѣйшій владыко, милостивый мой государь!»

«По сіе время я никакого увѣдомленія вашему преосвященству не сдѣлалъ о пріѣздѣ къ намъ Кіевскаго Николаевскаго монастыря о. архимандрита *Самуила* Мирославскаго, котораго в. п. прилежно мнѣ рекомендовали, а нынѣ имѣю честь увѣдомить, что какъ ваша о немъ ко мнѣ рекомендація, такъ и мое къ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше по тому представленіе совершенный успѣхъ возымѣло. Вскорѣ по пріѣздѣ представленъ былъ Ея Императорскому Величеству о. архимандритъ въ придворной церкви, гдѣ онъ сказалъ привѣтствіе краткое, но весьма изрядное, которымъ тотчасъ къ себѣ не только благоволеніе Ея Величества заслужилъ, но и отъ всѣхъ, тогда предстоящихъ, получилъ совершенную похвалу. Потомъ объявлено ему было Высочайшимъ именемъ Ея Величества, чтобы онъ сказалъ проповѣдь въ кавалерскій праздникъ святого апостола Андрея, что онъ исполнилъ предъ Ея Величествомъ съ пріобрѣтеніемъ себѣ вящшей и всемилостивѣйшей апробаціи, а вчерашняго числа (т. е. 21 декабря) по повелѣнію же Ея Величества говорилъ проповѣдь въ придворной церкви, хотя и краткую, но съ такимъ великимъ духомъ и краснорѣчіемъ и совершеннымъ нравоученіемъ, что предстоящіе слушатели, изъ которыхъ многимъ казалося (какъ я примѣтилъ) свыше мѣръ его похвалу о немъ слышать, нашли въ немъ искусство въ проповѣди слова превышающее ту славимую о немъ похвалу. Сама Ея Величество на сей разъ присутствовать не изволила въ церкви, а повелѣла слышащимъ донести себѣ о совершенствѣ той проповѣди. Вси единогласно донесли, что проповѣдникъ новый, какъ въ красотѣ рѣчи и слога, такъ и въ чистотѣ россійскаго языка, благоразуміи мыслей и правости нравоученія почти оказалъ себя *безпримѣрнымъ*, а нѣкоторые прибавили еще къ тому, что все сіе подкрѣплено въ немъ немалымъ ученіемъ, которое въ таковыхъ плодахъ дѣйствуетъ такъ, какъ первѣйшій корень его столь искуснаго проповѣдничества.

«Симъ путемъ нашъ рекомендованный поучитель, не взирая, можетъ быть и на зависть, тѣхъ равномѣрнаго сана соперниковъ, которые подъ рукою достоинство его, сколь возможно уничижали, вскорѣ достигъ до того, что сего утра назначенъ въ Бѣлогородскую епархію епископомъ, о чемъ уже указъ отъ Ея Величества за подписаніемъ собственныя ея руки отосланъ въ святѣйшій синодъ, и сверхъ того Всемилостивѣйшая Государыня повелѣть ему соизволила остаться (хотя и посвященъ уже будетъ во архіерея) чрезъ нѣсколько недѣль въ Санктпетербургѣ, дабы еще одну или другую проповѣдь

предъ Ея Величествомъ сказалъ, и притомъ пожаловать ему изволила на содержаніе тысячу рублей и вся сія Высочайшая милость по повелѣнію Ея Величества ему объявлена сего числа (т. е. 22 декабря) по полудни. Изъ сего в. п. заключить можете горячестію сердца нашей Всемилостивѣйшей Государыни къ распространенію слова Божія, которое она поощрять изволитъ столь скорымъ и сильнымъ воздаяніемъ особливыхъ достоинствъ ученымъ людямъ.

«Я знаю, что сіе увѣдомленіе вашему преосвященству будетъ пріятно и для того, оное исполня, поручаю себя благословенію вашему и есть съ совершеннымъ почтеніемъ в. п. покорнѣйшій слуга Григорій Тепловъ.» Дек. 22 дня, 1768 г.

Сообщилъ А. А. Танковъ.

Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеній XVIII вѣка. Наши учебныя заведенія начала прошлаго вѣка не могли давать своимъ питомцамъ почти ничего для ихъ матеріальнаго обезпеченія, почему воспитанники сами изыскивали средства для своего существованія. Однимъ изъ такихъ средствъ у нихъ было составленіе петицій къ разнымъ лицамъ, отъ которыхъ можно было ожидать благодѣтельной подачки. Одну изъ подобныхъ петицій представляетъ слѣдующая супплликація студентовъ (трудно сказать, какого учебнаго заведенія, потому что рукопись, въ которой мы ее встрѣтили, ходила и по рукамъ Московскихъ студентовъ и по рукамъ студентовъ Смоленской коллегіи въ первой половинѣ XVIII в.) къ какому-то атаману Донскому [1]):

«Supplicatio... ad aliquem Ataman Donski.

На насъ велце ласкавій Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества пане Атамане Донскій, а намъ особливій добродѣю.

Не самие токмо жродла златие и драгоцѣнние людемъ раздаютъ крушци. Не сама широкая моря глубина многоцѣнное убожеству подаетъ камение. Обитшое вся вселенная вамъ мосцѣ пана узнаветъ жродло, изъ него же не крушци, но самие убожеству златие происходятъ струи; защищается не единъ нищетою преодолѣнний не каменнемъ, но златомъ, зъ твоея десници удараваннимъ. Чесо ради

---

[1]) См. рукопись фундаментальной библ. Смоленской духов. семинаріи № 850, Л. 82 на обор.

дерзновенно до сицеваго добродѣтели жродла и ми прибѣгаемъ, благую имуще надежду, чающе яко отъ тогожде жродла узнавши дарования намъ твоего крушцу, то есть милости, ми за долгоденственное и благополучное В. М. пана житие наивижшаго Творца присно обѣщаемѣся благати: желающе даби вамъ М. М. пану зъ небесныхъ Еридановъ и предвѣчнаго жродла златие испливали благополучия лѣта.

Васъ мосцѣ пану наинижшіе слуги и подножки студенти».

Сообщ. **Д. Вишневскій.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе іюня—сентября мѣсяцевъ въ редакцію поступило вновь пожертвованіе отъ *спилки студентовъ*—*8 р. 25 к.*, что, вмѣстѣ съ прежними (см. № 6-й) *682 р. 52 к.*, составитъ—*690 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Поправка. Въ № 7—8 „Кіевской Старины" за текущій годъ пропущена по недосмотру подпись подъ статьею: „Прощаніе рекрута и рекрутскія пѣсни въ лубенскомъ уѣздѣ полтавской губерніи". Статья эта принадлежитъ *В. Милорадовичу*.

Библіографія.

Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarum (ruthenicarum) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae edita. Vol. I.—Памятки українсько-руської мови і літератури. Видає комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том I. Апокріфи старозавітні зібрани з рукописів украінсько-руських. *У Львові, 1896.*

Въ «Кіевской Старинѣ» не разъ указывались цѣнныя научныя изданія Товарищества имени Шевченка. Къ числу этихъ изданій прибавилось еще одно, посвященное изученію южно-русской литературы. Книга, заглавіе которой приведено выше, открываетъ собою вторую серію изданій археографической коммиссіи Товарищества: первая—*«Жерела до исторіи Украіни-Руси»*—посвящена изданію историческихъ, преимущественно актовыхъ, матеріаловъ; вторая—*«Памятки украінсько-руської мови і літератури»*—изданію матеріаловъ литературныхъ, преимущественно не появлявшихся въ печати, или составляющихъ библіографическую рѣдкость; устная словесность имѣетъ свой органъ—*«Етнографічный Збірник»*. Въ настоящемъ изданіи предполагается печатать произведенія украинской литературы отъ начала письменности до новѣйшаго времени. Въ вышедшемъ первомъ томѣ помѣщенъ сборникъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ; изъ предувѣдомленія археографической коммиссіи видно, что для дальнѣйшихъ томовъ приготовлены слѣдующіе матеріалы: апокрифы новозавѣтные, драматическія произведенія XVII—XVIII в., нѣкоторыя рѣдкія печатныя произведенія XVI—XVII в.; изъ новѣйшей литературы печатается юбилейный томъ сочиненій Котляревскаго.

Настоящій томъ, изданный подъ редакціею извѣстнаго галицкаго писателя и ученаго д-ра Франка, представляетъ трудъ вполнѣ серьезный и научный. Текстъ памятниковъ изданъ съ буквальною точностью («слово въ слово и буква въ букву»); издатель позволилъ себѣ для удобствъ читателей—только такія отступленія отъ подлинника, какъ разстановка знаковъ препинанія, большія буквы въ собственныхъ именахъ и внесеніе въ строку надстрочныхъ знаковъ, что и оговорено въ предисловіи. Текстъ сопровождается примѣчаніями, въ которыхъ указывается происхожденіе апокрифа, различные его варіанты и литература предмета. Въ концѣ книги помѣщено четыре указателя, значительно облегчающіе пользованіе его: 1) указатель именъ личныхъ и географическихъ 2)—писателей и сочиненій, упоминаемыхъ въ текстѣ 3)—легендарныхъ и сказочныхъ мотивовъ и 4)—мало-употребительныхъ словъ.

Въ началѣ тома помѣщено обширное (66 стр.) предисловіе редактора, разъясняющее значеніе апокрифовъ, ихъ вліяніе на религіозное міросозерцаніе народа и отраженіе ихъ въ произведеніяхъ словесности, письменныхъ и устныхъ. Оно раздѣляется на десять главъ: 1) вступленіе, 2) что такое апокрифы и псевдепиграфы, 3) значеніе апокрифовъ въ древней церкви христіанской, 4) запрещеніе апокрифовъ и древнѣйшіе индексы, 5) секта богомиловъ и ея вліяніе на распространеніе апокрифовъ въ славянскихъ земляхъ, 6) русскіе апокрифы и Палея, 7) славяно-русскіе индексы, 8) вліяніе апокрифовъ на украинскую письменную и устную словесность, 9) сборники и изданія текста ветхозавѣтныхъ апокрифовъ 10) рукописи, которыми пользовался издатель.

Считаемъ излишнимъ останавливаться на разборѣ предисловія: содержаніе его видно изъ приведеннаго оглавленія, за научное достоинство ручается имя автора. Не можемъ не остановиться однако на одной особенности настоящаго изданія, оговоренной и въ предисловіи. Назначеніе книги, повидимому, состоитъ въ томъ, чтобы дать систематическій сборникъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ (въ южно-русскихъ редакціяхъ) съ необходимыми объясненіями относительно ихъ происхожденія, значенія и вліянія на народное міросозерцаніе; и въ тоже время изъ предисловія мы узнаемъ, что издатель пользовался рукописями довольно поздняго времени (XVI—XVIII в.) и даже находилъ, что для его плана важнѣе новѣйшія, наиболѣе популярныя украинскія переработки. «Мы предполагали, говоритъ онъ, издавать

тексты преимущественно по рукописямъ, украинско-русское происхожденіе которыхъ несомнѣнно, отдавая по возможности преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые языкомъ или литературною обработкою приближаются къ украинско-русской почвѣ. Поэтому, мнѣ не было надобности разыскивать древнѣйшую редакцію даннаго памятника; напротивъ того, для моего плана важнѣе новѣйшія, такъ сказать, наиболѣе популярныя украинско-русскія его передѣлки» (предисловіе, стр. III). Конечно, изложенныя въ приведенномъ отрывкѣ соображенія имѣютъ свое основаніе, но все-таки намъ кажется, что уважаемый издатель впадаетъ здѣсь въ нѣкоторую односторонность. Апокрифическая литература имѣла большое значеніе уже въ древній періодъ русской исторіи и изученіе апокрифовъ въ общемъ ихъ составѣ должно быть, по нашему мнѣнію, пріурочено прежде всего къ этому періоду. Впослѣдствіи, какъ замѣчаетъ самъ д-ръ Франко, апокрифы теряютъ значеніе для просвѣщенныхъ классовъ и спускаются все ниже и ниже въ круги невѣжественнаго сельскаго духовенства, дьяковъ, мѣщанъ и селянъ (стр. XIII). Конечно, въ виду этого обстоятельства сопоставленіе старинныхъ редакцій съ новѣйшими представляетъ большой интересъ и даетъ понятіе объ извѣстной «духовной эволюціи» (стр. IV); но это едва-ли даетъ право предпочитать новѣйшіе списки древнимъ (если они имѣются). И тѣ, и другіе одинаково интересны: первые могутъ быть отнесены къ древнѣйшимъ произведеніямъ южнорусской письменности, вторые въ большинствѣ случаевъ указываютъ на переживаніе воззрѣній, давно отжившихъ свой вѣкъ. Впрочемъ, смѣшеніе этихъ двухъ сторонъ апокрифической литературы мало отразилось на самомъ изданіи памятниковъ: апокрифическія сказанія воспроизведены съ возможною полнотою по рукописямъ, бывшимъ въ распоряженіи издателя; въ примѣчаніяхъ указываются другія извѣстныя автору редакціи, иногда относящіяся къ болѣе раннему времени; мало отразилось оно и на общемъ содержаніи предисловія, въ которомъ выясняется происхожденіе апокрифическихъ сказаній и значеніе ихъ въ различныя эпохи, начиная съ первобытной церкви христіанской, но самая интересная глава предисловія (гл. 8) изложена отрывочно и несистематично; въ ней приводится множество интересныхъ фактовъ, указывающихъ на отраженіе апокрифическихъ мотивовъ въ южно-русской словесности, письменной и устной, но указанія эти не сведены въ систему и не пріурочены къ извѣстнымъ эпохамъ.

Само собою разумѣется, что указанный пробѣлъ не умаляетъ достоинствъ новаго изданія археографической коммиссіи, и можно только пожелать скорѣйшаго продолженія открываемаго настоящимъ томомъ новаго ряда ея научныхъ работъ.

В. Щербина.

Józef Własł. Opowiadania historyczne z dziejów okolicy Słuczy i jej dopływów. *Краковъ, 1897 г.*

Книжка, заглавіе которой выше приведено, примыкаетъ по содержанію къ цѣлому ряду вышедшихъ за послѣднее время польскихъ изданій историко-географическаго характера, посвященныхъ различнымъ частямъ юго-западнаго края. Отличительная черта всѣхъ подобнаго рода изданій—односторонность: все, что такъ или иначе не касается польскаго имени, старательно замалчивается или, въ лучшемъ случаѣ, обо всемъ этомъ упоминается вскользь. Благодаря такой системѣ, исторія мѣстностей, зачастую очень древнихъ, начинается по большей части только съ XVI вѣка, но за то о послѣдующемъ времени говорится очень подробно и въ изложеніе вносится масса мелочей, никому и ни на что ненужныхъ. Несмотря однако на этотъ недостатокъ, нѣкоторыя изъ такого рода монографій, благодаря живому изложенію, иногда довольно ярко характеризующему бытовыя стороны польскаго общества, завладѣвшаго краемъ, представляютъ извѣстный интересъ и могутъ пригодиться для общей исторіи края; съ другой стороны, есть и такія, гдѣ вся суть заключается лишь въ тенденціи; что-же касается содержанія, то оно представляетъ изъ себя рядъ мелкихъ фактовъ, распредѣленныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Къ произведеніямъ послѣдняго рода и относится книжка Власта. Хотя авторъ и говоритъ въ началѣ, что намѣревается передать все, что онъ въ молодости слышалъ о различныхъ мѣстностяхъ, лежащихъ надъ Случью и ея притоками, не пренебрегая даже и народными преданіями, чтобы все это спасти отъ забвенія, но намѣреніе это такъ и осталось намѣреніемъ, на дѣлѣ-же изложеніе свелось главнымъ образомъ къ сухому и утомительному перечню послѣдовательныхъ переходовъ владѣнія изъ однихъ рукъ въ другія, да къ одностороннему описанію хозяйничанья владѣльцевъ въ своихъ имѣніяхъ. Нужно, кромѣ того, замѣтить, что повѣствованіе о такихъ сухихъ предметахъ ведется все время въ приподнятомъ, хвалебномъ тонѣ. Въ концѣ концовъ авторъ

надѣется, что все имъ изложенное, быть можетъ, заохотитъ теперешнихъ польскихъ владѣльцевъ не выпускать изъ рукъ наслѣдство предковъ,—для этой собственно цѣли и написана книжка и это откровенное признаніе можетъ служить достаточной характеристикой всего произведенія.

Б.

Записки императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. VIII, вып. 1 и 2. (новая серія). Труды отдѣленія русской и славянской археологіи. Книга первая. *Спб. 1896.*

Въ этой книгѣ «Записокъ» мы находимъ слѣдующія статьи, относящіяся къ южной Россіи подъ общимъ заглавіемъ *Радимичскіе курганы*, (стр. 65—102) четыре очерка: а) обозрѣніе кургановъ и городищъ новозыбковскаго уѣзда. П. М. Еременка, б) Раскопки кургановъ новозыбковскаго уѣзда. П. М. Еременка. в) Курганы, раскопанные П. М. Еременкомъ въ суражскомъ уѣздѣ. А. С. г) Вещи изъ раскопокъ П. М. Еременка въ курганахъ новозыбковскаго и Сураѓскаго уѣздовъ. А. С.

Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи, гдѣ обозрѣны губерніи: Могилевская, Черниговская и Воронежская. (115—140). *Матеріалы по доисторической археологіи Россіи*, гдѣ помѣщены: а) Раскопки близъ с. Межирѣчки, подольской губ., (169—172) б) Раскопки въ херсонскомъ уѣздѣ (172—178) в) поставмукскіе курганы, полтавск. губ. Н. П. Авенаріуса, (178—187) г) Раскопки близъ г. Задонска, ворон. губ. (187—189) и д) Матеріалы по археологіи евпаторійскаго уѣзда, таврич. губ. Н. Ф. Романченка. (219—236) Послѣдняя статья заключаетъ въ себѣ *Свѣдѣнія 1873 г. о городищахъ и курганахъ Подольской и Воронежской губерній* (237—306).

Всѣ перечисленныя статьи болѣе или менѣе спеціальнаго характера и представляютъ собой сухіе перечни городищъ, кургановъ, съ краткимъ описаніемъ ихъ настоящаго состоянія, и найденныхъ, въ раскопанныхъ курганахъ, вещей. Разумѣется, все это матеріалъ для будущихъ изслѣдователей, и выводовъ въ перечисленныхъ статьяхъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Замѣтимъ, что *археологическое обозрѣніе могилевской, черниговской и воронежской губерній* заключаетъ въ себѣ

обстоятельный перечень литературы по отношенію городищъ и кургановъ и произведенныхъ въ нихъ раскопкахъ. Указываемый перечень такой полноты, что можетъ служитъ полезнымъ справочнымъ указателемъ по археологической литературѣ относительно трехъ названныхъ губерній.

Опытъ военно-историческаго изслѣдованія о козачествѣ. Выпускъ 1-й. Полковника М. Нуджевскаго. *Кіевъ 1896 г. 32 стр.*

Заглавіе книги очень громко; но о ней какъ то даже неловко говорить въ историческомъ журналѣ, и если мы рѣшаемся отмѣтить ее, то только какъ странное явленіе въ исторической литературѣ или какъ курьезъ, не болѣе.

Можно удивляться смѣлости г-на Нуджевскаго, съ которой онъ взялся за свой «Опытъ»: у него нѣтъ ни знаній, ни умѣнья обращаться съ матеріаломъ; даже больше, у него нѣтъ способности правильно и логически выражать свои мысли на бумагѣ. Книжка полковника Нуджевскаго такъ написана, что порой отъ читателя требуется не мало усилій, чтобы понять сокровенный смыслъ того, что хотѣлъ сказать авторъ. Вотъ, напримѣръ, какими удивительными строками *безъ сказуемаго* открывается произведеніе г-на Нуджевскаго: «современная тактика и нѣкоторые боевые пріемы нашихъ козаковъ несомнѣнно перенятыя отъ татаръ и турокъ еще въ прошлыя столѣтія, но переработанныя (е?) и блестяще примѣняемыя (е?) козаками въ продолженіи болѣе, чѣмъ двухъ вѣковъ на поляхъ битвъ въ западной Европѣ и съ народами, вторгавшимися въ наше отечество» (стр. 3). Или вотъ еще перлъ, которымъ блещетъ 4 страница труда г. Нуджевскаго: «познакомясь съ извѣстными источниками, а также съ историческими изслѣдованіями, которыми наполнены (sic!) журналъ «Кіевская старина», Кіевская публичная библіотека, многочисленныя изданія другихъ (sic!) лицъ, и лѣтописи, весь этотъ матеріалъ блещетъ фактами прошлаго героизма Южно-Русскаго козачества».

«Перлы» эти взяты изъ удивительнаго «предисловія» г-на Нуджевскаго. Передать это предисловіе, въ которомъ трудно отыскать смыслъ конечно, мы не въ силахъ: чего, чего только тутъ нѣтъ! Скажемъ только, что оно распадается на 7 невяжущихся другъ съ другомъ отдѣловъ, а эти, въ свою очередь, распадаются на цѣлый рядъ

мыслей, тоже другъ съ другомъ не вяжущихся. Притомъ все вѣдь это излагается съ такой серьезностью и научнымъ якобы видомъ, что недоумѣваешь, смѣяться ли или сожалѣть?

Какъ понравится читателю такое, напримѣръ, мѣсто?

«Приношу глубокую благодарность Владимиру Бонифатіевичу Антоновичу, профессору Кіевскаго университета, за указаніе источниковъ, матеріала, познакомившихъ съ прошлымъ (бывшаго) Южно-Русскаго козачества, съ историческимъ его происхожденіемъ и образованіемъ; но затруднительно добывать источники, знакомившіе бы *подробно*, *детально*, *спеціально съ военной точки зрѣнія:* (курсивъ автора)—организаціей отрядовъ, продовольствіемъ, формами употребляемыми въ бою и обстоятельными изслѣдованіями эволюцій, вообще какъ съ ихъ тактикою, такъ и стратегіею (старыхъ временъ), а среди находимаго слѣдуетъ *строго разбираться*, чтобъ отличить истинные факты отъ личныхъ взглядовъ, пристрастія, легендъ. Затруднительно точно возстановить мѣстности, на которыхъ производились стратегическія движенія отрядовъ, тѣмъ болѣе возстановить по картамъ поля сраженій. Работа въ этомъ направленіи встрѣчаетъ не мало затрудненій».

Или вотъ еще:

«На основаніи указаній Андрея Владимировича Стороженко многіе архивные источники для изслѣдованія, съ военной точки зрѣнія, о козачествѣ, можно найти въ Варшавскомъ главномъ архивѣ, въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ и друг. подобныхъ учрежденіяхъ. Судя по нѣкоторымъ изданіямъ, матеріаломъ изъ тѣхъ учрежденій пользуется отставной полков. генеральнаго штаба Горскій.

О боевыхъ операціяхъ, придерживаясь хронологическаго порядка и въ паралель съ другими существовавшими на Руси козачьими войсками, судя по изслѣдованіямъ покойнаго генерала Масловскаго, коснувшагося 17 и 18 столѣтій—можно найти матеріалъ въ Московскомъ архивѣ.

Матеріалъ для дальнѣйшихъ (sic!) изысканій, мы находимъ въ Военно-ученомъ архивѣ генеральнаго штаба.

Съ операціями Запорожскихъ козаковъ, во времена Миниха, мы познакомились въ Военно-учебномъ архивѣ главнаго штаба.

Перечисленныя мѣста и учрежденія, несомнѣнно изобилующія матеріаломъ для изслѣдованія боевого прошлаго козаковъ нашего отечества мнѣ, по мѣсту служенія, частью не доступны, по этому, пока, постараемся передать, *посильно*, *частями* (отдѣльными выпусками) то что начали». (стр. 6—7).

Однимъ словомъ, г. Нуджевскій не унываетъ: и матеріала у него нѣтъ, а онъ все таки пишетъ *посильно*, *частями*.

Что сказать о «происхожденіи южно-русскаго козачества», обнимающемъ въ «опытѣ» г. Нуджевскаго 15—32 страницы? Всѣ эти страницы являются ничѣмъ инымъ какъ пересказомъ не вполнѣ усвоенныхъ г. Нуджевскимъ трудовъ проф. В. Б. Антоновича, въ особенности же его предисловія къ III части 1-му тому Архива Юго-Западной Россіи. Любопытнѣе всего, что г-нъ Нуджевскій хочетъ показать видъ, что онъ самъ все самостоятельно изслѣдовалъ:» мы, пока (все это *пока*!), говоритъ онъ на страницѣ 21, не могли найти достаточнаго матеріала, давшаго бы *точное* понятіе о дѣятельности первыхъ вождей южно-русскаго козачества, почему приходится сказать только то, что узнали по указаннымъ источникамъ»... А источники, дѣйствительно, указаны: Бопланъ, Величко, Грабянка, Освѣцимъ и Лассота...

Повторяемъ, на книжку г-на Нуджевскаго можно указать только какъ на курьезъ, чтобы удержать лицъ, интересующихся вопросомъ, затронутымъ авторомъ, отъ излишней траты на ея пріобрѣтеніе, а лицъ, которымъ попадется она въ руки, отъ траты времени на безполезное чтеніе.

Z.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897, № 7—9.

Василій Григорьевичъ Рубанъ Б. Л. Модзалевскаго. Обстоятельный очеркъ жизни и литературной дѣятельности Р. по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ. Козакъ по происхожденію, воспитанникъ Кіевской и Московской академій и Московскаго университета, Р. служилъ переводчикомъ съ турецкаго въ Запорожьѣ, затѣмъ занималъ различныя должности въ Спб. и наконецъ назначенъ былъ секретаремъ Потемкина во время его управленія Новороссіею; умеръ въ Спб. въ 1795 г., въ бѣдности.—Изъ многочисленныхъ сочиненій Р. мѣстный интересъ представляютъ: 1) «Краткое георафическое, политическое и историческое извѣстіе о Малой Россіи» (1773 и 2-е изд. 1777) и 2) «Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 съ изъясненіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ, также землеописанія съ показаньемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа лю-

дей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній (1777)». Р. принадле житъ первое изданіе «Путешествія по св. мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, Василія Григоровича Плаки Альбова, уроженца кіевскаго, монаха Антіохійскаго». Къ статьѣ приложенъ портретъ Рубана (№ 8).

Герцогъ Ришелье въ Россіи. П. М. Майкова. Біографическій очеркъ, составленный на основаніи книги «Le duc de Richelieu en Russie et en France (1766—1822) par Leon de Crouzaz-Cretet Paris 1897», представляющей «первую полную біографію Р.». Въ 1803 г. Р. былъ назначенъ губернаторомъ г. Одессы, а въ 1805 г.—генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, состоявшаго тогда изъ трехъ губерній: херсонской, екатеринославской и таврической, и занималъ эту должность до отъѣзда во Францію въ 1814 г. Статья сообщаетъ интересныя подробности о состояніи Одессы и Новор. края въ началѣ XIX ст. (№ 7).

Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. Въ настоящей главѣ описывается «путешествіе съ Имп. Александромъ I по южной Россіи въ 1818 г.». Наряду съ фактами, характеризующими личность и дѣятельность императора Александра, въ статьѣ можно найти нѣкоторыя данныя относительно посѣщенныхъ имъ мѣстностей, а именно: Волыни, Подоліи, Бессарабіи и, въ особенности, Крыма (№ 7).

Еще къ вопросу о началѣ знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. В. Шенрока и В. Авенаріуса. Возраженіе на статьи Витберга въ іювьской книжкѣ «Р. Ст.». Въ заключеніе г. Шенрокъ цитируетъ слѣдующія слова Витберга, съ которыми и соглашается. «Въ сущности развѣ не все равно, когда именно состоялось знакомство Г. съ П.—въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ? Важно только не выдумывать того, на что нѣтъ никакихъ указаній, что противорѣчитъ имѣющимся у насъ въ рукахъ, хотя-бы и скуднымъ, даннымъ» (№ 8).

Адмиралъ Е. П. Колтовской. П. В. Голубовскаго. Біографія одного изъ дѣятелей стараго Черноморскаго флота, участника севастопольской обороны, состоявшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ пр. А. Г. Лебединцевымъ, письма котораго о севастопольской кампаніи печатались въ «Кіевск. Стар.» 1896 г. (№ 7).

Мировой судъ въ Подоліи. Зохарьина (Якунина). Въ настоящей, заключительной главѣ, излагается съ большими подробностями личное столкновеніе г. З. съ управляющимъ графа Л—ва, Б—ичемъ, послужившее поводомъ къ прекращенію служебной карьеры г. З. (№ 7).

Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка (воспоминанія Ф. Я. Лучинскаго) гл. I—II. Статья заключаетъ много интересныхъ подробностей о жизни дворянства и чиновничества кіевской и херсонской губ. въ 40—50 годахъ. Авторъ, мелкопомѣстный дворянинъ, родился въ м. Мошнахъ, воспиты-

вался въ ланкастерской школѣ, устроенной гр. Воронцовымъ въ м. Городищѣ, затѣмъ служилъ въ Черкасахъ (въ уѣздномъ судѣ и городской полиціи), Чигиринѣ (въ земскомъ судѣ и городской полиціи), Кіевѣ (въ губернскомъ правленіи), Херсонѣ (секретаремъ уголовной палаты и наконецъ въ должности судебнаго слѣдователя). Разсказывая о своей службѣ, г. Л. даетъ рядъ характеристикъ провинціальнаго чиновничества. Особенно интересна личность черкасскаго городничаго Щербцова. «Прежде онъ служилъ въ Кіевѣ частнымъ приставомъ, въ то время, когда тамъ былъ полицмейстеръ Галяткинъ, памятный старымъ кіевлянамъ и прославившійся на всю губернію. Онъ объѣзжалъ городъ на тройкѣ пожарныхъ лошадей съ четырьмя козаками... Когда полицмейстеръ что-либо замѣчалъ, то тотчасъ производилъ и расправу; кучеръ останавливалъ экипажъ, козаки спрыгивали съ своихъ лошадей, хватали указанную жертву, растягивали ее на землѣ, одинъ садился на голову, другой на ноги, третій отсчитывалъ удары, а четвертый держалъ верховыхъ лошадей. Щ. подражалъ своему патрону, съ тою разницею, что производилъ расправу не на улицѣ, а въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, при чемъ особенно страдали лица, рѣшавшіяся упомянуть о законѣ. «Тогда городничій немедленно вылеталъ изъ присутствія (производить расправу передъ зерцаломъ и портретомъ Государя онъ считалъ неприличнымъ), произнося: «вотъ я тебѣ покажу законъ!» При этомъ раздавалась громкая пощечина. «Вотъ тебѣ законъ!» (другая пощечина). «Городъ высочайше мнѣ ввѣренъ, а ты мнѣ смѣешь говорить про законъ; понимаешь ли? городъ высочайше мнѣ ввѣренъ—я тебѣ законъ; вотъ я пропишу тебѣ законъ; взять его! и его уводили для окончательной расправы». Земская полиція, получая ничтожное содержаніе, жила взятками. Впрочемъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ взяточничество было слабѣе, потому что богатые помѣщики назначали полицейскимъ чиновникамъ годовые оклады. Такой окладъ уплачивался и съ имѣній Фундуклея; когда послѣдній назначенъ былъ кіевскимъ губернаторомъ, управляющій прекратилъ выдачу, но Ф. приказалъ возобновить ее, говоря: «если богатые помѣщики не будутъ платить полиціи, то она будетъ получать средства отъ воровъ». Ген.-губ. Бибиковъ старался поддерживать престижъ полиціи. Одного помѣщика, ослушавшагося распоряженія становаго пристава относительно починки дороги, Б. велѣлъ привезти въ Кіевъ съ жандармами и прочелъ ему такое наставленіе: «Знаешь-ли ты, какое значеніе имѣетъ становой приставъ? Становой приставъ есть мой представитель, а я представитель Государя Императора». Интересны также нѣкоторыя бытовыя подробности. При опредѣленіи на службу, авторъ не получалъ никакого содержанія; за квартиру, столъ и мытье бѣлья онъ вдвоемъ съ братомъ платилъ 50 р. асс. въ годъ; впослѣдствіи ему назначено было жалованіе—75 копѣекъ въ мѣсяцъ, затѣмъ—3 рубля и наконецъ «полный штатный окладъ» —7 руб.

впослѣдствіи, занимая должность секретаря уголовной палаты, онъ получалъ 28 руб. въ мѣсяцъ, т. е. 336 руб. въ годъ; исправникъ получалъ 287 руб.; становой приставъ—200 руб. (№ 9).

Историческій Вѣстникъ 1897 № 7—9.

Воспоминанія о Микшинѣ. А. Эвальда. Въ своей, вообще сочувственной, статьѣ авторъ между прочимъ указываетъ нѣкоторые недостатки М., въ томъ числѣ «страсть, ни на чемъ не основанную—казаться малороссомъ». Однажды М. готовилъ для юбилейнаго праздника портретъ Шевченка въ видѣ бандуриста. Портретъ былъ уже оконченъ, и М. поручилъ своему помощнику дописать аксессуары. «М. иногда поглядывалъ на его работу и давалъ ему свои указанія; но почему-то вздумалось ему говорить съ помощникомъ по-малороссійски. М., почти ни слова не знавшій по-малорусски, надрывался, чтобы дѣлать свои замѣчанія на этомъ языкѣ, примѣрно такимъ образомъ.—Слухай, панъ!.. О-то... Эта! (онъ навѣрно хотѣлъ сказать сторона, но не могъ подобрать слова по-малороссійски).—Что такое? спросилъ помощникъ.—Это. Я баю.. продолжалъ М., дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы припомнить подходящее малороссійское слово.—Да говорите, пожалуйста, по-русски, замѣтилъ помощникъ; я ничего не понимаю, что Вы хотите сказать. Но М., желая поддержать свое достоинство, не унялся и все таки продолжалъ свою нескладную малороссійскую рѣчь... Это была очень комичная сцена, тѣмъ болѣе, что М. къ своимъ потугамъ говорить по-малор. относился очень серьезно.—Если не ошибаюсь, онъ былъ уроженецъ смоленской губ.; иногда онъ называлъ себя бѣлоруссомъ, а почему иногда казалось ему, что онъ малоросъ, я совершенно не знаю» (№ 9).

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографіи*» отзывъ о книгѣ: «Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Ист.-юрид. изслѣдованіе Ѳ. В. Тарновскаго. Варшава 1897 (№ 9).

Въ отдѣлѣ *Смѣсь*: 1) Областной Музей волынской губерніи (описаніе музея въ имѣніи барона Ѳ. Р. Штейнгеля, с. Городкѣ, ровенскаго у.); 2) Археологическая коллекція Т. В. Кибальчича (замѣтка объ арх. коллекціи, поднесенной пресловутымъ кіевскимъ археологомъ «въ даръ правительству» (?) (№ 8); 3) Открытіе памятника Н. И. Пирогову въ Москвѣ; 4) Археологическія находки (римскія монеты въ Пирятинѣ и его окрестностяхъ (№ 9).

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVIII, 1897 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (1862 годъ). **М. Чалаго.** *(Окончаніе).* . . . . . 1—52

II. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. 53—71

III. ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНІИ ЗЕМЛИ И ЗЛЫХЪ ДУХОВЪ. Х. Я. 72—79

IV. ПРОЩАНІЕ РЕКРУТА И РЕКРУТСКІЯ ПѢСНИ ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **В. Милорадовича.** 80—95

V. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* 96—184 . . . . . 336—393

VI. О. АЛИПІЙ. (Разсказъ). **Θ. А. Кудринскаго.** *(Окончаніе).* 185—226. . . . . 239—271

VII. ГРОМОВЫЯ СТРѢЛКИ. Очеркъ по исторіи южно-русскаго фольклора. **Юльяна Яворскаго.** . . . . . 227—238

СТР.

VIII. ПѢСНИ МОЛОДЕЖИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНѢ. **А. Г. Хатемкина.** . . . . . 272—318

IX. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича.** (*Продолженіе слѣдуетъ*). . . . . 319—335

X. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). **А. Титова.** (*Продолженіе слѣдуетъ*) . . . 394—408

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Этнографическій музей въ Варшавѣ. **Н. Бѣляшевскаго.** б) Преданія, связанныя съ Лебединомъ и его окрестностями. **Василія Гильченка.** в) Закляти гроши. Записала **Ольга Л—ье.** г) Село Сахновка и кн. П. П. Лопухинъ. Священника **Н. Подвысоцкаго.** д) Днѣпровскій перевозъ въ Кіевѣ. **А. А.** е) Полугодовая панихида по П. А. Кулишу. **В. Н—ка.** ж) Письмо въ редакцію. **В. Н. Перетца.** з) Этнографическій элементъ въ повѣсти Гоголя «Заколдованное мѣсто». **В. Милорадовича.** и) Риторическій учитель Черниговскаго коллегіума монахъ Гавріилъ Искра и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской академіи Георгіемъ Конисскимъ. **Д. К. Вишневскаго.** і) Къ исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи. к) Къ біографіи митрополита Кіевскаго Самуила. Сообщилъ **А. А. Танковъ.** л) Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеній XVIII вѣка. Сообщ. **Д. Вишневскій.** 1—36 . . . . . 55—73

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Записки наукового товариства імени Шевченка. **Н. М.** б) Быль и легенды о могилѣ Аскольда съ приложеніемъ древнихъ плановъ Кіева (1638 г.) и Печерской

стр.

его части (1695 г.).—И. Т—а. **И. Каманина.** в) Матеріалы къ изученію Кубанскаго козачьяго войска. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпускъ 1—3: Пісні чорноморскі. Выпускъ 4-й. Пісні линейскіе. Для одного голоса и хора съ акомпаниментомъ фортепіано. Собраны А. Бігдаемъ, дѣйствительнымъ членомъ Кубанскаго статистическаго комитета. Изданіе Кубанскаго статистическаго комитета къ 200-лѣтнему юбилею войска. **Н. Ш.** г) Приходская библіотека. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ V. Очерки Малороссіи. Редакція В. И. Шемякина. **Н. Ш.** д) Отъ Кіева до Бриндизи. Путевые очерки Е. Л. Маркова. **В. Я.** е) Изъ Малороссіи. Задушевне слово дорогой памяти Любому Царю Освободителю Александру II. На 1-е марта 1897 года. Сочиненіе П. В. Карнаушенка. **В. Н—на.** ж) Обозрѣніе журналовъ. з) Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarum (ruthenicarnm) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae edita. Vol. I.—Памятки українсько-руської мови і літератури. Видае комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том I. Апокрифи старозавітні зібрани з рукописів украінсько-руських. **В. Щербины.** и) Iózef Włast. Opowiadania historyczne z dziejów okolicy Słuczy i jej dopływów. **Б.** і) Записки императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. VIII, вып. 1 и 2. (Новая серія). Труды отдѣленія русской и славянской археологіи. Книга первая. к) Опытъ военно-историческаго изслѣдованія о козачествѣ. Выпускъ 1-й полковника М. Нуджевскаго. **Z.**

л) Обозрѣніе журналовъ. 37—54 . . . . . 74—84

СТР.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Ланкастерское училище въ Кіевѣ. (65—69).
2) Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи. (71—80) (81—88).
3) Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (89—96).

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» (*въ концѣ книги*) 1

Не радуется бо Богъ, якъ кто погибаетъ,
Тѣмъ и праведный свой гнѣвъ далій отлагаетъ,
Не заразъ же и благихъ обыклъ награждати,
За болшо терпѣніе болшую отдати
Честь и славу, какъ была вамъ данна напредѣ,
Отъ нечыстыхъ изыметъ грѣшниковъ изсредѣ
Васъ, какъ непорочныхъ, прыведетъ во славу,
Сохранитъ невредимыхъ подъ свою державу
И удостоитъ тамо высочайшей чести,
Коея недостанутъ участницы лести;
Васъ отвращающыись и по своей воли
Ходящіи пребудутъ въ плачевномъ удолѣ,
Примутъ нестерпимую и вѣчную муку,
Поидутъ до пекелнаго владыки подъ руку,
Гордіи низринутся въ дно самаго ада,
Гдѣ во вѣкъ имъ не будетъ никая отрада.
В нечыстотѣ жъ сущіи огнемъ негасимымъ
Въ вѣкъ, конца не имуще, будутъ одержимы.
Вы же плачъ отрыните и отрите слезы
Даже милости Божой получите стези!
Отъ окружающыхъ васъ всѣхъ бѣдствій покрыетъ
И отъ всякія скверны Господь Богъ омыетъ.
И за сію скорбь вашу будите готовы
Внити во небесныя жилища чертоги!

(Первый ангелъ глаголетъ къ цѣломудрію):

Се, тя, цѣломудріе, Богъ не оставляетъ,
Но печалящусь вѣнцемъ нетлѣннымъ вѣнчаетъ.

(Второй ангелъ чыстотѣ глаголетъ):

И ты, чыстота, въ скорбѣхъ еси услышанна,
Отъ десницы Божьей пребуди вѣнчанна.

(Чыстота благодаритъ):

Благодаримъ повсегда, нынѣ попремногу
Избавлшему отъ злыхъ предвѣчному Богу.

Старый человѣкъ выходитъ удивляющися временнѣ и вѣчно погибающымъ отъ пьянства.

Здѣ мя пріити понуди не инна причина,
Но сія: не послидня-ль наступи година,
Въ ней же пзвѣствуется мерзость, прорекома
Пророкомъ Даніиломъ, въ пагубу ведома,
Ея же не инъ коренъ, какъ пьянство глубоко,
Имже всякъ поступаетъ на все зло широко.
Что сотвори Лотъ, мужъ святъ, сего исполнены,
Отъ своихъ дщерей бяше на грѣхъ искушенны!
Болше-жъ паче во ономъ всегда пребывая,
Нѣ помыслитъ на добро, но паче на злая...
Лишается богатства сему присѣдящый,
Нощъ по нощъ за чашами лотруя, не спящый;
И честъ уже не честію, толкобь чаша полна,
Аще долговъ великихъ и шыя неволна.
И какъ уже сей, в пьянствѣ прысуще надолзѣ,
Возъможетъ памятствовать о душевной ползѣ?
Дивлюся непомалу: такъ себе вглубиша
Многіи въ оно, яко о себѣ забыша,
И временну жызнь какъ бы добрѣ проводити
Не мыслятъ, но какъ полной чашы не пролити.
Вину дая, что весма на жывотѣ тощно,
Хочъ праздникъ иль неделя однакъ выпить мощно.
Пущай стомаха рады, немощы ль коликой,
И то мѣрно, чтобъ было безъ страсти великой,
Яже бы не лишила сей временной жызни,
А паче всего сего—небесной отчызны,
Пущай в кое время и пиръ сотворяетъ,
Но по силѣ своей чашу испѣваетъ.
Да то бѣда, что егда полной несполнити
Гарцевой, то и начнетъ другъ друга бранити,
И такъ дружка за другш(ж)ку мусить выпивати:
«Любви и впредъ пить вмѣстѣ бы не потерати»;
А любовъ не такъ въ добро, якъ на всяко злое,
Въ любви бъ исполнятъ всегда и тщытся отое;
О, любви сей премерской, любви окаяной,
Что о Божой немыслятъ любви неска(за)ной!

Какъ же о сей имъ мыслить, что себе вглубили
Въ пьянство такъ, яко ему дни опредѣлили
Празденства, которіе преданы святими
Суть, сырныя недѣли, дабы мы хранимы
Были въ нихъ отъ всей скверны ко посту святому
Четыредесятницы, яже есть самому
Преблагопріятная Господу и Богу,
Чрезъ кои въ путь спасителны имѣть бы дорогу..
Но многѣ во зломъ пьянствѣ сія провождаютъ,
Бахуса, аки отца, весма ожыдаютъ,
Ему же пѣсни мерски поютъ велегласно,
Питтемъ, яствіемъ столы предъ ставляютъ красно,
И з великимъ желаніемъ другъ друга срѣтая,
Лобзаетъ искренно, оныхъ поздравляя,
Приговоря: «теперъ намъ повеселитысь».
Выпивая пугары, хочь бы разлучытысь
Зъ душею и со тѣломъ, ни что не важаютъ.
Да, Маслѣну въ Бахуса добрѣ провождаютъ,
Коя уже се со лики градетъ и тымпаны,
Дабы увеселити холопы и паны
Игрми и плясаніемъ з безъстудными музы,
Съприговоромъ веселымъ: «гуляйте днесь друзи»!
Отъ коего Бахуса Богъ да защищаетъ,
Но всѣхъ въ цѣломудріи добрѣ укрѣпляетъ.

Бахусъ

выходитъ хвалящися, яко на ввесь свѣтъ имѣетъ власть.

Имя мое бываетъ славно и велико,
И не изобрящется другое толико!
Силенъ и шуменъ всегда вездѣ пребываю,
Понеже азъ всецѣлымъ свѣтомъ обладаю;
Вси бо мнѣ кланяются чтыри части свѣта,
И кланятимутся даже окончатся лѣта.
А во первыхъ Азію во власти имѣю,
И ея всѣмъ богатствомъ всячески владѣю;
Прыноситъ мнѣ многое предрагое злато,
За вино сокровище даетъ пребогато.

(A s i u s).

Приносимъ, и приносить повсегда желаемъ,
Зане, безъ тебе суще, бѣднѣ унываемъ!

(Б а х у с ъ).

Вся комуже извѣстно, всячески есть явѣ,
Яко есть и Африка во моей державѣ,
Аще и плодоносна и силна во брани,
Но ни какъ можетъ пребыть безъ моея длани.

(A f r i c u s).

Правда естъ, господине, безъ тебе неможно
Намъ пребыти всячески, глаголю не ложно!

(Б а х у с ъ).

И въ Америки мене почытаютъ люде,
Глаголютъ: «милостивый Бахусъ намъ да буде»!

(A m e r i c u s).

Такъ, просимъ тя и молимъ: «буди съ нами, добры,
Укрипляембося, и мы тобой бодры»!

(Б а х у с ъ).

Тако жъ изъ Европы славу получаю,
Ибо я тамо свою руку простираю.

(E u r o p u s).

Такъ, мы не можемъ тебѣ назватися други,
Но кланяемся ти, какъ подчиненны слуги.

(Б а х у с ъ).

Кромѣ жъ васъ, что мнѣ есте вѣрно подчиненны,
Не можетъ быть безъ мене всякъ пиръ учреждены,
Ни крезбины, ни свадьба, была бы колика
Въ проста, илъ Господина честна и велика...
Азъ изъ вражды великой привожду во дружбу,
Подчываніемъ готовымъ творю бѣднымъ службу;
Аще кто возводисъ на честь кую будетъ,
Никаковымъ образомъ мене позабудетъ;
Суще въ бидахъ и немощехъ азъ увеселяю,
А силнаго въ крѣпости изъ ногъ изваляю,

Тако жъ мудръ отъ мене умомъ не постоитъ,
По моей воли ходитъ, еже ми достоитъ;
И глупъ, мнѣ прыхилившысь, разуменъ бываетъ,
И убогій богатымъ себе называетъ;
Паче жъ сего бываетъ праздникъ мой превелій,
Егоже съ усердіемъ всяки чтить веселый,
Маслину, до которой свободно порогу
Добру вси безъ препятствія имѣютъ дорогу,
Отъ всякой зъ охотою страны пріежжаютъ,
Хочь была бъ кая пропасть, ничто невважаютъ.
Премнози отъ человѣкъ въ немъ мя почитаютъ,
Чашами, пугарами весма величаютъ.
Всегда бо, паче жъ въ оной, не сутъ заключенны
Врата, ни караулы кія утвержденны,
Въ мене гулять свободно и пити доволно,
Но все выдить скармана, хочь было бы полно;
Да не достане ль оттуду, беру и заставы;
Для его жъ политики, чести же и славы
А приговариваю: «гуляй себѣ, пане,
Дотолѣ, поки на тебѣ рубища не стане!
И сказую по полной чаши выпивайте,
Маслину же весело вездѣ прославляйте»!
Тако жъ: «да возыграютъ лики и тымпаны!
Возвеселитесь сердцемъ, вси мои подданы!
Прызываю васъ къ себѣ—прыбывать на сіе:
Спорожняти до конца бочки виновые,
На тое естъ маслина, дабы веселитысь!
Чего не станетъ въ бочкахъ, дрожми покрипитисі,
И сему истощившусь, помывъ и сосуды,
Выпите, толко веселы сей намъ праздникъ буди!

Кантъ.

Какъ внишній миръ сей зрится человѣку,
Что хотѣлъ бы съ нимъ жити до вѣку:
Но изволь разсудить,
Какъ съ тѣмъ вѣкъ заложить,
Иже и самъ кончится.
Се, елика суть намъ въ немъ пожеланна,
Вся кратка, вся непостоянна

На всяку годину,
Пріемлютъ измѣну.
И кто имъ увѣрится?

Взыщу ли въ немъ славы,
Власти ль и державы;
Но когда смерть прыйдетъ,
Тогда ли снійдетъ
Слава въ гробъ со мною?
Тогда, сій во гною,
Кіими имѣю владѣти?

Красоту ли тѣла
Возлюблю до зѣла?
Егда ли вѣчна
Тварь краснолична!
Когда плоть увянетъ,
Сама кость останетъ,
Сладко ли на ню зрѣти?

Аще ли красны созижду палати,
Аки бы вѣкъ въ нихъ обитати,
Но какъ ихъ лишуся
И въ гробъ преселюся,
Кому та по мнѣ будутъ?

Дружину ли вѣрну возъимѣю,
Чадами ли разбогатѣю?
Но и тіи сами,
Точію до ямы
Проведшы, мя забудутъ.

Чыли мнѣ со скоти
Угождати плоти?
Начну ли до сласти
Пити да ясти,
Но се болшъ послѣди
Черву будутъ снѣди
Отъ чрева утучена.

Составлю ли лики
Весь день до музики?
Но въ день ли остатни
Будутъ пріятны

Гласъ трубы ужасный,
Шумъ и троскотъ страшный
Мира огнемъ зажжена?

Убо мнѣ лучше с мѣромъ попрощатся,
Всѣхъ его прелестей остатся:
Богатства лукава,
Зпскъ, честь и слава
Пущай съ нимъ погибаетъ!

Лучше отъ мира къ Богу приступити,
Малъ часъ сей ему послужити;
А онъ человѣку
Дати въ ономъ вѣку
Вся вѣчна обѣщаетъ.

Потерпимъ въ сей жизни
Бѣды, укоризны,
Всю напасть и вражду,
Алчбу и жажду:
Нехай насытимся
Нехай насладимся
Безконечно о Бозп.

Сѣймо, не стужаси,
Слезы по вся часы:
Придетъ рубояти
Радости пожати;
Тогда пожнетъ тая,
Не ослабѣвая,
Въ небесномъ чертози [1]).

Epilogus.

Вашему любомудрству нами предложено,
Которое бысть лѣло тое изреченно,
О коемъ изволили милости внимати

---

[1]) Послѣ этого канта, вѣроятно, профессорскою рукою замѣчено: „Сего канта 4 пункти по прологу гарно пѣть, а остальніе два предъ выходомъ старика". Въ позднѣйшій рукописи кантъ помѣщенъ послѣ эпилога, и при немъ тоже приписано: Hujus cantus quatuor puncta statim post prologum canenda sunt, reliquas vero duas ante introitum veteris hominis dispositis.

Вашы. О семъ же просимъ тоя благодати;
Погрѣшеніе ль въ ономъ явилось якое,
Милостей вашыхъ мудрость да покріетъ тое;
Всепокорно просимъ и молимъ простити,
Аще бы погрѣшеніе могло кое быти.

1896 года, 23 ноября.
Смоленскъ.

ИНТЕРЛЮДІИ

МИТРОФАНА ДОВГАЛЕВСКАГО

XVIII ВѢКА.

Въ 1865-мъ году впервые открыты были неизвѣстныя до того времени интерлюдіи учителя піитики въ Кіевской Академіи *Митрофана Довгалевскаго*, сочиненныя имъ въ 1736—7 г.г. Тогда-же даны были о нихъ сообщенія въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» проф. Н. И. Петровымъ [1]). Эти сообщенія давали право предполагать, что въ піесахъ Митр. Довгалевскаго заключается много очень интереснаго для изслѣдователей малорусской старой письменности вообще, и для изучающихъ любопытныя страницы въ развитіи малорусской драмы—въ частности. Но такъ какъ эти интерлюдіи считались потомъ затерянными, то въ полномъ видѣ съ ними никто въ печати не могъ и ознакомиться. Оказалось, впрочемъ, что рукопись Довгалевскаго не затеряна и хранится въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря за № 1710-мъ. Въ настоящее время, благодаря любезному сообщенію намъ Н. И. Петровымъ списка съ этихъ интерлюдій, мы рѣшили напечатать ихъ, при чемъ сохраняемъ правописаніе подлинника въ общемъ характерѣ, но безъ надстрочныхъ знаковъ. Н. И. Петровъ, въ письмѣ къ намъ, высказываетъ по поводу интерлюдій Митр. Довгалевскаго слѣдующія свои соображенія. «Пересматривая и описывая въ 1893 году рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, я обратилъ вниманіе и на эту рукопись, снялъ копію съ интерлюдій и пересмотрѣлъ остальныя статьи, находящіяся въ ней. При этомъ я убѣдился, что интерлюдіи сочинены не М. Довгалевскимъ, какъ я предполагалъ прежде, а ученикомъ его, ученикомъ піитики *Саввой Лебединскимъ*. Во 1-хъ, въ этой рукописи, принадлежавшей самому М. Довгалевскому, интерлюдіи переписаны съ ошибками. Во 2-хъ, въ приложенномъ къ рукописи спискѣ учениковъ піитики значится, въ числѣ другихъ, Савва Лебединскій, сынъ козака изъ Украины, изъ г. Мглина, Стародубскаго полку, который еще въ синтаксическомъ спискѣ аттестованъ у М. Довгалевскаго такъ: «Magister comoediae, salis sermonisque urbanitate abundat, debilis studio, lassatus incuria, extinctus labore, nonnisi propter annos detur commendatio». Такой только человѣкъ и могъ сочинить интерлюдіи».

Считая съ своей стороны этотъ вышеприведенный домыслъ уважаемаго профессора не окончательно убѣждающимъ насъ въ авторствѣ Саввы Лебединскаго въ данномъ случаѣ, мы помѣщаемъ эти интерлюдіи, озаглавивъ ихъ, по старому мнѣнію, *интерлюдіями Довгалевскаго*, думая, что печатный текстъ дастъ возможность большему числу спеціалистовъ сдѣлать свои болѣе или менѣе достовѣрные выводы.

Авторъ интерлюдій пользовался въ нихъ по мѣстамъ и румынскимъ языкомъ. Исправленіе этого румынскаго текста и переводъ его на русскій языкъ сдѣланы, по просьбѣ Н. И. Петрова, г-номъ Гроссу.

Извѣстно, что Митр. Довгалевскому принадлежатъ двѣ драматическихъ піесы «Комическое дѣйствіе» на Рождество Христово (1736 г.), и «Властотворный образъ человѣколюбія Божія», пасхальная піеса (1737 г.). Къ обѣимъ этимъ драмамъ, въ видѣ приложеній къ каждой, примыкаютъ по пяти интердюдій.

---

[1]) 1865 г., февраль; 1866 г., ноябрь.

РОЖДЕСТВЕНСКІЯ ИНТЕРЛЮДІИ.

Первая.

Выходитъ астрономъ и хвалится своею наукою, до которою выходятъ два мужика, литвинъ, цыганъ, и проженутъ.

Ehey dla Boga iak-iem utrapiony
Z natury będąc szlachcic urodzony
Ktore szlachecstwo gdy matka wrodzila
Panno wżdy będąc we wszystcich nażyla
Rozum Katona mężność Hektorowa
S panienskiey krwi iest mnie statura owa
Znam co się dzieię y w piekle y w niebie
Fortuny nie mam y na-krok u sobie
Butow sukienki a czapki nie pitay
We wszystkim iestem tak jak widzisz witay
Iednak że tego niechce explikowac
Mam glowe mądre znam złotem szafowac.
Mam prespektywo astronomskiey sztuki.

Муж. О бодай же в кузнѣ бувъ коли змерзъ у руки.
О сежи ми и к вашець стали приходжати
І скажи не соромся якъ маемо звати

Астро. Jestem szlachcic wrodzony, lub bez drogiey szaty.

Муж. А якуюж ти тутъ вашець човпешь веремѣю?
Чи не хочешь ти нас тилко вернуть на менѣю.

Астро. Ale ja nie ten, ja znam co się w niebie czyni
Rozmowie moie slowo nigdy nie omini
Y ia zawsze zgadnie kiedy y orać do chleba

Муж. Пархумъ идижъ сюда ос чортъ принѣсъ с неба
Чоловѣка, сюди до насъ почуешь розмови.

Пархомъ. Чи не вивести до іого своеи коровн
Рабои то вѣнъ чого чи не знае
З манацѣи, якое буде теля може и вгадае
Ну кажи якъ Бога боишся
Муж. От не имѣтъ вѣри также придивися.
Пархом. А що бакъ ти у чорта искажи за птиця
Чи мишь чи кажанъ чи перепелиця.
Астро. A ja iestem Polskiey nauki ostrolog.
Муж. Е се бачу той, що бавлят остронугъ.
Що вѣнъ наперед летючую хватае
Около неба звѣзди избирае.
Цыган. О сежъ и я тута в мене ест кобила
Три роки жеребна да ще не родила
Лошати, чи не вгадаешъ дядку
Яке буде чи вороне чи яке на взглядку
Коли вороне дамъ добру заплату
Памятатимешъ и до смерти тату
Литвин. Га га кабузнѣкъ о пчолкахъ чи знаешъ
Въ мшанѣку іост сколко чи въгадаешъ
А въ борцях чи живи чи не рушивъ недзведзь
Кажи чи знаешъ або уже не бредзь
Албо висеяць горохъ колѣ треба.
Астро. Czekay no trocha rzusie się clo niebie
Gwiazdy powidze iak toczosię kołem.
Парх. А моеж нивя чи буде вже полемъ
Астро. Patrżcie iak wpadnie znak planety Raka.
Муж. Швиденко становись остроному рака.
Астро. O summam injuria rusticorum
O tyrandem ztych wozowykorum
O jakiems dostal dzis u chlopskie ręki
Juźem nie cierpial takiey wielkiey męki
Lepiey bylo w Polszcze recreandi
Муж. О я кажу що вѣнъ надувсь до оранди
Цыган. Ось ми коло тебе тепер погуляемъ
Муж. І скроз спектива все всѣ поотбираемъ
Лит. А я проводнѣка поламъ на дорогу
Што починѣвъ у насъ такую тривогу
Каже што дожчу не будзе нѣ трохѣ

Муж. А тижь не знашь крутохвоста здохи
Озмѣмъ лишь его въ руки хорошенко
То вѣнъ перестане крутитця швиденко.

2.

Виходитъ мужикъ сонъ росказуе и прикликае до себе еще двохъ. Потому призоветъ бабу и циганку; циганъ пріиде за циганку всѣхъ пропудит.

Що се прошу такее на свѣтѣ човпется
Чи во снѣ чи на евѣ се диво плетется
Ужеж питався дяка въ книзѣ чи не мае
Написано, або такъ хто чи не вгадае
І всѣ так читали та не начитали
І всѣ отгадовали да не отгадали.
А такіи сонъ приснився що боюс казати
Що далибѣгъ припало ис хати втѣкати
Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
А схватився з опалу такъ дуже швиденко
Стою якъ опапленній такъ дуже злякався
Ажъ бачця Анголикъ з рогамы до мене прибрався
Тай кажет такъ на мене: чи бачивъ ти дѣво
Я бачця гулкъ на небо ажно небо сиво
А звезда велицузна да з мѣсяцемъ бется
Мѣсяцъ не пуска сюда вона къ мѣнѣ прется
Дакъ я пакъ ище гѣрше хрищус молюс Богу
Якъ злякався да и назад лѣзу и къ порогу
Ажъ бачится мене за руку Хувра да и на пулъ
Дакъ у мене ис правои ногы испавъ постулъ
А дале якъ загримит якъ блисне зненацка
Дакъ то и тогди и по всіому почала рѣзачка
Ризати штурмовати колити избоку
Якъ було мнѣ осталос у кума з уроку.
Колиб бакъ хто сей снище заразомъ отгадавъ
Ябъ остатню корову перѣстую отдавъ
Лишь пакъ сподѣваюсь що Пархумъ може отгадати
Пархумъ годѣ лишь тамъ ходи лишь до хати
А що тамъ, іо що пакъ тамъ сонъ иди отгадай
Буцѣмъ ти не кобзуешъ цур пекъ тобѣ бѣгдай

Кажиж що тамъ за сонъ а юже отгадаемъ
Бо ми ту було лихословицю було также знаемъ
1. Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
Ажно приснився мнѣ сонъ сей да и швиденко
Бачится Янголъ з рогами прибрався до мене
Сѣпае, торкае, кличе: устань лишь Семене!
Я швиденко кинувся всюди озпраюс
А тутъ що хивра хвата я не сподѣваюсъ
За руку, якъ же шпурне мною якъ мячикомъ на пулъ
Дакъ у мене ис правой ногы испавъ постул
А мѣсяць на небѣ и звѣздами бется
А одна звѣзда з неба да до мене прется
О мы сіого не кмѣтимъ якъ би отгадати
Хиба Кузюберду мусмо позвати.
Кузюбердо, га ходи сюда! чого?—Иди швидко!
3. Ужежъ бо мнѣ до васъ и ходити стало гидко
1. От чи не знаешъ сну сего отгадати
3. Атъ чортъ его знае да и чортова мати
От хиба Настя баба що вгадуе всюди
2. Алеж бо братчику вона хорошаяж юда.
1. Поидижъ ти лишь по ей да кланяися низенко
Щоб пріишла, бо пѣдемъ въ оранду швиденко.
Баба. Памагайбѣ сподарѣ даите милостину.
Глянтес на старост который отцкіи сину.
3. Об вовку мова вовкъ тутже, и вона якъ сакомъ пала
Що мы хотѣли кликать вона якъ все знала.
2, Угадаетъ же вона сеи и сонъ що бути мае
Уже жъ нѣкого не турбуй певне угадае.
Баба. Що тамъ за сонъ дѣточки голосно кажѣте
Коли що якій зліи то и не говорѣте.
1. Оттъ бачится до мене янголѣ ходилы
Да и такъ приснилось бачится збудили
А звѣзда з неба в ротъ тилко не влетѣла
Дакъ я швидко истуливъ дакъ вонаж не вспѣла
А мѣсяцъ зъ звѣздами таке чинивъ диво
Якъ журавля нарадивъ усе небо сиво.
Баба. О сежъ вамъ идетъ на хлѣбъ на плуд да на дѣты
Будетъ за кимъ на старость спокоино сидѣты.

Цы. Помагайбѣ мани чи здорови жадани
Маешъ тугу на сердцу своему
Що снилосъ во снѣ тезкови твоему
Хиба вы мнѣ дайте наибѣлшое сало
Щобъ правдивой циганцѣ за ворожку стало.
Я знаю, що до васъ ангелы и звѣзды ходилы
І всяку потѣху до васъ приносили.

1 О сеж братця циганка якая излиха
На память до слова беретъ з торби якъ з мѣха.

Цы. Уже жъ бо я не змилю якъ баба от тая
Що вона брехала якъ сука старая

(*Баба*). А ти вже не слухай тоей мантачкы сыну
Вона въ тебе зъ пазухи витягла хустину

2. Чи справди, бабочко? дакъ вона и злодѣйка
Да не згирша з неи бачу лементѣйка
Я казавъ лучше було послухати баби
Якъ вдарю по виденю дакъ чи мощъ у жабы
очи повилѣзают.

Цыган. Соля мунзже дахътъ куриче ха, ха, ха
Тацкуры намури жда истули дракури та шушкутъ
Мушкутъ нахлавде тараба давдубѣ жиберинту
Здристиста перъдулицу линдра попардечка
На мандро наждала са що великая була в мого батка
Ковбаса ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Що тутъ панове моеи жони голосъ чути.
Хоревъ Маждала.
А тебе чи катъ унѣсъ що дѣешъ тут ты.
Чи тобѣ користь даютъ чи яку заплату

Муж. І мы не кликали еи сюда в хату
А вона пришовши да вкрала хустину
Буде и тобѣ тое негыдному сыну

Цыган. Дакъ вамъ за тее з неи наругатся
Да коли бъ не нахвативсь то бъ ви збили братця.

Муж. Ище ми и до вѣта еи суку попремо
Да и тамъ драла доброго дамо.
І в громадску колоду ногами забемо.

Цы. В нашимъ роду того не мае щобъ у колодкахъ сидѣти
Чого ваши не дождутъ и всы псѣи дѣты
Лучше би цигану не бути на свѣтѣ.

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+ 1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139+Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповиданнія. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+ 13—118. Цѣна 75 к.

[1] Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вкрна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогіданнѣ С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Білорусія и Литва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошниченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П.** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Иванов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинський. **Мыхайло.** Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбинський М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повести. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І.** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирник танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Украінський Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его повзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ премія гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбецъ. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.